

Редакционный совет научного журнала «Вестник НГУ. Серия: История, филология»

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зуев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

- Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)
- Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)
- Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)
- А. В. Головнёв чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)
- А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)
- А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- Н. Л. Жуковская д-р ист. наук, профессор (Институт антропологии и этнографии РАН, Россия)
- О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)
- С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)
- В. А. Ламин чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)
- Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)
- Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)
- Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)
- П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)
- И. В. Силантьев чл.-кор. РАН, д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)
- Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)
- Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «Археология и этнография»

Ответственный редактор

А. И. Кривошапкин чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, проф. РАН (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Ответственный секретарь

Д. В. Селин канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редколлегии

- Л. А. Бобров д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Н. Н. Крадин акад. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия)
- Р. М. Краузе д-р истории, проф. (Университет Франкфурта-на-Майне им. И. В. Гёте, Германия)
- Б. Е. Кумеков акад. Национальной академии наук Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан)
- Л. В. Лбова д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)
- А. Наглер д-р истории (Германский археологический институт, Берлин, Германия)
- Н. В. Полосьмак чл.-кор. РАН, д-р ист. наук (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)
- З. Самашев д-р ист. наук, проф. (Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана Национальной академии наук Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан)
- К. Ш. Табалдиев канд. ист. наук, проф. (Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Бишкек, Кыргызстан)
- Е. Ф. Фурсова д-р ист. наук (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)
- Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)
- С. Хансен д-р истории, проф. (Германский археологический институт, Берлин, Германия)
- Я. Хохоровский д-р истории, проф. (Институт археологии Ягеллонского университета, Краков, Польша)
- Сукбэ Чжун д-р истории, проф. (Университет культурного наследия Республики Корея, Пуё, Республика Корея)

Advisory Board of Academic Journal “Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

Vyacheslav I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

Andrey S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

Sergey G. Skobelev Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Khizri A. Amirzhanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Bence Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

Elena E. Voytishchik Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tomash Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

Andrey V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

Arkadiy E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

Anatoliy P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Jacques Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Olga D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Gabriella E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

Stephen M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

Vladimir A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

Hermann Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

Hugues Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

Peter Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

Igor V. Silantev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

Tomas Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yuriy V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board

of the Issue “Archaeology and Ethnography”

Executive Editor

A. I. Krivoshapkin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Executive Secretary

D. V. Selin Candidate of Sciences (History), (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

- L. A. Bobrov Doctor of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- N. N. Kradin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology and Ethnography of Far Eastern nations of Far East Branch of the Russian Academy of Science, Far East Federal University, Vladivostok, Russian Federation)
- R. M. Krause Doctor of Sciences (History), Professor (Goethe University of Frankfurt, Germany)
- B. E. Kumekov Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakstan, Doctor of Sciences (History), Professor (L. N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Kazakhstan)
- L. V. Lbova Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- A. Nagler Doctor of Sciences (History) (German Archaeological Institute, Berlin, Germany)
- N. V. Polosmak Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History) (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- Z. S. Samashev Doctor of Sciences (History), Professor (A. Kh. Margulan Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences, Astana, Republic of Kazakstan)
- K. Sh. Tabaldiev Candidate of Sciences (History), Professor (Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek, Kyrgyzstan)
- E. F. Fursova Doctor of Sciences (History) (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- T. Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)
- S. Hansen Doctor of Sciences (History), Professor (German Archaeological Institute, Berlin, Germany)
- J. Chochorowski Doctor of Sciences (History), Professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)
- Suk-Bae Jung Doctor of Sciences (History), Professor (Korean National University of Cultural Heritage, Buyeo, Korea)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2024. Том 23, № 7: Археология и этнография

СОДЕРЖАНИЕ

Преподавание археологии в вузах

- Головченко Н. Н., Грибанова Н. С., Вайцель Д. Э.* Опыт реализации проектно-деятельностного подхода в процессе преподавания курса «Археология» в Алтайском государственном педагогическом университете 9

История и теория науки, новые методы исследования

- Лебединцев А. И.* История открытия и археологические исследования палеоэскимосской стоянки на о. Врангеля (Северная Чукотка) 19
- Андреева О. В.* Подсчет концентрации шамота в керамике: новые данные экспериментальных исследований 35

Археология Евразии

- Козликин М. Б., Шуньков М. В.* Ашело-ябрудийский культурный комплекс в Леванте и вопросы генезиса среднего палеолита Алтая 43
- Федорченко А. Ю., Белоусова Н. Е., Вишневецкий А. В., Селецкий М. В.* Местонахождение Куяча – новый памятник поздней стадии верхнего палеолита в долине реки Песчаная (Горный Алтай) 55
- Барков А. В., Колесник А. В.* Клад микропластин из позднепалеолитического слоя стоянки Стрелка-1 в Красноярске 73
- Молодин В. И., Ненахова Ю. Н., Кобелева Л. С., Селин Д. В., Мыльникова Л. Н., Пархомчук Е. В.* Мультидисциплинарные исследования раннеолитического объекта № 1791 на памятнике Тартас-1 (Барабинская лесостепь) 85
- Пастухов А. М.* Сабля династии Цин: особенности хронологии и морфологии 96

Нестеров С. П. Динамика конструкций и историческая реконструкция Албазинского острога на Амуре 105

Базарная К. О. Глиняная посуда русского населения Западной Сибири XVII–XVIII веков: технология производства и хронология 116

Этнография народов Евразии

Харитонов Р. М., Андреева Е. А., Михиенко В. А. Бурятский традиционный лук в собрании Российского этнографического музея (по документам о поступлении до 1930-х годов) 125

Октябрьская И. В., Николаев В. В., Самушкина Е. В. Кумандинцы: этническое самосознание и стратегии самоопределения в контексте этнической истории 139

Список сокращений 160

Информация для авторов 161

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2024, vol. 23, no. 7: Archaeology and Ethnography

CONTENTS

Teaching of Archaeology in High Schools

- Golovchenko N. N., Griбанова N. S., Vaytsel D. E.* Experience in Implementing of Project and Activity Approach in the Process of Teaching Archeology at Altay State Pedagogical University 9

History and Theory of a Science, New Research Methods

- Lebedintsev A. I.* The History of the Discovery and Archaeological Research of the Paleo-Eskimo Site on the Wrangel Island (Northern Chukotka) 19
- Andreeva O. V.* Calculation of the Concentration of Chamotte in Ceramics: New Experimental Data 35

Archaeology of Eurasia

- Kozlikin M. B., Shunkov M. V.* Acheulo-Yabrudian Cultural Complex in the Levant and Questions of the Altai Middle Paleolithic Genesis 43
- Fedorchenko A. Yu., Belousova N. E., Vishnevsky A. V., Seletsky M. V.* Kuyacha – a New Late Upper Palaeolithic Site in the Peschanaya River Valley (Altai Mountains) 55
- Barkov A. V., Kolesnik A. V.* The Microblades Cache from Upper Paleolithic Cultural Layer of the Strelka-1 Site in Krasnoyarsk 73
- Molodin V. I., Nenakhova Yu. N., Kobeleva L. S., Selin D. V., Mylnikova L. N., Parkhomchuk E. V.* Early Neolithic Pit no. 1791 at Tartas-1 Site, Baraba Forest-Steppe: Multi-disciplinary Research 85
- Pastukhov A. M.* The Saber of the Qing Empire: Peculiarities of Chronology and Morphology 96

<i>Nesterov S. P.</i> Dynamics of Structures and Historical Reconstruction of the Albazin Fort on the Amur River	105
<i>Bazarnaya K. O.</i> Pottery of the Russian Population of Western Siberia of the 17 th – 18 th Centuries: Production Technology and Chronology	116
Ethnography of the Peoples of Eurasia	
<i>Kharitonov R. M., Andreeva E. A., Mikhienko V. A.</i> Buryat Traditional Bow in the Collection of the Russian Museum of Ethnography (According to Documents on Receipt before the 1930s)	125
<i>Oktyabrskaya I. V., Nikolaev V. V., Samushkina E. V.</i> Kumandins: Ethnic Identity and Self-Determination Strategies in the Context of Ethnic History	139
List of Abbreviations	160
Instructions to Contributors	161

Научная статья

УДК 902

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-9-18

Опыт реализации проектно-деятельностного подхода в процессе преподавания курса «Археология» в Алтайском государственном педагогическом университете

Николай Николаевич Головченко¹

Наталья Святославна Грибанова²

Денис Эдуардович Вайцель³

¹⁻³ Алтайский государственный педагогический университет

Барнаул, Россия

¹ nikolai.golowchenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>

² museum@altspu.ru

³ d.vay.98@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена обобщению опыта реализации проектно-деятельностного подхода в процессе преподавания курса «Археология» в Алтайском государственном педагогическом университете. Рассматривается практика осуществления учебных просветительских проектов по археологической реконструкции. Базой для создания реконструкций-стилизаций служат оригинальные материалы Историко-краеведческого музея университета. Технические условия создания проектного продукта определяются доступной учителю-предметнику и студенту-практиканту материальной базой. Представлены ход и результаты изготовления стилизаций меча и доспеха населения Верхнего Приобья второй половины I тыс. до н. э. Показаны возможности 3D-моделирования в осуществлении данного проекта. В ходе исследования авторы приходят к выводу о том, что проектно-деятельностный подход позволяет эффективно сочетать подчерпнутые из специальной литературы и в процессе обучения теоретические знания студентов с деятельными механизмами их презентации в современном образовательном пространстве.

Ключевые слова

Алтайский государственный педагогический университет, проектно-деятельностный подход, иммерсивные технологии, педагогическая археология, археологическая реконструкция

Для цитирования

Головченко Н. Н., Грибанова Н. С., Вайцель Д. Э. Опыт реализации проектно-деятельностного подхода в процессе преподавания курса «Археология» в Алтайском государственном педагогическом университете // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 7: Археология и этнография. С. 9–18. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-9-18

Experience in Implementing of Project and Activity Approach in the Process of Teaching Archeology at Altay State Pedagogical University

Nikolai N. Golovchenko¹, Natalia S. Gribanova²
Denis E. Vaytsel³

¹⁻³ Altay State Pedagogical University
Barnaul, Russian Federation

¹ nikolai.golowchenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>

² museum@altspu.ru

³ d.vay.98@mail.ru

Abstract

Purpose. The article generalizes the experience of project and activity approach in the process of teaching archeology in Altay State Pedagogical University, based on the interaction of such organization development as Historical and Local History Museum, Scientific laboratory “Regional Studies Through History” and the Industrial Park of the Universal Pedagogical Competence.

Results. In the implementing process the problem arose of searching and testing new, more accessible forms of organizing project activities used by students in the pedagogical process. The authors think that the archeological reconstruction fits this viewpoint of social activity. It can be implemented naturally and virtually with different authenticity levels. The project and activity approach in teaching archeology is approved using the example of making a stylized dagger, Early Iron Age armor and a 3D model of a sculptural image of a warrior from this era. In addition, the approach was tested in teaching pedagogical university students undergoing professional training and students interacting with pupils as part of educational and pedagogical internships.

Conclusion. The authors conclude that project and activity approach makes it possible to combine scooped from the professional literature and the students’ theoretical knowledge in the process of studying effectively with the active mechanism of their presentations in modern educational system.

Keywords

Altai State Pedagogical University, design and activity approach, immersive technologies, pedagogical archaeology, archaeological reconstruction

For citation

Golovchenko N. N., Gribanova N. S., Vaytsel D. E. Experience in Implementing of Project and Activity Approach in the Process of Teaching Archeology at Altay State Pedagogical University. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 9–18. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-9-18

Введение

У истоков археологических исследований во многих регионах России стояли преподаватели и сотрудники педагогических университетов. По этой причине дисциплины, связанные с изучением археологического наследия, традиционно входят в число базовых курсов, преподаваемых будущим учителям истории, обществознания, специалистам в сфере туризма, культуры и молодежной политики, и являются неотъемлемым атрибутом их профессиональной подготовки. В полной мере данная традиция свойственна и Институту истории, социальных коммуникаций и права Алтайского государственного педагогического университета (ИИСКиП АлтГПУ).

Включение регионального компонента в процесс обучения историко-педагогических кадров в АлтГПУ давно и прочно базируется на сочетании в программе подготовки теоретического курса с обязательным прохождением учебных полевой археологической и музейной практик. Однако технологическая трансформация организации (открытие Технопарка универсальных педагогических компетенций и Педагогического кванториума имени Павла Константиновича и Любви Алексеевны Одинцовых), появление инновационных методик (иммерсивные технологии, геймификация) и актуализация новых социальных запросов (тре-

бования к организации школьных музеев) вносят определенные коррективы в данный процесс. Существенное влияние на развитие имеющихся педагогических практик и подходов при этом, безусловно, оказывает Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования третьего поколения, акцентирующий особое внимание на формировании у будущих педагогов-историков группы «мягких» навыков (так называемых «soft skills»), ориентированных в числе прочего на успешную реализацию различного рода проектов.

Проектно-деятельностный подход, представляющий собой один из наиболее перспективных векторов развития современного педагогического образования, в первую очередь ориентирован на активное вовлечение обучающихся в процесс получения новых знаний. При этом в педагогическом университете он должен реализовываться применительно к студентам, получающим профессиональное образование, и самими студентами, взаимодействующими со школьниками в рамках учебных педагогических практик [Ратникова, 2023].

Целью настоящей статьи является обобщение актуального, базирующегося на привлечении имеющейся у университета междисциплинарной ресурсной базы (практики, Историко-краеведческий музей, Технопарк, Кванториум) и ориентированного на применение в рамках профессиональной педагогической работы опыта реализации проектно-деятельностного подхода в процессе преподавания курса «Археология» в АлтГПУ.

Обоснование выбора формы проектной деятельности

Ориентация студентов на получение новых знаний, приобретение практического опыта поиска и атрибуции вещественных исторических источников – одна из ключевых задач полевой археологической и музейной практик. Поэтому практико-деятельностный подход в преподавании курса «Археология» вряд ли стоит считать каким-то модным нововведением. Теоретические курсы, полевая и музейная практики, подготовка курсовых работ и их апробация в виде статей и докладов на студенческих конференциях (РАЭСК, МНСК) – традиционные формы реализации проектно-деятельностного подхода в преподавании археологии, доказавшие свою эффективность при подготовке профильных специалистов.

Первую археологическую экспедицию Барнаульского государственного педагогического института (ныне АлтГПУ) провел на памятнике Иня еще в 1951 г. А. П. Уманский. С тех пор собранные материалы позволили организовать в университете собственный Историко-краеведческий музей, хранящий одно из самых репрезентативных собраний археологических древностей региона. Каждое лето студенты-историки выезжают в поле, последние годы в рамках двух экспедиционных отрядов, возглавляемых М. А. Деминым и А. Н. Телегиным.

Особо важно в данном отношении отметить организационный опыт доктора исторических наук, профессора М. А. Демина по институализации школьной археологии в рамках ежегодных археологических экспедиций обучающихся профильных (исторических) классов Алтайского краевого педагогического лицея-интерната (эпизодическое участие в экспедициях АлтГПУ принимают и иные группы школьников с их учителями-руководителями) [Демин, Демина, 2001; Демин, 2016]. По окончании полевых исследований школьники, лицеисты и студенты могут принимать участие в камеральной обработке полученных в ходе раскопок материалов, готовить самостоятельные публикации, курсовые и дипломные работы (проекты). С учетом трансфера кадров из педагогического лицея в педагогический университет таким образом складывается система непрерывного исторического образования.

Между тем центральной проблемой подобной формы реализации практико-деятельностного подхода является, как ни странно, его достаточно низкая практическая педагогическая составляющая. Студент – участник экспедиций, имеющий опыт камеральной обработки вещественных источников, возможно, подготовивший ряд небольших публикаций и даже написавший по археологии курсовую работу, не может реализовать полученные навыки впо-

следствии в ходе профессиональной педагогической деятельности, так как участие школьников в археологических исследованиях в массе своей носит эпизодический характер, в школьных музеях предметы археологии не хранятся и не экспонируются, организовать полноценную работу с ними в организациях общего образования зачастую невозможно. Данная ситуация приводит к тому, что полученные в ходе обучения в университете навыки студентов-историков остаются невостребованными в профессиональной деятельности, не получают стимула к дальнейшему развитию и со временем угасают.

Современный процесс обучения в педагогическом университете позволяет студентам выбирать различные траектории своего профессионального развития, в связи с чем неизбежно актуализируется необходимость расширения форм применения проектно-деятельностного подхода, а навыки, полученные в процессе его реализации, должны быть используемыми в профессиональной деятельности.

Студент-историк, выпускник, приступая к самостоятельной педагогической деятельности, может опираться на ресурсы и кейсы, сформированные с опорой на методические разработки сотрудников университета и источниковую базу университетского Историко-краеведческого музея. В качестве примера реализованных в АлтГПУ такого рода проектов можно привести работы по популяризации историко-культурного наследия Новотроицкого некрополя и созданные с опорой на его материалы тематические кейсы [Головченко, 2022; Грибанова и др., 2022] или опыт применения в педагогической деятельности студентов информационной программы с элементами игры «Древности Алтая» [Головченко и др., 2023]. Однако использование данного ресурса далеко не всегда оказывается возможным по техническим причинам, а главное, редко полноценно отвечает требованиям включения в процесс обучения регионального компонента (ведь в этих кейсах, может быть, не отражена археология конкретной местности, где работает студент-выпускник). Кроме того, проектной деятельности на основе музейных коллекций должно предшествовать их детальное изучение, поскольку не все материалы качественно опубликованы.

С учетом указанных трудностей обозначилась задача поиска и апробации студентами-историками новых, более доступных, возможно, упрощенных, универсальных или даже «игровых» форм организации проектной деятельности, применимых в педагогическом процессе [Веряев, Каменская, 2021; 2022]. Наиболее полноценно в данный ракурс социальной активности вписывается археологическая реконструкция, которая может осуществляться как натурно, так и виртуально с различным уровнем аутентичности. Далее мы предлагаем рассмотреть опыт реализации линейки связанных между собой тематических кейсов, потенциально вписывающихся в портфолио будущего учителя-историка, разрабатывающего учебные школьные проекты по археологии.

Практика реализации комплексного педагогического проекта по археологической реконструкции

Старт проекта с одинаковым успехом может быть осуществлен в процессе полевых исследований, во время работы с фондами Историко-краеведческого музея или же с началом педагогической практики. Важно понимать, что не всегда выгодно базировать его на каких-то высоко аттрактивных материалах (поделки из золота, высокохудожественные изделия и т. п.). Подобный подход может сформировать искаженное представление об археологии у обучающихся.

В нашем случае в качестве базового для проекта предмета был выбран фрагментированный железный кинжал из кургана 1 погребения 1 могильника Масляхи-1 (рис. 1, 1), с которым студент может ознакомиться в рамках музейной практики, а школьник – в рамках акции «Университетские музеи детям» (предмет не экспонируется).

Курганный могильник III–II вв. до н. э. Масляха-1, расположенный в Крутихинском районе Алтайского края (на границе с Новосибирской областью), был исследован экспедицией В. А. Могильникова, отрядом БГПИ под руководством А. П. Уманского в 1979 г. Материалы исследования могилы 1 ранее фрагментарно публиковались авторами раскопок [Могильников, Уманский, 1992], а интересующий нас предмет был описан О. С. Лихачевой [2020, рис. 25, 2], предложившей его интерпретацию в качестве меча и соответствующую графическую реконструкцию (рис. 1, 3).

С привлечением опубликованных материалов монографического исследования О. С. Лихачевой, как наиболее доступного для студента источника информации, в рамках педагогической практики школьниками г. Барнаула под руководством С. В. Зюкова была осуществлена натурная реконструкция «масляхинского меча» и доспеха так называемой каменной культуры (рис. 2).

Стилизованная реплика меча выполнена из стали типа 50ХГФА. Процесс ее изготовления был начат с нагрева заготовки, ее выпрямления и формирования клинка и черена. С помощью углошлифовальной машины были сделаны скосы на лезвии, имитирующие поражающую часть меча. Далее изготавливалось перекрестие, в силу технологических особенностей оно было выполнено составным – из четырех пластин низкоуглеродистой стали. Для навершия использовалась сталь со средним содержанием углерода. Так как оно имеет дугообразную, сложную форму, возникли определенные проблемы при его изготовлении. По завершении работ рукоять была обтянута кожаным ремешком. Весь процесс работ осуществлен на базе школьного кабинета труда, во всех этапах изготовления реплики участвовали школьники.

В дополнение к мечу студентом-практикантом вместе со школьниками был изготовлен и панцирь (типа «пончо», по О. С. Лихачевой). Подложка доспеха представляет собой парное соединение двух кусков кожи (юфть) с вырезами по горловине, сшитых в районе наплечников и имеющих завязки для подгонки по фигуре. Боковые полы доспеха также имеют кожаную шнуровку. На переднюю и заднюю части нашиты металлические пластины, изготовленные из листовой меди. Каждая пластина пришита кожаным шнуром к основе и сшита с каждой последующей как в горизонтальном, так и в вертикальном ряду.

Обе реконструкции изготавливались и используются в качестве учебно-наглядных экспонатов, главное назначение которых – пробуждение интереса к культуре и быту древнего населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа. Они не являются аутентичными копиями, но созданы с привлечением доступной материально-технической базы.

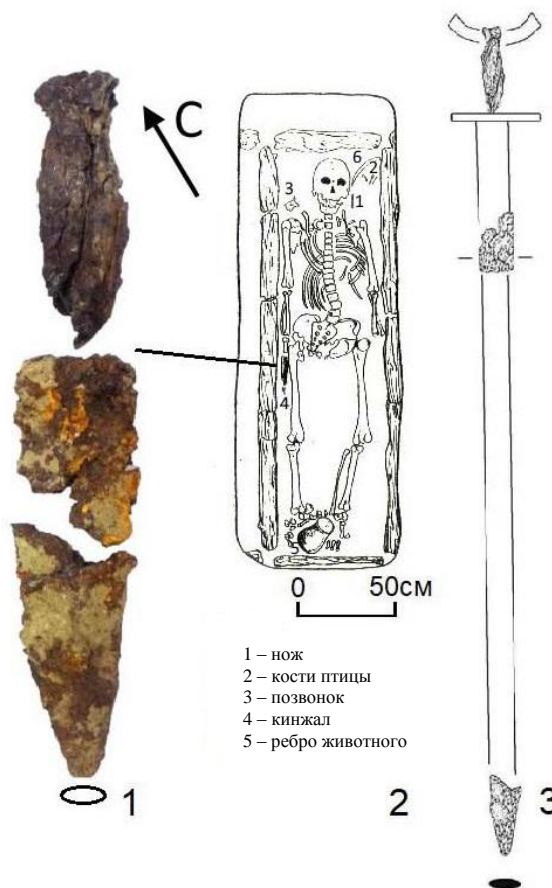

Рис. 1. Кинжал из погребения 1 кургана 1 могильника Масляха-1 (1), план погребения (2), реконструкция кинжала (3) (по О. С. Лихачевой [2020, рис. 25, 2]). Фото Н. Н. Головченко

Fig. 1. Dagger from the burial 1 of the mound 1 of the Maslyakha-1 burial ground (1), burial plan (2), reconstruction of dagger (3) (according to O. S. Likhachyova [2020, fig. 25, 2]).

Photo by N. N. Golovchenko

Рис. 2. Стилизация меча, доспеха и пояса второй половины I тыс. до н. э.
 Фото Н. Н. Головченко

Fig. 2. Stylization of the sword, armor and belt of the second half of the 1st millennium BC.
 Photo by N. N. Golovchenko

Рис. 3. Создание 3D-модели воина Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа:
 1 – первичная модель и прототипы для нее; 2 – модель после печати на 3D-принтере и раскраски.
 Фото Н. Н. Головченко

Fig. 3. Creation of a 3D model of a warrior from the Upper Ob basin of the Early Iron Age:
 1 – primary model and prototypes; 2 – model after 3D printing and coloring.
 Photo by N. N. Golovchenko

В рамках сетевого взаимодействия школы и университета удалось отработать и создание стилизованной реконструкции масляхинского меча в формате аксессуара 3D-модели воина Верхнеобского бассейна второй половины I тыс. н. э. Модель создана в общедоступных графических редакторах и отпечатана на 3D-принтере Zenit на базе Технопарка универсальных педагогических компетенций АлтГПУ (рис. 3). Модель используется в просветительской работе образовательной организации (в том числе и в качестве сувенирной продукции).

Интеграция проекта в исследовательскую деятельность студента

Исследовательская деятельность студентов АлтГПУ, ориентированная на изучение объектов археологического наследия, осуществляется на базе Историко-краеведческого музея АлтГПУ. Ключевой особенностью данного процесса является его ориентация не только на научную работу, но и на презентацию ее результатов. Соответственно, любая реконструкция и послужившие для ее создания исходные данные нуждаются в тщательной верификации. В частности, процесс изучения масляхинских находок в силу фрагментарности их публикации требует обращения к архивным материалам результатов раскопок, из которых можно получить более точные и конкретные сведения о контексте обнаружения интересующих предметов.

В архиве учебной научно-исследовательской лаборатории «Историческое краеведение» хранятся отчеты и полевые чертежи погребений курганного могильника Масляха-1 (см. рис. 1, 3), обратившись к которым, можно узнать, что могила 1 была обнаружена в юго-западном секторе кургана 1. Могильное пятно имело форму подпрямоугольника размерами $2,45 \times 0,85$ м, ориентированное по линиям северо-восток – восток и юго-запад – запад. Могильная яма имела ту же ориентировку, форму и размеры, глубина ее 1,30 м от уровня погребенного горизонта. На глубине около 1,0 м она сужалась уступом шириной до 0,10 м с северо-западной стороны и 0,20 м – с северо-восточной. С двух других сторон уступов не было. Размеры могилы по дну – $2,10 \times 0,55$ м. Ниже уступа стенки могильной ямы были обложены березовыми бревнышками толщиной около 0,10 м, в три венца. По концам ямы были положены поперечные бревнышки длиной около 0,75 м, а на них – продольное перекрытие из таких же бревнышек длиной 2,35 м. Бревна перекрытия сохранились плохо, сильно истлели, но ясно, что перекрытие было сделано в один ряд.

На дне могилы выявлен скелет человека, лежавший на спине, ориентированный на север – северо-восток, руки и ноги вытянуты. Скелет принадлежал мужчине высокого роста, среднего возраста. Сохранность костей скелета хорошая за исключением костей пясти и запястья, которые не сохранились. У левой височной кости лежали ребро животного и небольшой железный нож, он был полностью разрушен коррозией, удалось лишь зарисовать его. Также там находились мелкие косточки, предположительно, птицы. У правого плеча лежал позвонок животного. Между костей стоп наклонно стоял кувшин с узким горлом и плоским дном, орнаментированный по плечикам двумя рядами ямок, наколов концом палочки. Поверхность гладкая оранжево-коричневого цвета с темными пятнами. В глине заметна примесь песка. У правой кисти, вдоль бедренной кости, лежал железный кинжал, клинок которого сохранился удовлетворительно, но перекрестие и рукоять сильно разрушены коррозией, а навершие сохранилось фрагментарно и предположительно реконструируется как серповидное.

Таким образом, реализовать проекты студенты и школьники могут на доступном материале, но привлечение полевой документации вместе с тщательным изучением и анализом опубликованных работ позволит приблизиться к достоверности археологической реконструкции. О рассмотренном нами случае можно заключить, что существенным недостатком небольшой статьи А. П. Уманского и В. А. Могильникова стало отсутствие в ее иллюстративном материале плана могилы, а также лаконичная форма описания инвентаря. Вследствие этого работавшая с ней и фондами музея О. С. Лихачева ошибочно реконструировала происходящий из погребения кинжал как меч [Лихачева, 2020, рис. 25, 2]. Данный кинжал имеет

аналоги, например, в материалах Новотроицкого некрополя [Могильников, 1997; Шульга и др., 2009, рис. 108, 7, 8].

В педагогическом плане реализация такого проекта, основанного на неполноте опубликованных источников, перспективна тем, что она не требует проведения непосредственных полевых изысканий, на которые нужны особые разрешения, и при этом базируется на подлинных материалах музея и архивных источниках. Кроме того, подобный подход позволяет научить студента и школьника правильно понимать историографический контекст и его интерпретационную составляющую, осознавать необходимость тщательной работы со сложными историческими / археологическими источниками, допускающими поливариативность возможных суждений. Это важно, так как проектно-деятельностный подход предполагает активное вовлечение обучающихся в процесс получения новых знаний, в том числе и в плане работы над ошибками.

Заключение

Представленную методическую разработку отличает нелинейный, междисциплинарный и максимально практический характер ее реализации. В ходе работы над различными аспектами проекта обучающийся получает навыки обращения с археологическими и историческими источниками – научные тексты (полевые дневники, отчеты, статьи, монографии), фонды Историко-краеведческого музея (фотофиксация, описание). Студент знакомится с режимом работы структурных подразделений университета – Музей, Технопарк, Кванториум, научно-исследовательская лаборатория, учится сочетать почерпнутые из специальной литературы теоретические знания с деятельными механизмами их презентации в современном образовательном пространстве.

В заключение необходимо отметить, что подобные решения частных проектных задач оказываются востребованными педагогическим сообществом. Интерес к ним может быть подтвержден увеличением доли проектных работ, представляемых на Региональную историко-краеведческую конференцию учащихся Алтайского края (РИККУ) и активным участием учителей и школьных команд в Молодежном историко-патриотическом хакатоне «Историческая память & технологии будущего», проведенном сотрудниками АлтГПУ осенью 2023 г. при поддержке Российского движения детей и молодежи.

Список литературы

- Веряев А. А., Каменская В. О.** Геймификация как условие повышения мотивации и вовлеченности обучаемых в педагогический процесс // Актуальные вопросы педагогики и психологии образования: Материалы XII Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. Году науки и технологий в Российской Федерации. Барнаул, 2021. С. 89–92.
- Веряев А. А., Каменская В. О.** Геймификация: от метафоры к педагогической технологии // Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса: Сб. тр. I Междунар. науч.-практ. конф. Симферополь: Ариал, 2022. С. 372–378.
- Демин М. А., Демина М. Е.** Историко-краеведческая практика: цели, хроника экспедиций, некоторые итоги // Алтайский краевой педагогический лицей: история, опыт, проблемы. Барнаул: БГПУ, 2001. Вып. 3. С. 56–64.
- Демин М. А.** Хроника археологических экспедиций Алтайского государственного педагогического лицея (1995–2014 г.) // Алтайский краевой педагогический лицей: неограниченные возможности. Барнаул: АКПЛ, 2016. С. 34–43.
- Головченко Н. Н.** Чекан с антропоморфным изображением из Новотроицкого некрополя (материалы к курсу «Археологическое наследие Алтая») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 9–19. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-9-19

- Грибанова Н. С., Головченко Н. Н., Труевцева О. Н.** Использование мультимедийных ресурсов в историко-просветительной работе музея образовательной организации: Учеб.-метод. пособие. Барнаул: АлтГПУ, 2022. 105 с.
- Головченко Н. Н., Грибанова Н. С., Вайцель Д. Э.** Опыт разработки археологического мультимедийного контента для студентов педагогических университетов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 9–19. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-9-19
- Лихачева О. С.** Вооружение и военное дело населения лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н. э.). Барнаул: ИП Колмогоров И. А., 2020. 304 с.
- Могильников В. А., Уманский А. П.** Курганы Масляха-I по раскопкам 1979 года // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1992. С. 69–93.
- Могильников В. А.** Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. М.: Наука, 1997. 196 с.
- Ратникова Д. В.** Проектная деятельность в структуре подготовки будущего учителя // Педагогическое образование на Алтае. 2023. № 1. С. 113–117.
- Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А.** Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. 329 с.

References

- Demin M. A., Demina M. E.** Istoriko-kraevedcheskaya praktika: tseli, khronika ekspeditsii, nekotorye itogi [Local history practice: goals, chronicle of expeditions, some results]. In: Altaiskii kraevoi pedagogicheskii litsei: istoriya, opyt, problemy [Altai Regional Pedagogical Lyceum: history, experience, problems]. Barnaul, 2001, pp. 56–64. (in Russ.)
- Demin M. A.** Khronika arkheologicheskikh ekspeditsii Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo litseya (1995–2014 g.) [Chronicle of archaeological expeditions of the Altai State Pedagogical Lyceum (1995–2014)]. In: Altaiskii kraevoi pedadgogicheskii litsei: neogranichennye vozmozhnosti [Altai Regional Pedagogical Lyceum: unlimited possibilities]. Barnaul, 2016, pp. 34–43. (in Russ.)
- Golovchenko N. N.** The Iron Combat Hatchet with an Anthropomorphic Image from the Novotroitsk Necropolis (Materials for the Course “Archaeological heritage of Altai”). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 9–19. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-9-19
- Gribanova N. S., Golovchenko N. N., Truevtseva O. N.** Ispol'zovanie mul'timediinykh resursov v istoriko-prosvetitel'noi rabote muzeya obrazovatel'noi organizatsii [The use of multimedia resources in the historical and educational work of museum an educational organization]. Barnaul, 2022, 105 p. (in Russ.)
- Golovchenko N. N., Gribanova N. S., Vaytsel D. E.** Experience in the Development of Archaeological Multimedia Content for Students of Pedagogical Universities. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 9–19. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-9-19
- Likhachyova O. S.** Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya lesostepnogo Altaya v rannem zheleznom veke (VIII–I vv. do n. e.) [Armament and military affairs of the population of the Forest–Steppe Altai in the early Iron Age (8th – 1st centuries BC)]. Barnaul, Kolmogorov I. A. Publ., 2020, 304 p. (in Russ.)
- Mogilnikov V. A., Umansky A. P.** Kurgany Maslyakha-I po raskopkam 1979 goda [The mounds of Maslyakha-I according to the excavations of 1979]. In: Voprosy arkheologii Altaia i Zapadnoi Sibiri epokhi metalla [Questions of the archaeology of Altai and Western Siberia of the Metal Age]. Barnaul, 1992, pp. 69–93. (in Russ.)

- Mogilnikov V. A.** Naselenie Verkhnego Priob'ya v seredine – vtoroi polovine I tysyacheletiya do n. e. [The population of the Upper Ob region in the middle – the second half of the 1st millennium BC]. Moscow, Nauka, 1997, 196 p. (in Russ.)
- Ratnikova D. V.** Proektnaya deiatel'nost' v structure podgotovki budushchego uchitelya [Project activity in the structure of future teacher training]. *Pedagogicheskoe obozrenie na Altae* [Pedagogical education in Altai]. 2023, no. 1, pp. 113–117. (in Russ.)
- Shulga P. I., Umansky A. P., Mogilnikov V. A.** Novotroitskii nekropol' [Novotroitsky necropolis]. Barnaul, 2009, 329 p. (in Russ.)
- Veryaev A. A., Kamenskaya V. O.** Geimifikatsiya kak uslovie povysheniya motivatsii i вовлеченности обучающихся в педагогический процесс [Gamification as a condition for increasing motivation and involvement of students in the pedagogical process]. In: Aktual'nye voprosy pedagogiki i psikhologii obrazovaniya [Topical issues of pedagogy and psychology of education]. Barnaul, 2021, pp. 89–92. (in Russ.)
- Veryaev A. A., Kamenskaya V. O.** Geimifikatsiya: ot metafory k pedagogicheskoi tekhnologii [Gamification: from Metaphor to Pedagogical Technology]. In: Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie obrazovatel'nogo protsessa [Psychological and pedagogical support of the educational process]. Simferopol, 2022, pp. 372–378. (in Russ.)

Информация об авторах

Николай Николаевич Головченко, кандидат исторических наук

Наталья Святославна Грибанова, кандидат исторических наук, доцент

Денис Эдуардович Вайцель, директор Межфакультетского технопарка универсальных педагогических компетенций Алтайского государственного педагогического университета

Information about the Authors

Nikolai N. Golovchenko, Candidate of Sciences (History)

Natalia S. Gribanova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

Denis E. Vaytsel, Director of the Interfaculty Technopark of Universal Pedagogical Competences of Altai State Pedagogical University

Статья поступила в редакцию 04.04.2024;

одобрена после рецензии 15.05.2024; принята к публикации 20.05.2024

The article was submitted on 04.04.2024;

approved after reviewing on 15.05.2024; accepted for publication on 20.05.2024

Научная статья

УДК 903(=56)(571.651.8)

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-19-34

История открытия и археологические исследования палеоэскимосской стоянки на о. Врангеля (Северная Чукотка)

Александр Иванович Лебединцев

Северо-Восточный комплексный
научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило
Дальневосточного отделения Российской академии наук
Магадан, Россия
lebedintsev@neisri.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2714-2116>

Аннотация

Рассмотрена история открытия и изучения палеоэскимосской стоянки Чертов Овраг на о. Врангеля. Показаны результаты раскопок этой стоянки, дана характеристика комплекса каменных и костяных орудий, обсуждена датировка археологического памятника. В результате потепления в арктических районах начиная с 4500 лет назад возникла возможность для миграций морских охотников из американской Арктики в западном направлении. Появление палеоэскимосской традиции примерно 3500 кал. л. н. на крайнем Северо-Востоке Азии связано с миграцией в зону Берингова пролива палеоэскимосских групп Арктической Америки. Стоянка Чертов Овраг являлась кратковременным охотничьим лагерем. Ее обитатели были охотниками на морских млекопитающих и могли заниматься поколкой зверей недалеко от стоянки на прибрежной галечной полосе. Каменные артефакты имеют следы затертости, что, вероятно, свидетельствует о длительной транспортировке их в кожаном мешке и возможном изготовлении орудий и заготовок за пределами острова. Большинство радиоуглеродных датировок стоянки относится к концу II – началу I тыс. до н. э. Учитывая поправку на резервуарный эффект, возраст этой стоянки следует определить рубежом I тыс. до н. э. Врангелевская культура, скорее всего, принадлежит к древнейшему пласту палеоэскимосских племен, на основе которого формировались многие приморские культуры Тихоокеанского Севера. К кругу палеоэскимосских культур относятся также поселения Уненен, находящееся на юге Чукотского п-ова, и токаревская культура Северного Приохотья.

Ключевые слова

археологические исследования, крайний Северо-Восток Азии, Северная Чукотка, о. Врангеля, стоянка Чертов Овраг, палеоэскимосская миграция

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-18-00319 «Генезис древних культур крайнего Северо-Востока Азии», <https://rscf.ru/project/22-18-00319/> (руководитель А. И. Лебединцев)

Для цитирования

Лебединцев А. И. История открытия и археологические исследования палеоэскимосской стоянки на о. Врангеля (Северная Чукотка) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 7: Археология и этнография. С. 19–34. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-19-34

The History of the Discovery and Archaeological Research of the Paleo-Eskimo Site on the Wrangel Island (Northern Chukotka)

Alexander I. Lebedintsev

North-East Interdisciplinary
Scientific Research Institute n. a. N. A. Schilo
of the Far-East Branch of the Russian Academy of Sciences
Magadan, Russian Federation
lebedintsev@neisri.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2714-2116>

Abstract

The article presents the history and study of the Paleo-Eskimo site of Chertov Ovrage on the Wrangel Island. The author describes results of excavations of this site, gives the characteristics of the complex of stone and bone tools, and discusses the dating of the archaeological monument. Warming in Arctic regions since 4 500 years ago has created an opportunity for sea hunters to migrate westward from the American Arctic. The emergence of the Paleo-Eskimo tradition in the extreme North-East of Asia is associated with the migration to the Bering Strait zone of the Paleo-Eskimo groups of Arctic America, which took place approximately 3 500 cal. years ago. The Chertov Ovrage site is a short-term hunting camp. Its inhabitants were hunters of marine mammals and could be engaged in the pricking of animals not far from the site on the coastal pebble strip. Stone artifacts have traces of wear, which probably indicates their long transportation in a leather bag and the possible making of tools and blanks outside the island. Most of the radiocarbon dating of the site back to the end of the 2nd – the beginning of the 1st millennium BC. Taking into account the correction or the reservoir effect, the age of the site should be determined at the turn of 1st millennium BC. The Wrangel culture, most likely, belongs to the most ancient stratum of the Paleo-Eskimo tribes, on the basis of which many coastal cultures of the Pacific North were formed. The range of Paleo-Eskimo cultures also includes the settlement of Unenen, located in the south of the Chukotka Peninsula, and the Tokarev culture of Northern Priokhotye.

Keywords

archaeological research, North of the Far East, Northern Chukotka, Wrangel Island, Chertov Ovrage site, Paleo-Eskimo migration

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00319 “The genesis of the Ancient Cultures of the Extreme North-East of Asia”, <https://rscf.ru/project/22-18-00319/> (Head A. I. Lebedintsev)

For citation

Lebedintsev A. I. The History of the Discovery and Archaeological Research of the Paleo-Eskimo Site on the Wrangel Island (Northern Chukotka). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 19–34. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-19-34

Введение

К наиболее крупным археологическим открытиям на крайнем Северо-Востоке относится обнаружение Н. Н. Диковым на о. Врангеля древнейшего в Азии памятника палеоэскимосской культуры. Важными задачами являются обобщение всех имеющихся данных, анализ археологического материала, оценка значимости проделанных исследований на этой стоянке. Историю археологических исследований палеоэскимосской стоянки на о. Врангеля можно подразделить на ряд этапов.

Первый этап охватывает период с 1975 по 1981 г. В этот период под руководством Н. Н. Дикова была обнаружена стоянка Чертов Овраг, которая в дальнейшем исследовалась Т. С. Теином в 1976, 1977 и 1981 гг. На основе проведенных работ были получены интересные и представительные материалы. Второй этап – обследование стоянки Чертов Овраг экспедицией МАЭ РАН под руководством Д. В. Герасимова в 2000 г., проведение специальных наблюдений, археологические и естественнонаучные исследования материалов этих работ. Третий этап (с 2002 г. по настоящее время) – изучение материалов о. Врангеля в контексте проблемы происхождения приморских культур Севера Дальнего Востока, появления палеоэскимосской традиции и выяснения культурных связей этой древнейшей морской зверобой-

ной культуры. В данный период уточняются сведения о хронологии, функциональной специфике стоянки, продолжают развиваться представления о палеоэскимосских культурах.

Настоящая работа ориентирована на формирование целостной картины археологических исследований палеоэскимосской стоянки Чертов Овраг, данные по которой были проанализированы и опубликованы в современной историографии в недостаточной степени. Цель исследования заключалась в обобщении всех имеющихся данных, определении наиболее значимых результатов археологических исследований палеоэскимосской стоянки на о. Врангеля, описании характеристик каменных и костяных орудий, обсуждении датировки этой стоянки.

Исследование опиралось на анализ и систематизацию результатов полевых работ и междисциплинарных исследований, анализ опубликованных и неопубликованных источников – статей и отчетов о полевых работах 1975–2000 гг.

Результаты исследования

Русским землепроходцам еще с середины XVII в. было известно о существовании о. Врангеля по рассказам коренного населения Чукотки. Впервые остров оказался нанесенным на карту только в начале XVIII в. В 1937 г. на западном побережье о. Врангеля в районе м. Фомы были обнаружены остатки углубленного жилища и собраны различные изделия: древки копья и гарпуна, весло, грубо обработанный моржовый клык, бусина из голубого стекла и др. Находки были переданы на полярную станцию острова. По найденной бусине, указывающей на контакты аборигенов с русскими, жилище и собранные предметы были датированы XVII–XVIII вв. [Громов, 1957].

Первый этап исследований. Палеоэскимосская стоянка в Чертовом Овраге была открыта Н. Н. Диковым в 1975 г. [Диков, 1976а; 1976б; 1977а; 1977б; 1995; Dikov, 1979; 1983; 1988]. Памятник расположен на скалистом мысе высотой 25 м над уровнем моря в заливе Красина, в 15 км к западу от бывшего пос. Звездный (бух. Сомнительная) (рис. 1; 2, 1). К восточной части стоянки примыкает овраг, по которому протекает горный ручей. Справа от ручья на вершине мыса был обнаружен череп моржа клыками к западу, положенный между двух камней. Первые артефакты были собраны на щебнистой поверхности мыса. Вскрытие этого участка на глубину 0,2 м до материковой щебенки никаких находок не дало. На стоянке были заложены шурфы и траншея общей площадью 52 кв. м (рис. 2, 2). Было установлено, что культурный слой в супесчано-щебнистых отложениях местами достигает глубины 0,6 м. В нем выявлено углистое очажное пятно и ямы, заполненные обломками костей морских млекопитающих, белого медведя и птиц. Отмечено сходство подъемного материала и артефактов из культурного слоя, что указывает на гомогенность комплекса. Присутствие каменных артефактов на поверхности связывалось с выбросами грунта евражками, а также выветриванием участков земли [Теин, 1983].

Материалы раскопок палеоэскимосской стоянки на о. Врангеля 1975 г. были проанализированы Н. Н. Диковым [1979] (рис. 3, 13–34). В орудийном наборе имелись наконечники двух основных групп: листовидно-черешковые и треугольно-черешковые. Ножи листовидной и удлиненно-овальной формы представлены, преимущественно, бифасиальными и унифасиальными вариантами; среди единичных форм также присутствуют ножи фигурных («горбчатых») форм и изделия с резцовым сколом. Среди ножей выделялась группа изделий на пластинчатых отщепках: с дорсальной или вентральной ретушью; с приостренным рабочим концом, выделенным слегка изогнутым клинком и суженной рукояточной частью с закругленным обушком; овальной формы с приостренным концом. Ножи-резчики имеют треугольную форму и приостренный рабочий конец. Скребки изготовлены на отщепках и представлены следующими формами: с рукоятками, грушевидные, овальные, трапецевидные и подтреугольные. Единственное тесло подтрапецевидной формы из плоской гальки – с шлифовкой лезвия. Часть отщепов имела следы ретуши. Артефакты выполнены из тем-

но-серого кремня и из почти черного филитизированного глинисто-песчанистого сланца. По мнению Н. Н. Дикова [1977а, с. 212], каменная индустрия с Чертова Оврага находит общие черты с материалами палеоэскимосских культур Арктической Америки, в частности в Северной Гренландии.

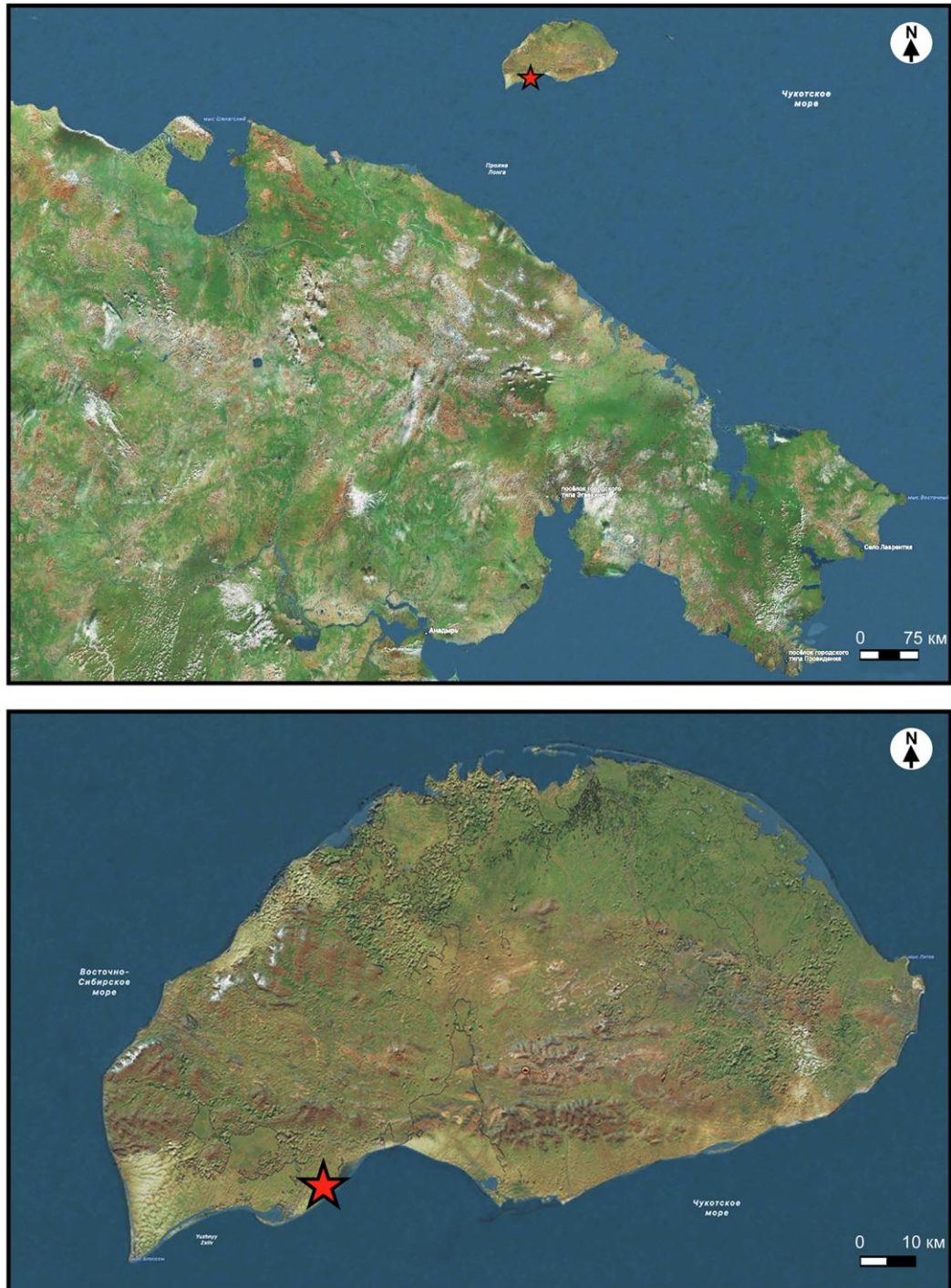

Рис. 1. Расположение стоянки Чертов Овраг
Fig. 1. Location of the Chertov Ovrage site

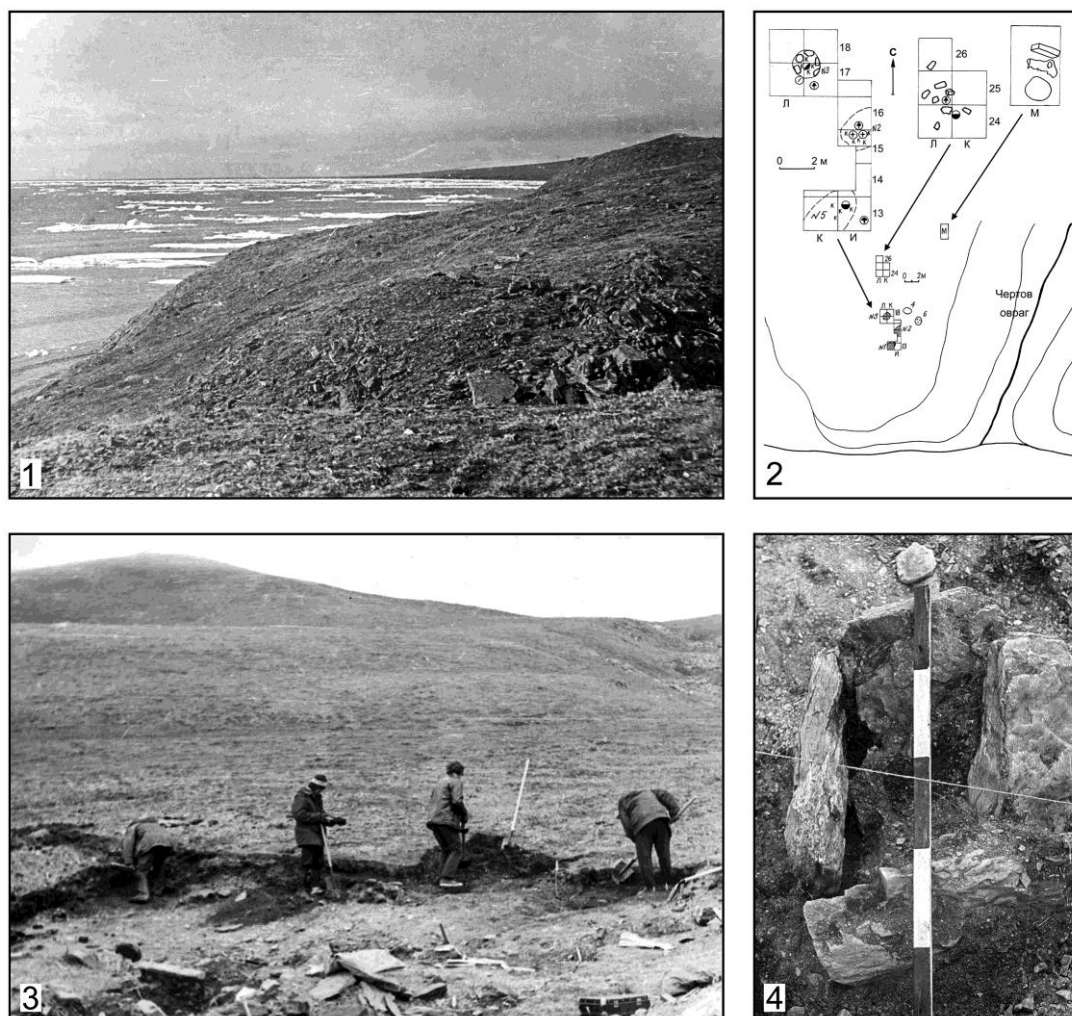

Рис. 2. Стоянка Чертов Овраг:
 1 – вид на памятник, 1975 г.; 2 – план раскопанных участков, 1975 г.;
 3 – процесс раскопок, 1977 г.; 4 – очаг № 3

Fig. 2. The Chertov Ovrage site:
 1 – view on the site, 1975; 2 – plan of excavated sections, 1975;
 3 – process of excavations, 1977; 4 – hearth no. 3

В коллекции имелись изделия из моржового клыка в виде стержневидных орудий, интерпретированных в качестве пешней или отжимников [Диков, 1979, с. 166] (рис. 4, 2–4). Наиболее информативной находкой стал поворотный наконечник гарпуна, изготовленный из моржового клыка (рис. 4, 1). Изделие вытянутой формы с одной скошенной шпорой в основании и одним большим отверстием для линя. В нижней части наконечника расположено корытообразное открытое гнездо для колка, для крепления которого вырезан небольшой желобок. В верхней части вырезаны широкий желобок для концевого каменного черешкового копыца и желобок для его крепления кожаным ремешком. По мнению Н. Н. Дикова [1977а, с. 212], наконечник гарпуна близок по конструкции к древнейшим наконечникам северогренландской палеозскимосской культуры Индепенденс (позднему этапу Индепенденс II возрастом ок. 3000 л. н. – А. Л.). Однако врангелевский наконечник отличается от гренландского: у него одна боковая шпора в основании и желобок для крепления там же,

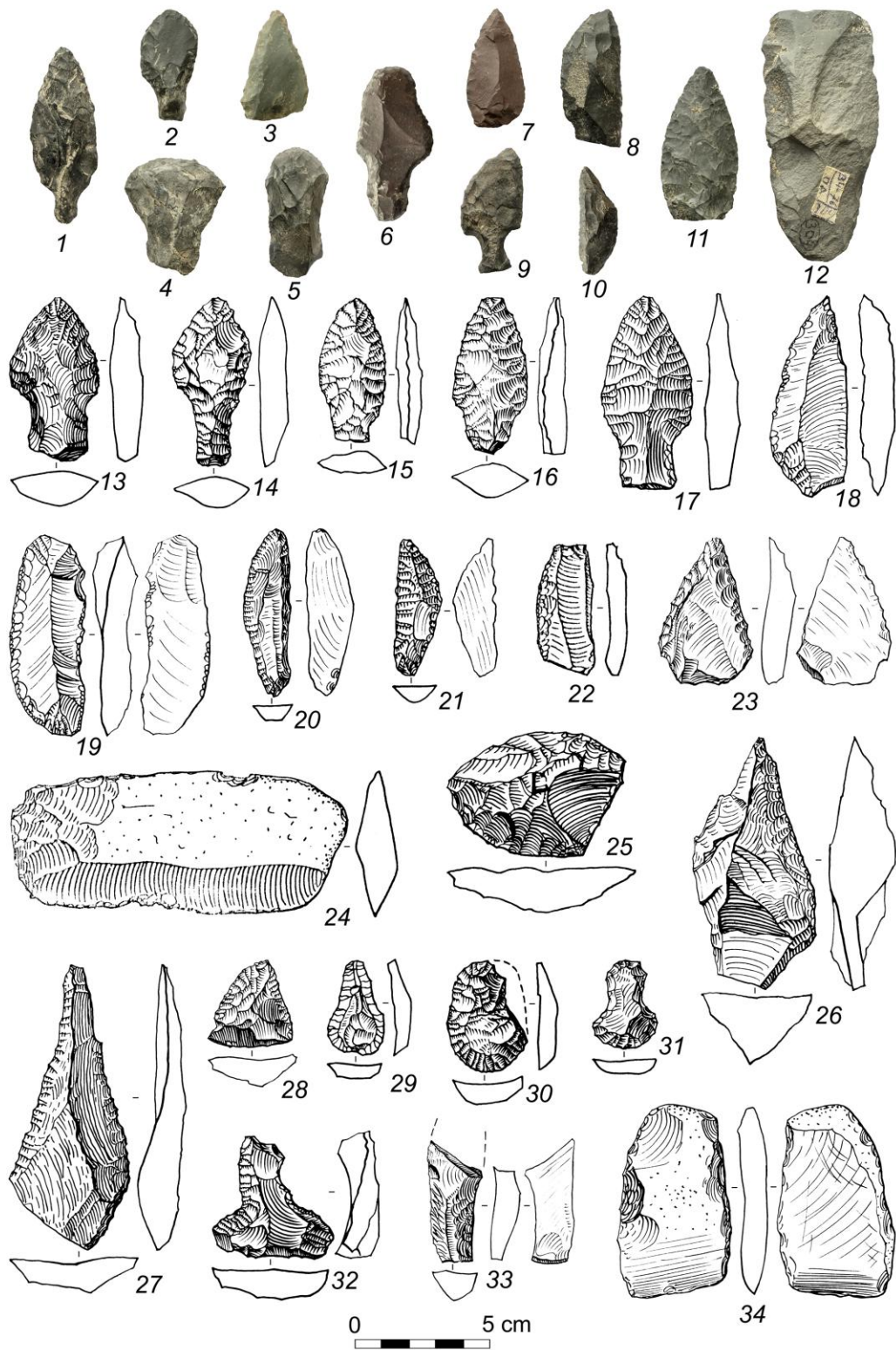

Рис. 3. Орудия из камня со стоянки Чертов Овраг из раскопок Т. С. Теина (1–12 – фото автора) и Н. Н. Дикова (13–34 – по: [Dikov, 1988])

Fig. 3. Stone tools from the Chertov Ovrage site from the excavations of T. S. Thein (1–12 – photo by the author) and N. N. Dikov (13–34 – after: [Dikov, 1988])

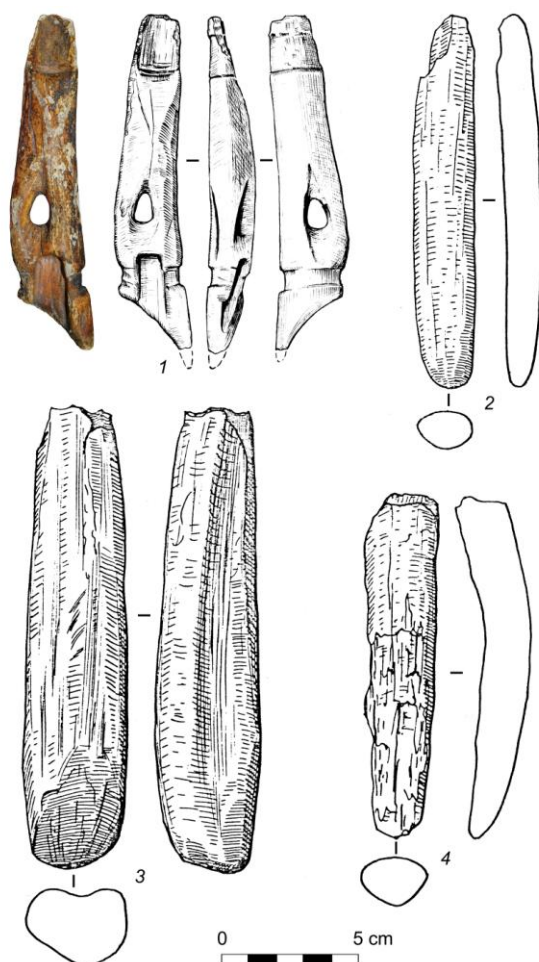

Рис. 4. Орудия из кости со стоянки Чертов Овраг
(фото автора, 1–4 – по: [Dikov, 1988])

Fig. 4. Bone tools from the Chertov Ovrag site
(photo by the author, 1–4 – after [Dikov, 1988])

а у гренландского две симметричные шпоры, желобок в нижней части. На наш взгляд, по ряду признаков (одна боковая шпора, открытое гнездо для колка, одно отверстие для линя, желобок для крепления в нижней части) врангелевский наконечник может быть сопоставим с наконечником культуры Нортон [Giddings, 1964, pl. 36, fig. 18]. Позднее Н. Н. Диков [1988; 1995] выразил мнение, что при всем своеобразии поворотный наконечник гарпуна с о. Врангеля близок по своей конструкции к палеоэскимосским орудиям в культурах Нортон и Чорис, а также в Усть-бельской культуре на Чукотке. По мнению А. А. Орехова [2001], анализируемое изделие идентично наконечнику Древнекитобойной культуры, а открытый паз для острия имеется в комплексах южных культур Аляски. Следует также отметить, что наконечники с о. Врангеля и с м. Крузенштерн отличаются размерами: первый крупнее и мог использоваться для добычи моржей, второй применялся, возможно, только для охоты на тюленей [Bandi, 1972, p. 57].

Кладка моржового черепа между двух камней связывалась с существованием культа моржей у палеоэскимосских охотников на о. Врангеля [Диков, 1976б]. По образцу угля из кострища стоянки была получена первая радиоуглеродная дата – 3360 ± 155 (МАГ-198).

После обнаружения палеоэскимосской стоянки на о. Врангеля в СВКНИИ ДВНЦ АН СССР была разработана многолетняя программа ее исследования. Продолжение работ было поручено аспиранту Т. С. Теину, которому утвердили тему научной работы, связанную с изучением древних эскимосских культур Северной Чукотки.

В 1976 г. Северо-Чукотский отряд СВКНИИ под руководством Т. С. Теина проводил исследование в Шмидтовском районе Магаданской области [Теин, 1977; 1979]. Перед отрядом стояла задача осуществить археологическую разведку на о. Врангеля для выявления новых памятников и провести раскопки на стоянке Чертов Овраг. Перед началом полевых работ площадь стоянки была размечена на квадраты 2×2 м, проведены осмотр раздернованных участков и фиксация подъемного материала. Согласно предварительным подсчетам, площадь памятника превышала 2 000 кв. м. Культурный слой стоянки мощностью от 0,15 до 0,6 м располагался непосредственно под дерном в слое гумусированного суглинка. В процессе раскопок были выявлены два четырехугольных очага (№ 1 – $0,69 \times 0,67$ м, № 2 – $0,67 \times 0,61$ м), сооруженные из вертикально поставленных плит и прикрытые сверху плоскими камнями. По мнению Т. С. Теина, выявленные очаги открытого типа служили для приготовления пищи в летне-осеннее время. Топливом для них служили плавниковое дерево и кости морских зверей, процесс горения поддерживался жиром животных. Вокруг очагов концентрировались находки каменных орудий. Возможно, древние обитатели на этой стоянке жили в летних наземных жилищах типа шалашей, покрытых шкурами морских животных [Теин, 1979, с. 58]. На стоянке выявлена хозяйственная яма вытянутой формы размером $3,8 \times 1$ м и глубиной до 0,6 м. В ней обнаружено множество костей морских млекопитающих и уток, каменных орудий. Подъемный материал сходен с артефактами из культурного слоя. По образцам древесного угля из очагов и культурного слоя были получены новые радиоуглеродные даты (табл. 1).

Для производства артефактов обитателями стоянки использовались кремнистые и глинистый сланцы, реже – кремнь. Обилие крупных наконечников копий, метательных наконечников, ножей, скребков указывало на преобладание в хозяйстве охоты на морских зверей. Некоторые орудия являлись комбинированными: нож-скребок, нож-резец, скребки-резцы и т. п. Встречены тёсла со шлифованными лезвиями. В орудийном наборе стоянки отмечались аналогии с палеоэскимосскими комплексами Арктической Америки II тыс. до н. э. Основным объектом охоты обитателей острова выступали моржи. Было обнаружено 8 челюстей представителей этого вида разных возрастов; объектом промысла были также нерпы и лахтаки. Наличие остатков орнитофауны (гусей и уток) и мелких наконечников стрел указывает на активную добычу птиц в летнее время.

В последующие годы Т. С. Теин осуществил еще две экспедиции на о. Врангеля. Раскопки на стоянке Чертов Овраг были продолжены в 1977 г. [Теин, 1978; 1979] (см. рис. 2, 3). Были вскрыты 16 квадратов 2×2 м. Наиболее представительная коллекция каменных орудий (ножи, скребки, наконечники и тёсла) были получены в юго-западном углу раскопа. По западному краю также отмечались находки каменных орудий и одно костяное изделие. В квадрате E-26 зафиксирован фрагмент бивня мамонта.

В 1981 г. было проведено обследование юго-западного побережья острова до м. Блоссом, но ни стоянок, ни могильников найти не удалось. На Чертовом Овраге расчищено несколько квадратов, где обнаружены очаг (см. рис. 2, 4), аналогичный по устройству и форме ранее выявленным, а также коллекция каменных орудий: наконечники копий, пики, ножи-скребки, мелкие скребки [Теин, 1982; 1983].

В результате работ, проведенных на стоянке Чертов Овраг в рассматриваемые годы, было вскрыто 290 кв. м ее площади (1975 г. – 52 кв. м; 1976 г. – 162 кв. м; 1977 г. – 64 кв. м; 1981 г. – 12 кв. м). Коллекция насчитывает свыше 200 каменных орудий (табл. 2), обнаружены сланцевая пластинка с округлым отверстием и изделия из моржового клыка [Теин, 1991] (см. рис. 3).

Таблица 1

Радиоуглеродная хронология палеоэскимосской стоянки на о. Врангеля

Table 1

Radiocarbon chronology of the Paleo-Eskimo site on Wrangel Island

№ п/п	¹⁴ C дата, л. н.	Лаб. номер	Кал. л. н.		Материал	Ссылка
			(68,3 %)*	(95,4 %)*		
1	3 383 ± 56	GV-03206	3 700–3 490	3 830–3 460	Зуб моржа	Эта работа
2	3 360 ± 155	МАГ-198	3 830–3 410	4 080–3 230	Уголь из кострища	Диков, 1979
3	3 260 ± 100	МАГ-413	3 620–3 370	3 820–3 230	Уголь из очага № 2	Шило и др., 1979
4	3 160 ± 100	МАГ-414	3 480–3 230	3 630–3 070	Уголь	Шило и др., 1979
5	3 160 ± 50	МАГ-596	3 450–3 340	3 470–3 240	Уголь	Ложкин, Трумпле, 1990
6	3 114 ± 135	GV-03233	3 550–3 160	3 690–2 960	Уголь из очага № 2	Эта работа
7	3 065 ± 113	GV-03234	3 400–3 070	3 550–2 940	Уголь из очага № 1	Эта работа
8	2 930 ± 100	МАГ-412	3 230–2 940	3 360–2 840	Уголь из очага № 1	Шило и др., 1979
9	2 855 ± 50	МАГ-415	3 060–2 880	3 160–2 850	Фрагмент шкуры белого медведя	Ложкин и др., 2016
10	2 827 ± 98	GV-02549	3 070–2 780	3 210–2 750	Уголь из к/с	Эта работа

* Калибровка радиоуглеродных дат осуществлялась посредством программного обеспечения OxCal v.4.4, с использованием калибровочной кривой IntCal20.

Таблица 2

Состав орудийного набора из камня стоянки Чертов Овраг,
работы Т. С. Теина 1975–1981 гг.

Table 2

Composition of the stone industry the Chertov Ovrage site,
works of T. S. Tein, 1975–1981

Группа / тип	Количество, ед.
1. Наконечники копий	
черешковые	4
безчерешковые массивные	2
2. Метательные черешковые копьёца наконечников гарпунов	12
3. Наконечники пик черешковые	7
4. Наконечники стрел черешковые	9
5. Остроконечники листовидные	5
6. Ножи	
бифасиально обработанные листовидные	3
«горбатые» рукояточные	8
трапециевидные	6
треугольные	3
грушевидные	2
массивные	8
ножи разных конфигураций	5
ножи-скребки	3
ножи-резчики	1
7. Скребки	
рукояточные	18
овальные	5
трехлезвийные	2
массивные	8
треугольные	5
похожие на женские эскимосские ножи	10
подквадратные	4
продолговатые	10
трапециевидные	2
клиновидные	2
мелкие разных форм	34
8. Резчики	23
9. Проколки	4
10. Тёсла	12
11. Скобели	3
Итого	220

Т. С. Теин связывал происхождение обитателей стоянки Чертов Овраг с результатом прямой миграции из Северной Америки и Гренландии, хотя и упоминал об азиатских корнях врангелевской палеоэскимосской культуры, не исключая возможности ее развития на местной основе [1979; 1983, с. 77]. Исследователь отмечал сходство каменных орудий стоянки Чертов Овраг с инвентарем культур Денби, Чорис, Ипиутак и Нортон [Теин, 1987]. Археоло-

гические работы Т. С. Теина на поселении Чертов Овраг внесли значительный вклад в изучение древнейшей истории эскимосов Северной Чукотки.

Второй этап исследований. В 2000 г. экспедицией МАЭ РАН под руководством Д. В. Герасимова были возобновлены полевые работы на стоянке Чертов Овраг. Серия заложённых шурфов общей площадью 24 кв. м показала, что культурный слой по краям старого раскопа утончается и выклинивается, а раскопками прежних лет вскрыта практически вся площадь стоянки [Герасимов и др., 2002]. По фрагменту моржовой кости и обработанного дерева были получены радиоуглеродные даты $3\,265 \pm 65$ (Ua-8085) и $3\,345 \pm 70$ (Ua-8086). В полученной коллекции каменных орудий были выделены скребки, скребла, наконечник стрелы и обломок долота. Трасологический анализ, проведенный Е. Ю. Гирей, показал, что скребки и скребла стоянки имеют износ, связанный со скребением и резанием шкуры. Боковые скребла использовались как вкладыши в деревянных рукоятках для работы по шкуре. Определена группа режущих инструментов (ножей), использующихся по мягким материалам. Небольшое количество отщепов представляло отходы от подправки шлифованных изделий. Было установлено, что практически все каменные артефакты несут следы затертости от длительного использования и, возможно, от переноски в кожаном мешке. По мнению исследователя, стоянка Чертов Овраг являлась кратковременным лагерем небольшой группы охотников, привезших с собой уже готовые орудия и заготовки на различных стадиях изготовления.

Определение фаунистических материалов из раскопок Т. С. Теина и новых шурфов, проведенное А. Н. Тихоновым, показало преобладание в коллекции костей птиц; в качестве основного объекта охоты обитателей памятника определялся белый гусь [Там же, с. 381]. По одной особи определены морж, лахтак и нерпа. По мнению исследователя, незначительное число костей морских млекопитающих вряд ли можно считать характерным для длительного поселения морских охотников. На наш взгляд, утверждение относительно ключевой роли охоты на гусей нуждается в дополнительной аргументации. Фиксируемое соотношение костных остатков может объясняться активным использованием костей морских животных в качестве топлива, на что указывал Т. С. Теин [1979]. Вероятнее всего, стоянка у Чертова Оврага существовала в летнее время – с июля по август. Судя по современным данным, моржи появляются на южном берегу о. Врангеля в июне и держатся здесь до конца сентября. Морж, безусловно, выступал ценнейшим источником существования древних охотников – одна добытая туша животного предоставляла обитателям стоянки большой объем мяса и жира.

Исследователи высказали общее заключение по обследованной стоянке, что для понимания места Чертова Оврага среди культур региона и его отношения к Древнекитовой культуре нужны новые материалы [Герасимов и др., 2002]. Северное побережье Чукотки, особенно его западная часть, изучено пока слабо. Вполне возможно, что аналогичные палеозскимосские памятники будут обнаружены в последующих археологических исследованиях в этом районе.

Третий этап исследований. На современном этапе изучения была уточнена хронология стоянки на о. Врангеля. Были получены AMS даты по углю в интервале от $2\,827 \pm 98$ до $3\,114 \pm 135$, а также одно определение по зубу моржа: $3\,383 \pm 56$ (см. табл. 1). Отсутствие древесной растительности на острове позволяет рассматривать любой древесный уголь со стоянки Чертов Овраг в качестве продукта сжигания плавникового дерева; соответствие реального возраста такой древесины и хронологии самого памятника в значительной степени условно. Кроме того, в образцах исследованного угля мог присутствовать углерод, унаследованный от морских млекопитающих, так как в очагах помимо дерева сжигались кость и жир этих животных. Морской резервуарный эффект для района Берингова моря определен в пределах 300–700 лет [Diamond, 1998].

В последние десятилетия происходит дальнейшее накопление данных о развитии палеозскимосских культур на крайнем Северо-Востоке Азии. Результаты исследований поселения

Уненен, расположенного на южной оконечности Чукотского п-ова и датированного XV–XIII вв. до н. э., представлены в работе С. В. Гусева [2014]. Аналогии каменному инвентарю этого памятника прослеживаются в культурах Пре-Дорсет и Дорсет Канадской Арктики, а также в Древнекитобойной культуре Аляски. С. В. Гусев отнес поселение Уненен к Древнекитобойной культуре, предположив его культурное и геохронологическое единство со стоянкой Чертов Овраг, поселением на м. Крузенштерн и долахтинскими памятниками к югу от Анадырского залива. На наш взгляд, между сопоставляемыми комплексами имеются существенные типологические различия в каменном инвентаре, что, вероятно, указывает на их различное происхождение.

Другая приморская культура Северного Приохотья, имеющая определенные связи с палеоэскимосской традицией, – токаревская; возраст ее определяется в рамках VIII в. до н. э. – V в. н. э. [Лебединцев, 1990]. Предполагается, что в формировании этой культуры наряду с северным (чукотско-камчатским приморским) и южным (приамурским континентальным) компонентами участвовали неолитические культуры Колымы [Лебединцев, 2003]. В каменной индустрии влияние палеоэскимосской традиции проявлялось в отсутствии пластинчатой техники, широком использовании отщепов и сколов для изготовления орудий и в особенностях орудийного набора – наличии мелких изделий из халцедона: миниатюрных наконечников стрел, скребков овальной формы, вкладышей, мелких ножей листовидной формы [Лебединцев, 2019]. Появление округлых жилищ с прямоугольными очагами наряду с другими элементами, возможно, связано с палеоалеутским влиянием. Носители токаревской культуры обладали технологически развитым арсеналом для морского зверобойного промысла – поворотными наконечниками гарпунов традиции Дорсет с открытым гнездом, характерными зубчатыми наконечниками гарпунов, аналоги которых распространены на Юго-Западной Аляске и Алеутских о-вах [Lebedintsev, 1998]. Возникновение примерно 3 000–2 800 л. н. в Северном Приохотье высокотехнологичной культуры морских охотников в совокупности с отсутствием археологических данных о ее постепенном формировании в этом регионе позволяет предполагать близкие связи с палеоэскимосской традицией Чукотки, а также возможность независимой миграции палеоэско-алеутских групп из Юго-Западной Аляски и с Алеутских о-вов [Гребенюк и др., 2019]. Палеогенетический анализ антропологических материалов стоянки Ольская показал, что носители токаревской культуры принадлежали к гаплогруппе D2a1, выступая ближайшими родственниками индивида палеоэскимосской культуры Саккак (4 170 – 3 600 кал. л. н.), обнаруженного в Западной Гренландии. Всё это может указывать на возможность обратной миграции гаплогруппы D2a1 мтДНК из Америки. Таким образом, токаревская культура Северного Приохотья (800 г. до н. э. – 500 г. н. э.) культурно-хронологически и генетически может быть отнесена к палеоэскимосскому кругу археологических культур, с середины III тыс. до н. э. распространившихся на Аляске, в Арктической Канаде и Гренландии. Вероятно, что происхождение токаревской культуры связано с миграцией палеоэско-алеутов с Юго-Западной Аляски и Алеутских о-вов. По всей видимости, токаревская культура сформировалась на основе палеоэско-алеутских и внутриконтинентальных колымских групп, а также нижнеамурского культурного компонента на поздних этапах существования [Лебединцев, 2019]. Вполне возможно, что какое-то эско-алеутское население небольшими группами могло достигнуть севера Камчатки. В дальнейшем палеоэскимосская традиция распространилась на Северное Приохотье, в результате чего началось формирование токаревской культуры.

Заключение

В результате потепления в арктических районах приблизительно 4 500 л. н. возникла возможность для миграций морских охотников из американской Арктики в западном направлении. Появление палеоэскимосской традиции примерно 3 500 кал. л. н. на крайнем Северо-Востоке Азии связано с миграцией в зону Берингова пролива палеоэскимосских групп Арктической Америки. Обнаружение палеоэскимосской стоянки на о. Врангеля стало важней-

шим открытием в приморской археологии крайнего Северо-Востока Азии. Большинство радиоуглеродных дат стоянки относятся к концу II – началу I тыс. до н. э. Учитывая поправку на резервуарный эффект, возраст этой стоянки следует определить рубежом I тыс. до н. э. Врангелевская культура, скорее всего, принадлежит к древнейшему пласту палеоэскимосских племен, на основе которого формировались многие приморские культуры Тихоокеанского Севера. К кругу палеоэскимосских культур относятся также поселение Уненен, находящееся на юге Чукотского п-ова, и токаревская культура Северного Приохотья.

Список литературы

- Герасимов Д. В., Гиря Е. Ю., Питулько В. В., Тихонов А. Н.** Новые материалы к интерпретации стоянки Чертов Овраг на о. Врангеля // II Диковские чтения. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С. 379–383.
- Гребенюк П. С., Федорченко А. Ю., Лебединцев А. И., Малярчук Б. А.** Древние культуры крайнего Северо-Востока Азии и этногенетические реконструкции // Томский журнал антропологических и лингвистических исследований. 2019. № 2. С. 110–136.
- Громов Л. В.** Следы старинного заселения на острове Врангеля // Летопись Севера. М.: Географгиз, 1957. Т. 2. С. 155–156.
- Гусев С. В.** Раскопки поселения Уненен на Восточной Чукотке (древнекиитобойная культура) // Археология Арктики. Екатеринбург: Деловая пресса, 2014. Вып. 2. С. 205–212.
- Диков Н. Н.** На остров Врангеля – к древним эскимосам // Знание – сила. 1976а. № 10. С. 19–22.
- Диков Н. Н.** Открытие древнейшей азиатской культуры морских зверобоев на о-ве Врангеля // Археологические открытия 1975 года. М.: Наука, 1976б. С. 234.
- Диков Н. Н.** Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы: Азия на стыке с Америкой в древности. М.: Наука, 1977а. 391 с.
- Диков Н. Н.** Открытие палеоэскимосской культуры на острове Врангеля // Краеведческие записки. Магадан: Кн. изд-во, 1977б. Вып. 11. С. 127–130.
- Диков Н. Н.** Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. М.: Наука, 1979. 352 с.
- Диков Н. Н.** Палеоэскимосская стоянка на о-ве Врангеля // Памятники, памятные места истории и культуры Северо-Востока России (Магаданская область и Чукотка). Магадан: Кн. изд-во, 1995. С. 32–34.
- Лебединцев А. И.** Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. Л.: Наука, 1990. 260 с.
- Лебединцев А. И.** К проблеме происхождения древних приморских культур Севера Дальнего Востока // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 2. С. 87–93.
- Лебединцев А. И.** Приморские культуры Охотоморья: эскимосско-алеутское влияние // V Международный северный археологический конгресс: Тез. докладов. 11–14 декабря 2019 г. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2019. С. 175–177.
- Ложкин А. В., Андерсон П. М., Вартамян С. Л.** Климат и растительность о. Врангеля в период раннего освоения человеком // Вестник СВНЦ ДВО РАН. 2016. № 4. С. 3–10.
- Ложкин А. В., Трумпле М. А.** Систематизация радиоуглеродных датировок памятников Магаданской области // Древние памятники Севера Дальнего Востока (новые материалы и исследования СВАКАЭ). Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1990. С. 176–179.
- Орехов А. А.** Северная Пацифика в голоцене: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2001. 48 с.
- Теин Т. С.** Исследования в Чертовом овраге на о. Врангеля // Археологические открытия 1976 года. М.: Наука, 1977. С. 246–247.
- Теин Т. С.** Изучение палеоэскимосской культуры на о-ве Врангеля // Археологические открытия 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 278.

- Теин Т. С.** Археологические исследования на о. Врангеля // Новые археологические памятники Севера Дальнего Востока (по данным СВАКАЭ). Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1979. С. 53–63.
- Теин Т. С.** Раскопки на о-ве Врангеля // Краеведческие записки. Магадан: Кн. изд-во, 1982. Вып. 12. С. 124–129.
- Теин Т. С.** Тайна Чертова оврага. Магадан: Кн. изд-во, 1983. 94 с.
- Теин Т. С.** Древнеэскимосская культура Северной Чукотки, включая острова Врангеля и Ратманова: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1991. 18 с.
- Шило Н. А., Диков Н. Н., Ложкин А. В., Орехов А. А., Теин Т. С.** Новые радиоуглеродные датировки археологических памятников Северо-Восточной Азии // Новые археологические памятники Севера Дальнего Востока (по данным СВАКАЭ). Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1979. С. 9–11.
- Bandi H.-G.** Eskimo Prehistory. College: Uni. of Alaska Press, 1972. 226 p.
- Dikov N. N.** Origini della cultura paleoeschimese // Bollettino del Centro Camuno di Studi Preistorici. 1979. Vol. 17. P. 89–98.
- Dikov N. N.** The Earliest Hunters for Sea Mammals on Wrangel Island // Studies Ethnography and Anthropology: Papers presented by Soviet participants. Moscow, 1983, Pt. 2: XI International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Vancouver-Quebec. August 1983. P. 14–24.
- Dikov N. N.** The oldest sea mammal hunters of Wrangel Island // Arctic Anthropology. 1988. Vol. 25, no. 1. P. 80–93.
- Dumond D. E.** The Hillside Site, St. Lawrence Island, Alaska: An Examination of Collection from the 1930s. Oregon: Uni. of Oregon Press, 1998. 199 p.
- Giddings J. L.** The Archaeology of Cape Denbigh. Providence, Rhode Island: Brown Uni. Press, 1964. 331 p.
- Lebedintsev A. I.** Maritime Cultures of the North Coast of the Sea of Okhotsk // Arctic Anthropology. 1998. Vol. 35 (1). P. 296–320.

Список источников

- Диков Н. Н.** Отчет о полевых исследованиях в Магаданской и Камчатской областях (на Колыме, Чукотке, острове Врангеля и в долине р. Камчатки) в 1975 году. Архив СВКНИИ. № 998. Магадан, 1976.
- Теин Т. С.** Древнеэскимосская культура Северной Чукотки, включая острова Врангеля и Ратманова: промежуточный отчет. Архив СВКНИИ. № 1600. Магадан, 1987.

References

- Bandi H.-G.** Eskimo Prehistory. College, Uni. of Alaska Press, 1972, 226 p.
- Dikov N. N.** Na ostrov Vrangelya – k drevnim eskimosam [To the Wrangel Island – to the ancient Eskimos]. *Znanie – sila [Knowledge is power]*, 1976, no. 10, pp. 19–22. (in Russ.)
- Dikov N. N.** Otkrytie drevneishei aziatskoi kul'tury morskikh zveroboev na o-ve Vrangelya [Discovery of the oldest Asian culture of marine hunters on Wrangel Island]. In: *Arkheologicheskiye otkrytya 1975 goda [Archaeological discoveries in 1975]*. Moscow, Nauka, 1976, 234 p. (in Russ.)
- Dikov N. N.** Arkheologicheskie pamyatniki Kamchatki, Chukotki i Verkhnei Kolymy: Aziya na styke s Amerikoi v drevnosti [Archaeological Sites of Kamchatka, Chukotka and Upper Kolyma: Asia at the junction with America in antiquity]. Moscow, Nauka, 1977, 391 p. (in Russ.)
- Dikov N. N.** Otkrytie drevneishei aziatskoi kul'tury morskikh zveroboev na o-ve Vrangelya [Discovery of the Paleo-Eskimo culture on Wrangel Island]. In: *Kraevedcheskie Zapiski [Regional Studies]*. Magadan, 1977, iss. 11, pp. 127–130. (in Russ.)

- Dikov N. N.** Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoi Azii: Aziya na styke s Amerikoi v drevnosti [Ancient cultures of Northeast Asia: Asia at the junction with America in antiquity]. Moscow, Nauka, 1979, 352 p. (in Russ.)
- Dikov N. N.** Origini della cultura paleoeschimese. *Bollettino del Centro Camuno di Studi preistorici*, 1979, vol. 17, pp. 89–98.
- Dikov N. N.** The Earliest Hunters for Sea Mammals on Wrangel Island. *Studies Ethnography and Anthropology: Papers presented by Soviet participants*. Moscow, 1983, pt. 2: XI International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Vancouver-Quebec. August 1983, pp. 14–24.
- Dikov N. N.** The oldest sea mammal hunters of Wrangel Island. *Arctic Anthropology*, 1988, vol. 25, no. 1, pp. 80–93.
- Dikov N. N.** Paleoэскимосская стоянка на о-ве Врангеля [Paleo-Eskimo Site on Wrangel Island]. In: Pamyatniki, pamyatnye mesta istorii i kul'tury Severo-Vostoka Rossii (Magadanskaya oblast' i Chukotka) [Monuments, memorable places of history and culture of the North-East of Russia (Magadan region and Chukotka)]. Magadan, 1995, pp. 32–34. (in Russ.)
- Dumond D. E.** The Hillside Site, St. Lawrence Island, Alaska: An Examination of Collection from the 1930s. Oregon, Uni. of Oregon Press, 1998, 199 p.
- Gerasimov D. V., Girya E. Yu., Pitulko V. V., Tikhonov A. N.** Novye materialy k interpretatsii stoyanki Chertov Ovrage na o. Vrangelya [New materials for the interpretation of the site Chertov Ovrage on the Wrangel Island]. In: II Dikoskive chteniya [II Dikov readings]. Magadan, NEISRI FEB RAS, 2002, pp. 379–383. (in Russ.)
- Giddings J. L.** The Archaeology of Cape Denbigh. Providence, Rhode Island, Brown Uni. Press, 1964, 331 p.
- Grebenyuk P. S., Fedorchenko A. Yu., Lebedintsev A. I., Malyarchuk B. A.** Ancient cultures of the extreme North-East of Asia and ethnogenetic reconstructions. *Tomsk Journal of Anthropological and Linguistic Research*, 2019, no. 2, pp. 110–136. (in Russ.)
- Gromov L. V.** Sledy starinnogo zaseleniya na ostrove Vrangelya [Traces of ancient settlement on Wrangel Island]. In: Letopis' Severa [Chronicle of the North]. Moscow, Geografiz, 1957, vol. 2, pp. 155–156. (in Russ.)
- Gusev S. V.** Raskopki poseleniya Unenen na Vostochnoy Chukotke (drevnekitoboynaya kul'tura) [Excavations of the Unenen Settlement in East Chukotka (Old Whaling Culture)]. In: Arkheologiya Arktiki [Archeology of the Arctic]. Ekaterinburg, Business Press, 2014, iss. 2, pp. 205–212. (in Russ.)
- Lebedintsev A. I.** Drevnie primorskie kul'tury Severo-Zapadnogo Priokhot'ya [Ancient Coastal Cultures of the Northwest Priokhotye]. Leningrad, Nauka, 1990, 260 p. (in Russ.)
- Lebedintsev A. I.** Maritime Cultures of the North Coast of the Sea of Okhotsk. *Arctic Anthropology*, 1998, vol. 35 (1), pp. 296–320.
- Lebedintsev A. I.** To the problem of the origin of the ancient coastal cultures of the North of the Far East. *Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia*, 2003, no. 2, pp. 87–93. (in Russ.)
- Lebedintsev A. I.** Primorskie kul'tury Okhotomor'ya: eskimosko-aleutskoe vliyanie [Maritime cultures of the Okhotsk Sea: Eskimo-Aleutian influence]. In: V Mezhdunarodnyi severnyi arkheologicheskii kongress. Tezisy dokladov. 11–14 dekabrya 2019 [V International Northern Archaeological Congress. Abstracts of reports. December 11–14, 2019]. Khanty-Mansiysk, Ekaterinburg, 2019, pp. 175–177. (in Russ.)
- Lozhkin A. V., Anderson P. M., Vartanyan S. L.** Climat and vegetation of Wrangel Island during the period of early human development. *Bulletin of the NESR FEB RAS*, 2016, no. 4, pp. 3–10. (in Russ.)
- Lozhkyn A. V., Trumpe M. A.** Sistematizatsiya radiouglerodnykh datirovok pamyatnikov Magadanskoy oblasti [Systematics radiocarbon dating sites Magadan Region]. In: Drevnie pa-

- myatniki Severa Dal'nego Vostoka [The ancient sites of the northern Far East]. Magadan, NEISRI FEB AN USSR, 1990, pp. 176–179. (in Russ.)
- Orekhov A. A.** Severnaya Patsifika v golotsene [North Pacific in the Holocene]. PhD diss. abstract. St. Peterburg, Institute of Material Culture, 2001, 48 p. (in Russ.)
- Pitulko V. V.** Golotsenovi kamennyi vek Severo-Vostochnoy Azii [Holocene Stone Age of Northeast Asia]. In: Estestvennaya istoriya rossiiskoi vostochnoi Arktiki v pleistotsene i golotsene [Natural history of the Russian eastern Arctic in the Pleistocene and Holocene]. St. Petersburg, GEOS, 2003, pp. 99–151. (in Russ.)
- Shilo N. A., Dikov N. N., Lozhkin A. V., Orekhov A. A., Tein T. S.** Novye radiouglerodnye datirovki arkheologicheskikh pamyatnikov Severo-Vostochnoi Azii [New radiocarbon dating of archaeological sites in Northeast Asia]. In: Novye arkheologicheskie pamyatniki Severa Dal'nego Vostoka (po dannym SVAKAE) [New archaeological sites in the North of the Far East (according to NEACAE data)]. Magadan, NEISRI FRSC AS USSR, 1979, pp. 9–11. (in Russ.)
- Tein T. S.** Issledovaniya v Chertovom ovrage na o. Vrangelya [Research in the Chertov Ovrage on the Wrangel Island]. In: Arkheologicheskie otkrytiya 1976 goda [Archaeological discoveries in 1976]. Moscow, Nauka, 1977, pp. 246–247. (in Russ.)
- Tein T. S.** Izuchenie paleoeskimoskoi kul'tury [Study of the Paleo-Eskimo culture on Wrangel Island]. In: Arkheologicheskie otkrytiya 1977 goda [Archaeological discoveries of 1977]. Moscow, Nauka, 1978, 278 p. (in Russ.)
- Tein T. S.** Arkheologicheskie issledovaniya na o. Vrangelya [Archaeological research on the Wrangle Island]. In: Novye arkheologicheskie pamyatniki Severa Dal'nego Vostoka (po dannym SVAKAE) [New archaeological sites of the North of the Far East (according to NEACAE data)]. Magadan, NEISRI FRSC AS USSR, 1979, pp. 53–63. (in Russ.)
- Tein T. S.** Raskopki na o-ve Vrangelya [Excavations on Wrangel Island]. In: Kraevedcheskie Zapiski [Regional Studies]. Magadan, 1982, iss. 12, pp. 124–129. (in Russ.)
- Tein T. S.** Taina Chertova Ovrage [Mystery of the Chertov Ovrage]. Magadan, 1983, 94 p. (in Russ.)
- Tein T. S.** Drevniyaya Eskimoskaya kul'tura Severnoi Chukotki, vklyuchaya ostrov Vrangelya i Ratmanova [Ancient Eskimo culture of Northern Chukotka including Wrangel and Ratmanov Islands]. PhD Diss. Abstract. Leningrad, 1991, 18 p. (in Russ.)

List of Sources

- Dikov N. N.** Otchet o polevykh issledovaniyakh v Magadanskoj i Kamchatskoj oblastiakh (na Kolyme, Chukotke, ostrove Vrangelya i v doline r. Kamchatki) v 1975 godu [Report on field research in Magadan and Kamchatka regions (Kolyma, Chukotka, Wrangel Island and Kamchatka River valley) in 1975]. Arkhiv SVKNII [Archives of the NEISRI]. № 998. Magadan, 1976. (in Russ.)
- Tein T. S.** Drevneeskimoskaya kul'tura Severnoy Chukotki, vklyuchaya ostrova Vrangelya i Ratmanova: promezhutochnyy otchet [Ancient Eskimo culture of Northern Chukotka, including Wrangel and Ratmanov islands: interim report]. Arkhiv SVKNII [Archives of the NEISRI]. № 1600. Magadan, 1987. (in Russ.)

Информация об авторе

Александр Иванович Лебединцев, кандидат исторических наук

Information about the Author

Alexander I. Lebedintsev, Candidate of Sciences (History)

*Статья поступила в редакцию 03.07.2023;
одобрена после рецензирования 10.10.2023; принята к публикации 25.12.2023
The article was submitted on 03.07.2023;
approved after reviewing on 10.10.2023; accepted for publication on 25.12.2023*

Научная статья

УДК 902, 903

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-35-42

Подсчет концентрации шамота в керамике: новые данные экспериментальных исследований

Ольга Викторовна Андреева

Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара, Россия

olgayer@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3698-3224>

Аннотация

Историко-культурный подход в настоящее время активно применяется археологами для изучения керамических изделий. Подход, разработанный А. А. Бобринским, продолжают совершенствовать в наши дни, в частности исследователи проводят многочисленные эксперименты на базе Самарской экспериментальной экспедиции по изучению древнего гончарства. В статье представлены этапы и результаты эксперимента по созданию шкал концентрации некалиброванного шамота, которые могут найти широкое применение в изучении археологической керамики.

Ключевые слова

керамика, историко-культурный подход, технико-технологический анализ, эксперимент, исходное пластичное сырье, формовочная масса, шамот

Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации гранта Российского научного фонда (проект № 23-78-10088) «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья».

Для цитирования

Андреева О. В. Подсчет концентрации шамота в керамике: новые данные экспериментальных исследований // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 7: Археология и этнография. С. 35–42. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-35-42

Calculation of the Concentration of Chamotte in Ceramics: New Experimental Data

Olga V. Andreeva

Samara State University of Social Sciences and Education
Samara, Russia

olgayer@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3698-3224>

Abstract

The historical and cultural approach is currently being actively used by archaeologists to study ceramic products. The approach developed by A. A. Bobrinsky is still being improved nowadays, the article presents the stages and results of an experiment to create scales of concentration of uncalibrated chamotte. The purpose of the experiment is to create scales to identify the concentration of uncalibrated chamotte in archaeological ceramics. In the course of the work, it was determined that the average amount of chamotte in samples using as a feedstock in a dry crushed state is higher than in a recipe using raw materials in a naturally moistened state. Concentrations of 1:6, 1:7 can be divided only conditionally, since the average amount of chamotte per 1 cm² is almost the same for the initial plastic raw mate-

© Андреева О. В., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 7: Археология и этнография. С. 35–42
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 35–42

rials in any state. Chamotte of the largest fractions is found in a maximum of 5 % of the samples studied. It is worth noting that when studying the concentration of coarse chamotte 2.0–5.0 mm, experimental samples were found on chips that did not contain chamotte inclusions. When using scales developed by A. A. Bobrinsky, it is necessary to apply a calculation formula and focus on the size of fractions, which complicates the process of determining the concentration of mineral impurities. The use of scales presented in the article to determine the concentration of uncalibrated chamotte is the most convenient to use when working with archaeological ceramics.

Keywords

ceramics, historical and cultural approach, technical and technological analysis, experiment, initial plastic raw materials, molding mass, chamotte

Acknowledgements

The article was prepared as part of a grant from the Russian Science Foundation (project no. 23-78-10088) “Vectors and dynamics of cultural and historical processes in the Stone Age of the Middle Volga region”

For citation

Andreeva O. V. Calculation of the Concentration of Chamotte in Ceramics: New Experimental Data. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 35–42. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-35-42

Введение

Изучение технологии изготовления керамики рассматривается в рамках историко-культурного направления, созданного А. А. Бобринским на основе применения методики бинокулярной микроскопии, трасологии и физического моделирования [Бобринский, 1978; Актуальные проблемы..., 1999]. Историко-культурный подход предусматривает выявление, учет и изучение прежде всего конкретных навыков труда (устойчивые приемы выполнения работы), с помощью которых изготавливалась керамика. Одна из целей историко-культурного подхода – полная или частичная реконструкция содержательной стороны процесса изготовления посуды [Бобринский, 1978].

Интерпретация технологических следов производится путем их сравнительного анализа с известными признаками приемов работы древних гончаров [Там же], а также с сериями эталонов, созданных в Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства [Васильева, Салугина, 1999; 2008].

Для изучения навыков труда на ступени составления формовочных масс привлекаются данные о рецептах, которые включают исходное пластичное сырье и искусственные добавки. В качестве наиболее часто встречающейся примеси в археологической керамике можно выделить шамот (гранулированная минеральная примесь, полученная в результате дробления старых сосудов). Введение в исходное пластичное сырье минеральной примеси связывают с конкретной узкой технологической задачей, в частности шамот используют для повышения огнестойкости керамических изделий [Бобринский, Васильева, 1998].

В методике, описанной А. А. Бобринским, для подсчета концентрации шамота приведены шкалы калиброванного шамота 0,5–0,9; 1,0–1,9; 2,0–2,9 мм. В археологической керамике зачастую использовали некалиброванный шамот либо включения более крупного размера (0,5–3,0; 2,0–5,0 мм).

В связи с этим автором статьи было принято решение провести эксперимент по определению концентрации «мелкого» (0,5–3,0 мм) и «крупного» (2,0–5,0 мм) шамота. Для прикладного использования в ходе анализа сколов археологической керамики предложенная А. А. Бобринским схема требовала доработки. В частности, в посуде неолита-энеолита Прикамья и лесного Среднего Поволжья [Васильева, Салугина, 2010; Андреева, 2018; Васильева, 2020; Андреева, Батуева, 2020] применялся исключительно некалиброванный шамот, размерность которого выходит за рамки представленной модели. Это натолкнуло автора на рассмотрение данного частного момента историко-культурного подхода и проведение эксперимента. На наш субъективный взгляд, предложенные ниже положения будут способствовать более точному подсчету концентрации.

Подготовка эксперимента

Цель эксперимента – создать шкалы для выявления концентрации некалиброванного шамота в археологической керамике. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи эксперимента.

1. Создать эталоны с шамотом размером фракций 0,5–3,0 мм в концентрациях 1 : 3, 1 : 4, 1 : 5, 1 : 6, 1 : 7. В качестве исходного пластичного сырья применить глину в естественном увлажненном виде, а также в сухом (дробленном) состоянии.

2. Создать эталонные брикеты размером 1 × 1 × 15 см с шамотом размером фракций 2,0–5,0 мм в концентрации 1 : 3, 1 : 4, 1 : 5, 1 : 6, 1 : 7. В качестве исходного пластичного сырья использовать глину в естественном увлажненном состоянии и в сухом (дробленном) состоянии.

3. Изучить изломы эталонов и посчитать количество включений шамота на 1 кв. см.

4. Создать шкалу концентрации некалиброванного шамота.

При создании эталонов использовали глину голубовато-серого цвета, чистую с естественной примесью пылевидного песка, отобранную в естественном увлажненном состоянии. При подготовке глины в сухом (дробленном) состоянии ее просеивали через сито с размером ячейки 1 мм. Для шамота дробили сосуды, изготовленные из ожелезненной глины с примесью навоза коровы в сыром состоянии.

Эталон с шамотом размером 0,5–3,0 мм. При подготовке к эксперименту дробленный шамот просеивался через два сита: с отверстиями 0,5 и 3,0 мм.

Эталон с шамотом размером 2,0–5,0 мм. Для подготовки использовали два сита с размером ячейки 2,0 и 5,0 мм.

Для каждой вариации концентрации и размера шамота было создано по 10 эталонных брикетов, которые впоследствии раскалывались на 6 частей, образуя при этом 5 сколов, подлежащих изучению под бинокулярным микроскопом, соответственно для каждой вариации было изучено 50 сколов, при этом для каждого скола фиксировалось число включений шамота и размер каждой фракции. Для подсчета количества включений шамота в эталонных образцах был использован бинокулярный микроскоп ЛОМО-ХС2360.

В определении концентрации используется соотношение от 1 : 3 до 1 : 7, где первая цифра фиксирует число объемных частей примеси – шамота, а вторая исходного пластичного сырья – глины.

Перед началом работ было подсчитано количество фракций шамота разного размера на объем мерного стаканчика 50 мл (рис. 1), благодаря данной работе мы видим, что мелкие фракции шамота преобладают над крупными, и соответственно в изломе эталонного образца или археологической керамике они будут фиксироваться чаще.

Результаты

Исходное пластичное сырье в естественном увлажненном состоянии с добавлением шамота 0,5–3,0 мм (рис. 2).

По представленной шкале можно сделать несколько выводов. Во-первых, в каждой концентрации есть наиболее вероятное количество включений на 1 кв. см. Для концентрации 1 : 3 наиболее часто в изучаемых сколах фиксировалось от 24 до 32 включений шамота, 1 : 4 – 18–24 фракции шамота, 1 : 5 – 16–22 включения, 1 : 6 – 10–15 включений, 1 : 7 – 8–12 включений. При этом есть минимальные и максимальные значения, больше и меньше которых при изучении изломов и подсчете включений не было зафиксировано. Во-вторых, выделяется четыре группы концентрации: 1 : 3 характеризуется значительным содержанием фракций шамота в черепке; 1 : 4 и 1 : 5 в значительной мере пересекаются в наиболее вероятном количестве включений; 1 : 6 и 1 : 7 выделяются незначительной примесью шамота, при этом обнаруживают различия в наиболее часто фиксируемом количестве фракций на 1 кв. см.

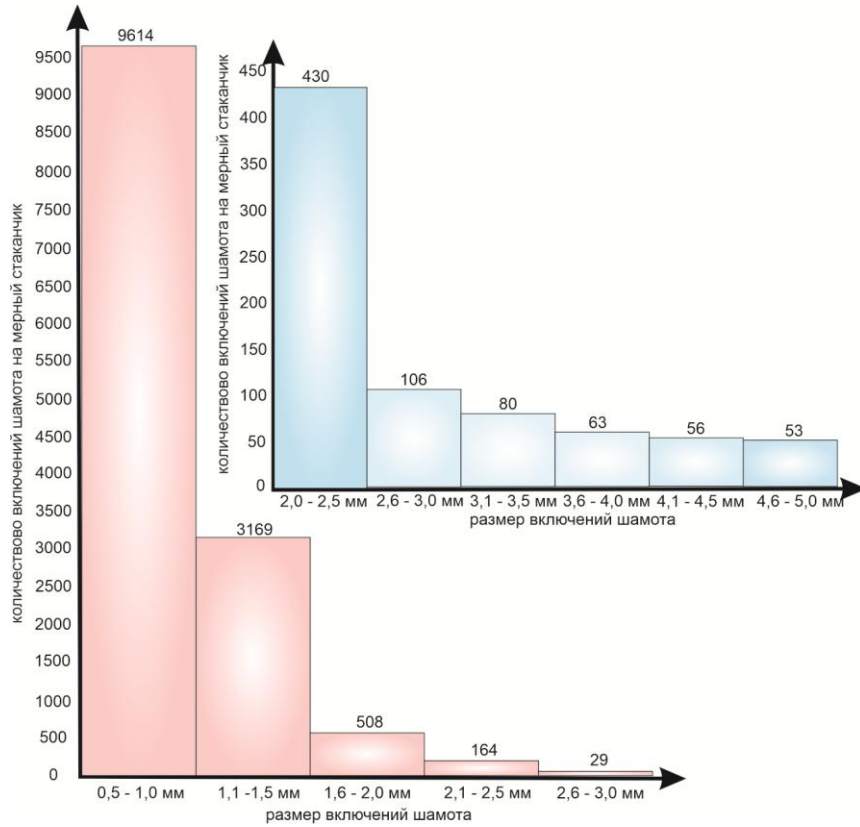

Рис. 1. Количество шамота разного размера на 50 мл
 Fig. 1. The amount of chamotte of different sizes per 50 ml

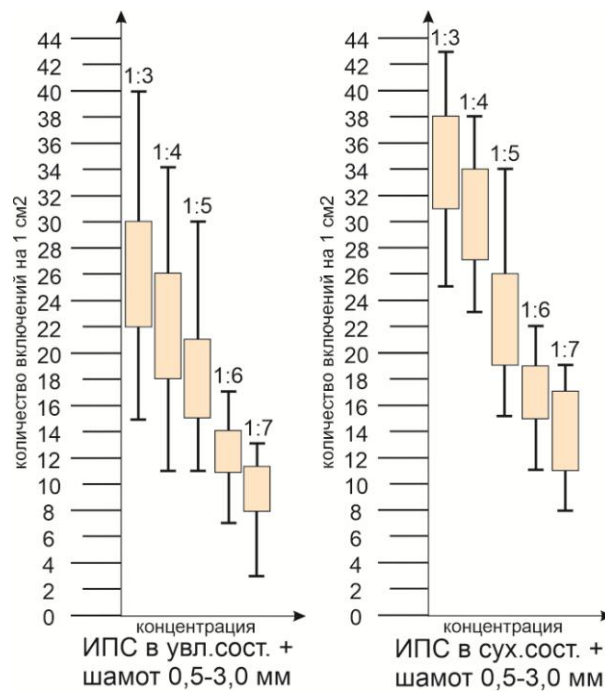

Рис. 2. Экспериментальная шкала концентрации шамота размером 0,5–3,0 мм
 Fig. 2. Experimental scale of chamotte concentration with a size of 0,5–3,0 mm

Исходное пластичное сырье в сухом дробленном состоянии с добавлением шамота 0,5–3,0 мм (см. рис. 2).

Наиболее вероятное количество включений на 1 кв. см: 1 : 3 – 30–38 включений шамота; 1 : 4 – 27–34 включения; 1 : 5 – 19–25 включений, 1 : 6 – 16–22 включения; 1 : 7 – 11–17 включений. Концентрация 1 : 3 и 1 : 4 имеет значительное пересечение в количестве включений, аналогичная ситуация наблюдается для концентрации 1 : 5 и 1 : 6, обособлено выглядит концентрация 1 : 7 – тем самым можно констатировать, что для исходного сырья в сухом дробленном состоянии с примесью шамота выделяются 5 групп концентрации достаточно условно, фактически их можно разделить на 3 группы.

Перейдем к сравнению полученных результатов со шкалой, разработанной А. А. Бобринским [1999, с. 37–38].

Рецепт формовочной массы (исходное пластичное сырье в естественном увлажненном состоянии + шамот 1 : 3, 1 : 4, 1 : 5) условно возможно соотнести с графиком определения концентрации при размере шамота 1,0–1,9 мм, а концентрация 1 : 6, 1 : 7 соотносится с определениями концентрации по шкале для мелкого шамота (0,5–0,9 мм). При использовании ИПС в сухом дробленном состоянии наблюдается аналогичная картина: шкала некалиброванного шамота в концентрации 1 : 3, 1 : 4, 1 : 5 соотносится со шкалой калиброванного шамота 1,0–1,9 мм условно, в нижних и верхних пределах фиксации включений шамота, а концентрация 1 : 6, 1 : 7 также условно может быть соотнесена со шкалой концентрации шамота размером 0,5–0,9 мм.

Необходимо обратить внимание, что наиболее вероятное количество включений не совпадает в шкалах калиброванного шамота и в эксперименте по созданию шкал некалиброванного шамота, при сравнении совпадают лишь верхние и нижние границы каждой концентрации.

Если приводить среднее процентное соотношение частоты фиксирования фракций шамота разного размера в эталонных сколах 1 кв. см, то мы получим следующую картину: 0,5–0,9 мм – 75 %, 1,0–1,5 мм – 14 %, 1,6–2,0 – 6 %, 2,1–2,5 – 4 %, 2,6–3,0 – 1 %.

Исходное пластичное сырье в естественном увлажненном состоянии с добавлением шамота 2,0–5,0 мм (рис 3).

Наиболее вероятное количество включений на 1 кв. см: 1 : 3 – 5–7 включений шамота; 1 : 4 – 3–6 включений; 1 : 5 – 3–5 включений; 1 : 6 – 2–4 включения; 1 : 7 – 1–4 включения. При рассмотрении шкалы примеси шамота 2,0–5,0 мм к глине в естественном увлажненном состоянии мы вновь можем отметить выделение четырех групп концентрации (1 : 3 выделено в отдельную группу): 1 : 4 и 1 : 5, а также 1 : 6 и 1 : 7 фактически сливаются в единые шкалы, значительно пересекаясь в наиболее вероятных количествах включений шамота на 1 кв. см.

Исходное пластичное сырье в сухом дробленном состоянии с добавлением шамота 2,0–5,0 мм (см. рис. 3).

Для концентрации 1 : 3 наиболее часто в изучаемых сколах фиксировалось от 6 до 9 включений шамота, 1 : 4 – 5–7 фракций шамота, 1 : 5 – 3–5 включения, 1 : 6 и 1 : 7 – по 2–4 включения.

При рассмотрении примеси шамота крупного калибра к глине в дробленном состоянии перед нами предстает несколько иная картина. Концентрации 1 : 3, 1 : 4 и 1 : 5 ярко выражены, однако при взгляде на шкалу концентраций 1 : 6 и 1 : 7 мы вновь наблюдаем фактическое слияние в единую группу.

Сравним полученные результаты эксперимента со шкалой, разработанной А. А. Бобринским [1999, с. 37–38]. Шкалы эксперимента с использованием исходного сырья в естественном увлажненном состоянии условно совпадают со шкалой калиброванного шамота 2,0–2,9 мм при концентрации шамота 1 : 3, 1 : 4, 1 : 5. При меньшей концентрации показатели разнятся. В формовочной массе с сухим дробленным исходным пластичным сырьем обнаруживаются некоторые отличия: концентрация 1 : 3 не совпадает с представленной у А. А. Бобринского, при калиброванном шамоте с размерностью фракций 2,0–2,9 мм данная концен-

трация предполагает в среднем 10–15 фракций шамота на 1 кв. см, у нас в результате эксперимента получилось в среднем 6 (от 3 до 10 включений встречалось в 1 кв. см). При сравнении концентраций 1 : 4, 1 : 5, 1 : 6, 1 : 7 также наблюдаются отличия в основном при наибольшей вероятности количества включений, общий диапазон количества фракций также отличается.

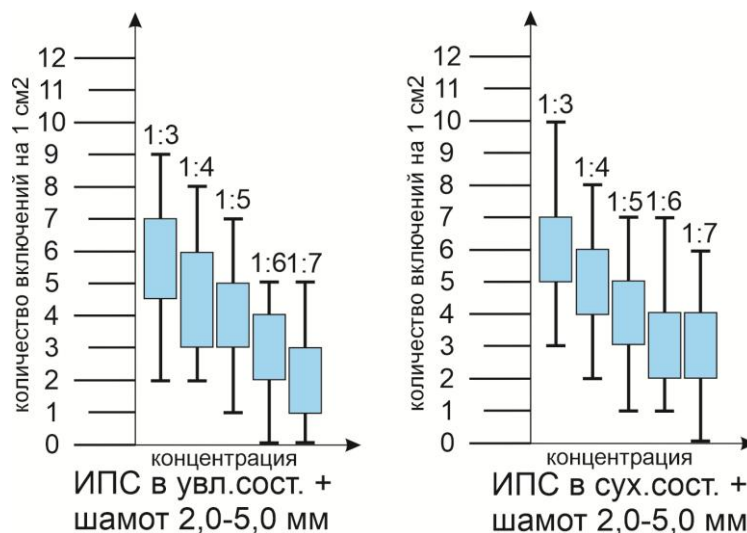

Рис. 3. Экспериментальная шкала концентрации шамота размером 2,0–5,0 мм
Fig. 3. Experimental scale of chamotte concentration with a size of 2,0–5,0 mm

Среднее процентное соотношение частоты фиксации фракций шамота разного размера: 2,0–2,5 мм – 75 %; 2,6–3,0 мм – 9 %; 3,1–3,5 мм – 7 %; 3,6–4,0 мм – 5 %; 4,1–4,5 мм – 2 %; 4,6–5,0 мм – 2 %.

Выводы

Среднее количество шамота в образцах с использованием в качестве исходного сырья в сухом дробленом состоянии выше, чем в рецепте с использованием сырья в естественном увлажненном состоянии. Концентрации 1 : 6, 1 : 7 можно разделять лишь условно, так как среднее количество шамота на 1 кв. см является практически одинаковым для исходного пластичного сырья в любом состоянии. Шамот наиболее крупных фракций встречается максимум в 5 % исследуемых образцов, что указывает на необходимость более внимательной работы с археологической керамикой при подсчете концентрации шамота и определении его максимального размера для конкретной керамической традиции. Также стоит обратить внимание на то, что при изучении концентрации крупного шамота (2,0–5,0 мм) выявлены экспериментальные образцы на сколах, в которых не было включений шамота. Применительно к археологической керамике отметим, что для выявления наличия шамота необходимо просматривать значительную поверхность излома для констатации отсутствия минеральной примеси в формовочной массе.

Для использования шкал, разработанных А. А. Бобринским, необходимо применять формулу подсчета и ориентироваться на размер фракций, что усложняет процесс определения концентрации минеральной примеси. В связи с этим использование представленных в статье шкал по определению концентрации некалиброванного шамота является наиболее удобным и применимым при работе с археологической керамикой.

В ходе исследования автором также поставлены задачи на проведение дополнительных экспериментов, в результате которых планируется выявить закономерности во влиянии исходного пластичного сырья на концентрацию минеральной примеси в формовочной массе.

Список литературы

- Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: Коллективная монография / А. А. Бобринский, Ю. Б. Цетлин, С. Ю. Внуков, И. Г. Глушков, А. В. Гребенщиков, И. С. Жушиховская, И. Н. Васильева, Н. П. Салугина, В. А. Скарбовенко, И. В. Калинина, Т. Н. Глушкова. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. 232 с.
- Андреева О. В.** Сравнительный анализ ранних энеолитических комплексов Среднего Прикамья и лесного Среднего Поволжья (на основе технико-технологического анализа) // Изв. Самарского научного центра РАН. 2018. Т. 20, № 3. С. 208–215.
- Андреева О. В., Батуева Н. С.** Некоторые итоги изучения гончарных традиций населения Верхнего и Среднего Прикамья в эпоху неолита и энеолита // Вестник Пермского университета. 2020. Вып. 1 (48). С. 5–18.
- Бобринский А. А.** Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А. А., Васильева И. Н.** О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара: Изд-во СГСПУ, 1998. С. 203–205.
- Васильева И. Н.** Некоторые вопросы истории культурных традиций в неолитическом гончарстве Поволжья // Вопросы археологии Поволжья. Самара: Изд-во СГСПУ. 2020. Вып. 8. С. 48–65.
- Васильева И. Н., Салугина Н. П.** Экспериментальный метод в изучении древнего гончарства // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: Коллективная монография / А. А. Бобринский и др. Самара: Изд-во СГСПУ, 1999. С. 181–198.
- Васильева И. Н., Салугина Н. П.** Некоторые итоги 18-летней работы Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале (III). М.: Изд-во ИА РАН, 2008. С. 156–159.
- Васильева И. Н., Салугина Н. П.** Некоторые итоги изучения древнего и средневекового гончарства в Самарском Поволжье // 40 лет Средневожской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Самара: Офорт, 2010. С. 135–154.

References

- Andreeva O. V.** Sravnitel'nyi analiz rannikh eneoliticheskikh kompleksov Srednego Prikam'ya i lesnogo Srednego Povolzh'ya (na osnove tekhniko-tekhnologicheskogo analiza) [Comparative analysis of the early Eneolithic complexes of the Middle Kama region and the forest Middle Volga region (based on technical and technological analysis)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2018, vol. 20, no. 3, pp. 208–215. (in Russ.)
- Andreeva O. V., Batueva N. S.** Nekotorye itogi izucheniya goncharykh traditsii naseleniya Verkhnego i Srednego Prikam'ya v epokhu neolita i eneolita [Some results of studying the pottery traditions of the population of the Upper and Middle Kama region in the Neolithic and Eneolithic times]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University], 2020, iss. 1 (48), pp. 5–18. (in Russ.)
- Bobrinsky A. A.** Goncharstvo Vostochnoy Evropy: Istochniki i metody izucheniya [Pottery of Eastern Europe: Sources and Research Methods]. Moscow, Nauka, 1978, 272 p. (in Russ.)
- Bobrinsky A. A., Tsetlin Yu. B., Vnukov S. Yu., Glushkov I. G., Grebenschikov A. V., Zhushchikhovskaya I. S., Vasilieva I. N., Salugina N. P., Skarbovenko V. A., Kalinina I. V.,**

- Glushkova T. N.** Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva [Actual problems of studying ancient pottery]. Collective monograph. Samara, SamSPU Press, 1999, 232 p. (in Russ.)
- Bobrinsky A. A., Vasilieva I. N.** O nekotorykh osobennostyakh plasticheskogo syr'ya v istorii goncharstva [On some features of plastic raw materials in the history of potter]. In: Problemy istorii Severnogo Prikaspiya [Problems of the ancient history of the Northern Caspian region]. Samara, SSSPU Press, 1998, pp. 203–205. (in Russ.)
- Vasilieva I. N.** Nekotorye voprosy istorii kul'tury, traditsii v neoliticheskom goncharstve Povolzh'ya [Some questions of the history of cultural traditions in the Neolithic pottery of the Volga region.]. In: Voprosy arkheologii Povolzh'ya [Questions of archeology of the Volga region]. Samara, SSSPU Press, 2020, iss. 8, pp. 48–65. (in Russ.)
- Vasilieva I. N., Salugina N. P.** Eksperimental'nyi metod v izuchenii drevnego goncharstva [An experimental method in the study of ancient pottery]. In: Bobrinsky A. A. et al. Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva [Actual problems of studying ancient pottery]. Collective monograph. Samara, SamSPU Press, pp. 181–198. (in Russ.)
- Vasilieva I. N., Salugina N. P.** Nekotorye itogi 18-letnei raboty Samarskoi ekspeditsii po eksperimental'nomu izucheniyu drevnego goncharstva [Some results of the 18-year work of the Samara expedition on the experimental study of ancient pottery]. In: Tr. II (XVIII) Vseros. arkheol. s'yezda v Suzdale (III) [Works of II (XVIII) All-Russia archeol. congress in Suzdal (III)]. Moscow, IA RAS Publ., 2008, pp. 156–159. (in Russ.)
- Vasilieva I. N., Salugina N. P.** Nekotorye itogi izucheniya drevnego i srednevekovogo goncharstva v Samarskom Povolzh'e [Some results of the study of ancient and medieval pottery in the Samara Volga region]. In: 40 let Srednevolzhskoi arkheologicheskoi ekspeditsii: Kraevedcheskiye zapiski [40 years of the Middle Volga archaeological expedition: Local history notes]. Samara, Ofort Publ., 2010, pp. 135–154. (in Russ.)

Информация об авторе

Ольга Викторовна Андреева, лаборант
Scopus Author ID 57219123852
WoS Researcher ID AAC-4345-2022
RSCI Author ID 881063
SPIN 6566-3301

Information about the Author

Olga V. Andreeva, Laboratory Assistant
Scopus Author ID 57219123852
WoS Researcher ID AAC-4345-2022
RSCI Author ID 881063
SPIN 6566-3301

*Статья поступила в редакцию 05.09.2023;
одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 30.11.2023
The article was submitted on 05.09.2023;
approved after reviewing on 30.10.2023; accepted for publication on 30.11.2023*

Обзорная статья

УДК 903

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-43-54

Ашело-ябрудийский культурный комплекс в Леванте и вопросы генезиса среднего палеолита Алтая

Максим Борисович Козликин¹, Михаил Васильевич Шуньков²

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ kmb777@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5082-3345>

² shunkov77@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1388-2308>

Аннотация

Представлен обзор современных работ, посвященных материалам ашело-ябрудийского культурного комплекса второй половины среднего плейстоцена на территории Леванта. Целью исследования является поиск свидетельств возможной связи с ближневосточным регионом в процессе становления среднего палеолита Алтая. Необходимость актуализации тезиса о близком сходстве древнейшей каменной индустрии из Денисовой пещеры с комплексами позднего ашела на Ближнем Востоке возникла с расширением источниковой базы на новом этапе исследований. В качестве основных материалов рассматриваются ашело-ябрудийские индустрии из многослойных пещер Кесем, Табун и Мислия в Израиле, для которых получено надежное геохронологическое и палеогеографическое обоснование. Сопоставление древнейших материалов из Денисовой пещеры с ближневосточными находками выявило наличие общих черт как на уровне технологии, так и в типологии.

Ключевые слова

Левант, ашело-ябрудийский культурный комплекс, Алтай, Денисова пещера, средний палеолит, каменная индустрия, денисовцы

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00069, <https://rscf.ru/project/24-18-00069/>

Для цитирования

Козликин М. Б., Шуньков М. В. Ашело-ябрудийский культурный комплекс в Леванте и вопросы генезиса среднего палеолита Алтая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 7: Археология и этнография. С. 43–54. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-43-54

Acheulo-Yabrudian Cultural Complex in the Levant and Questions of the Altai Middle Paleolithic Genesis

Maxim B. Kozlikin¹, Mikhail V. Shunkov²

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ kmb777@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5082-3345>

² shunkov77@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1388-2308>

Abstract

Purpose. At the present stage of research, with the expansion of the source base, it became necessary to update the previously put forward thesis about the close similarity of the most ancient lithic industry from the Denisova Cave with the materials of the Acheulo-Yabrudian Cultural Complex in the Levant.

Results. To identify possible cultural connections of the initial stage of the Middle Paleolithic of Altai Mountain with Near Eastern industries, we carried out a review of studies mainly of the last decade, devoted to materials from the Acheulo-Yabrudian complex of the second half of the Middle Pleistocene in the Levant. Acheulo-Yabrudian industries from the multi-layered caves of Qesem, Tabun and Mishiya in Israel are considered as the main materials, for which a reliable geochronological and paleogeographical basis has been obtained. Comparative materials from the Denisova Cave became a representative archaeological collection from deposits of the second half of the Middle Pleistocene, the analysis of which made it possible to re-evaluate the technical and typological traditions of the Altai population at the beginning of the Middle Paleolithic.

Conclusion. A comparison of ancient materials from the Denisova Cave with Near Eastern finds revealed the presence of common features, both at the level of technology and in typology. These include a stable tradition of re-utilization of flakes, techniques of ventral thinning and proximal truncation of flakes, parallel technology to obtain elongated blanks, and typologically expressive series of side scrapers such as Quina and demi-Quina.

Keywords

Levant, Acheulo-Yabrudian Cultural Complex, Altai Mountains, Denisova Cave, Middle Paleolithic, lithic industry, Denisovans

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 24-18-00069, <https://rscf.ru/project/24-18-00069/>

For citation

Kozlikin M. B., Shunkov M. V. Acheulo-Yabrudian Cultural Complex in the Levant and Questions of the Altai Middle Paleolithic Genesis. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 43–54. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-43-54

Введение

Становление среднепалеолитических культурных традиций на Алтае связано с расселением денисовцев. Предполагается, что часть поздних *H. heidelbergensis* ок. 450–350 тыс. л. н. мигрировала с территории Леванта в восточном направлении и стала основой для формирования денисовцев, которые достигли юга Сибири и заселили Денисову пещеру на Алтае не позднее морской изотопной стадии 9 [Деревянко и др., 2020].

На современном этапе исследований с расширением источниковой базы возникла необходимость актуализации выдвинутого ранее тезиса о близком сходстве древнейшей каменной индустрии из Денисовой пещеры с материалами ашело-ябрудийского культурного комплекса на Ближнем Востоке [Деревянко, 2001]. Анализ представительной археологической коллекции из отложений второй половины среднего плейстоцена в Денисовой пещере позволил по-новому оценить технико-типологические традиции населения Алтая в начале среднего палеолита [Шуныков, Козликин, 2023]. Было установлено, что для индустрий этого времени характерны радиальные (рис. 1, 7) и параллельные монофронтальные одноплощадочные (рис. 1, 12, 13) ядрища, изготовленные из массивных сколов или небольших валунов. Среди изделий с вторичной обработкой преобладают крупные массивные отщепы с вентральным утончением (рис. 1, 14–16) и базально-тронкированные сколы (рис. 1, 5), серийно представлены разнообразные скребла, в том числе близкие по морфологии к изделиям типа кина (рис. 1, 2, 8–10), а также шиповидные (рис. 1, 1), зубчатые (рис. 1, 3) и выемчатые формы. В данной работе с целью выявления возможных культурных связей начальной стадии среднего палеолита Алтая с ближневосточными индустриями приводится обзор исследований преимущественно последнего десятилетия, посвященных материалам ашело-ябрудийского комплекса второй половины среднего плейстоцена на территории Леванта.

Результаты исследований и их обсуждение

Ашело-ябрудийский культурный комплекс (АЯКК), выделенный А. Рустом на материалах скального навеса Ябруд I в Сирии [Rust, 1950], включает три основные индустрии: ашело-ябрудьен, ябрудьен и амудьен, развитие которых укладывается в интервал 420–200 тыс. л. н.

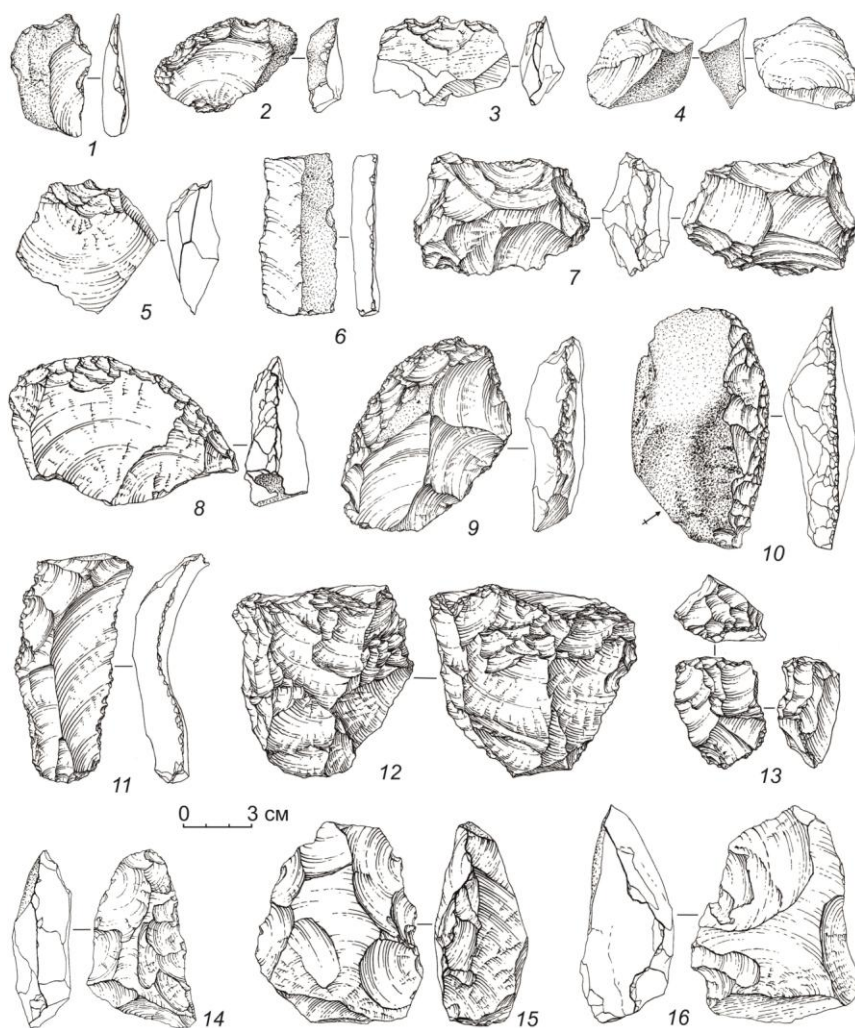

Рис. 1. Каменная индустрия начальной стадии среднего палеолита из Денисовой пещеры:

1 – шиповидное орудие; 2, 8–10 – скребла; 3 – зубчатое орудие; 4 – отщеп комбева;
5 – базально-тронкированный скол; 6, 11 – пластины; 7, 12, 13 – нуклеусы;
14–16 – вентрально-утонченные сколы

Fig. 1. Lithic industry of the initial stage of the Middle Paleolithic from Denisova Cave:

1 – spur-like tool; 2, 8–10 – side-scrapers; 3 – denticulate tool; 4 – Kombeva flake;
5 – proximally truncated flakes; 6, 11 – blades; 7, 12, 13 – cores; 14–16 – ventrally thinned flakes

Становление АЯКК связано с рядом важных инноваций, таких как стационарное использование огня для приготовления мяса, новые охотничьи стратегии, направленные на добычу мелких и средних животных и последующую переработку их туш, использование новых источников каменного сырья, в том числе добыча кремня из погребенных выходов, систематическая реутилизация каменных изделий и фрагментов костей [Barkai, Gopher, 2013; Assaf et al., 2017]. Новые поведенческие паттерны сопровождалась инновациями в каменной технологии, нашедшими отражение в трех основных одновременно существующих индустриях. В ашело-ябрудьене первичное расщепление было ориентировано на получение отщепов, среди орудий преобладали ашельские рубила и скребла. Индустрия ябрудьена в основном также отщеповая с небольшим количеством пластин и разнообразными скреблами типа кина и полукина. Амудьен имеет хорошо выраженный пластинчатый облик [Barkai, Gopher, 2013; Zaidner, Weinstein-Evron, 2016]. В последнем случае важно само наличие систематического

производства удлиненных заготовок, а не их количественный показатель наряду с отсутствием или малочисленностью бифасов и скребел кина.

Комплексы АЯКК известны в основном в центральной и южной частях Леванта, как в пещерах, так и на открытых стоянках. Однако большинство объектов связано со скальными убежищами разных типов – Ябруд I, Табун E, Мислия, Кесем, Зуттие, Хайоним, Абри Зумоффен, Маслоух, Джефр Аджла, Дедерия и др. Относительно небольшое количество изученных на сегодняшний день комплексов АЯКК пока не позволяет установить какую-либо последовательную схему расселения их носителей. В составе ашело-ябрудийского культурного комплекса в первую очередь обращают на себя внимание материалы из многослойных пещер Кесем, Табун и Мислия в Израиле, для которых получено надежное геохронологическое и палеогеографическое обоснование [Mercier, Valladas, 2003; Barkai, Gopher, 2013; Zaidner, Weinstein-Evron, 2016].

В пещере Кесем в хронологическом интервале 420–200 тыс. л. н. в разных соотношениях представлены все основные компоненты АЯКК. Доминирует амудийская традиция с хорошо выраженными пластинчатыми технологиями. Для ябрудийской индустрии характерны скребла кина и полукина и относительно небольшая доля пластин. Вместе с тем в обоих комплексах представлены редкие рубила. В целом амудийская и ябрудийская индустрии из этой пещеры являются частью одной и той же технологической системы, демонстрируя различия главным образом в количественном соотношении категорий инвентаря (например, пластин, орудий на пластинах, скребел), т. е. обе индустрии включают скребла кина и полукина, а также пластинчатое производство, но в разных пропорциях. Такая вариабельность обусловлена не сменой носителей культурных традиций, а изменениями в хозяйственном укладе и адаптационных стратегиях обитателей пещеры, пространственной и временной дифференциацией деятельности человека на разных участках стоянки. Данные геохронологии свидетельствуют о сосуществовании в пещере Кесем амудийской и ябрудийской индустрий [Barkai, Gopher, 2013; Parush et al., 2016].

В культурно-хронологической последовательности пещеры Табун зафиксированы все три фации АЯКК, материалы которых, согласно данным TL-датирования, укладываются в интервал 302–256 тыс. л. н. В этой пещере ашело-ябрудийская, ябрудийская и амудийская индустрии представляют собой три чередующихся комплекса, различающихся по соотношению отдельных типов орудий, таких как скребла кина, пластины и бифасы, присутствующих в каждом слое в разном количестве [Copeland, 2000]. Вместе с тем на примере скребел было доказано, что с технологической точки зрения выделенные фации мало отличаются друг от друга [Franklin, Kuhn, 2021].

Ашело-ябрудийская индустрия из пещеры Мислия, датируемая концом МИС 8 – началом МИС 7, отражает три технологии расщепления: бифасиальную; скалывания тонких отщепов с подготовленных нуклеусов; снятия крупных массивных часто первичных сколов с неподготовленных нуклеусов, служивших заготовками рубил, скребел кина и полукина [Zaidner, Weinstein-Evron, 2016]. В целом АЯКК Мислии характеризуется преобладанием отщепов в числе сколов, редкими пластинами, отсутствием леваллуазских изделий. Удлиненные заготовки неправильной формы, без признаков преднамеренного пластинчатого расщепления.

Сопоставление древнейшего комплекса Денисовой пещеры с ближневосточными материалами выявило наличие в обеих индустриях устойчивой традиции реутилизации сколов, которая в алтайской коллекции представлена вентрально-утонченными и базально-тронкированными отщепами, а в левантийских комплексах – так называемыми нуклеусами на сколах. Представительная коллекция (1 702 экз.) таких ядрищ и продуктов их расщепления детально изучена на материалах из двух амудийских и ябрудийского слоев в пещере Кесем [Assaf et al., 2015; 2017; Parush et al., 2015], а также из ашело-ябрудийского комплекса пещеры Мислия [Zaidner, Weinstein-Evron, 2016]. Нуклеусы на сколах в этих индустриях представляют собой отщепы (рис. 2, 3, 6, 11, 13, 15, 16), реже пластины, с которых скалывались более мелкие снятия преимущественно с вентральной стороны проксимального, дистального

или продольного края заготовки. Соответственно снятые с таких нуклеусов сколы представляют собой бивентральные краевые отщепы (рис. 2, 1, 4, 8, 10), боковые (рис. 2, 2, 5, 12) и центральные (рис. 2, 14) снятия комбева с двумя остаточными ударными площадками и двумя ударными бугорками. Трасологический анализ показал, что сколы этих типов использовались для резания мяса, кожи или обработки растительных материалов, при этом они в зависимости от морфологии могли держаться в руках или крепиться в рукоятках [Lemorini et al., 2015; Venditti et al., 2019]. Эксперименты показали высокую эффективность таких отщепов в качестве ножей, линзовидных в сечении, с тонким острым лезвием и обушком, особенно при разделке тушь мелких и средних животных [Barkai et al., 2010]. В индустриях начального среднего палеолита из Денисовой пещеры доля сколов вентрального утончения и базального тронкирования, как и других видов мелких отщепов, также достаточно высока, однако определить функциональное назначение этих артефактов еще предстоит.

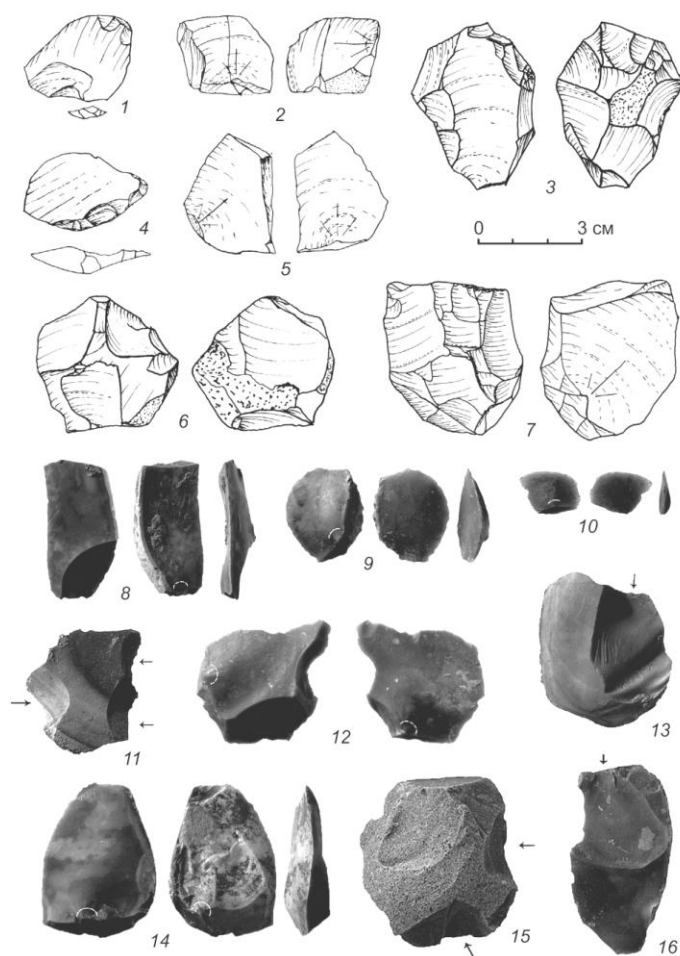

Рис. 2. Каменные артефакты ашело-ябрудийского культурного комплекса из пещер Мислия (1–6) (по: [Zeidner, Weinstein-Evron, 2016]), Табун (7) (по: [Shimelmitz, 2015]) и Кесем (8–16) (по: [Assaf et al., 2015]):
1, 4, 8, 10 – бивентральные отщепы; 2, 5, 12 – отщепы комбева боковые; 14 – отщеп комбева центральный;
3, 6, 7, 11, 13, 15, 16 – нуклеусы на сколах

Fig. 2. Lithic artifacts of the Acheulo-Yabrudian Cultural Complex from the caves of Misliya (1–6) (by: [Zeidner, Weinstein-Evron, 2016]), Tabun (7) (by: [Shimelmitz, 2015]) and Qesem (8–16) (by: [Assaf et al., 2015]):
1, 4, 8, 10 – double ventral flakes; 2, 5, 12 – lateral Kombewa flakes; 14 – Kombewa flake;
3, 6, 7, 11, 13, 15, 16 – cores-on-flakes

Нуклеусы на сколах широко распространены и в других левантийских комплексах. Например, материалы из пещеры Табун включают несколько сотен таких изделий, представленных в разных вариантах – с оформленной ударной площадкой и без признаков специальной подготовки, с негативом одного скола или серией снятий (рис. 2, 7) с вентральной или дорсальной стороны [Shimelmitz, 2015]. Часто в индустриях Леванта, как и Денисовой пещеры, заготовками служили более древние сколы с патинированной или окатанной поверхностью [Shimelmitz, 2015; Barkai, Gopher, 2013]. В ряде случаев снятие мелких отщепов с более крупных сколов, возможно, применялось с целью не только получения заготовок, но и приспособления изделия для его крепления в рукояти. В Денисовой пещере свидетельства возможного использования базального утончения с целью аккомодации отмечены в серии скребел, зубчатых и шиповидных орудий.

Другой важный показатель сходства алтайских и ближневосточных индустрий – использование технологии параллельного расщепления для получения удлинённых сколов. Хотя роль пластин в древнейшей денисовской индустрии незначительна, их отдельные выразительные экземпляры (см. рис. 1, 6, 11) и нуклеусы свидетельствуют о развитых приемах пластинчатого раскалывания. Анализ коллекций АЯКК из пещер Кесем, Табун и скального навеса Ябруд I показал, что траектория пластинчатого производства с технологической точки зрения в них была относительно простой и включала хорошо спланированную последовательность расщепления, направленную на снятие удлинённых заготовок с минимально подготовленных ядрищ [Shimelmitz et al., 2011; 2016]. Последние представлены одно- (рис. 3, 14) или двуплощадочными формами, в том числе на сколах. Конечным продуктом этой технологии часто являлись краевые пластинчатые снятия (рис. 3, 4, 11), служившие ножами с естественным обушком без дополнительной обработки. Крупные широкие массивные заготовки ретушировались по краю (рис. 3, 6) или оформлялись в концевые скребки (рис. 3, 5), резцы и резе в скребла [Barkai et al., 2005]. Присутствуют также зубчато-выемчатые орудия (рис. 3, 9). Трасологический анализ пластин из пещеры Кесем показал, что они использовались преимущественно в процессе разделки туш животных и значительно реже для срезания растений [Lemorini et al., 2006].

Производство отщепов в индустриях АЯКК осуществлялось в рамках центростремительного (рис. 3, 10, 12) и параллельного (рис. 3, 13) раскалывания. Заготовками для этих нуклеусов служили желваки, плитки, галечные отдельные или крупные массивные в поперечном сечении сколы (см. рис. 3, 10). Леваллуазский метод расщепления здесь, как и в Денисовой пещере, получил широкое распространение на более поздних этапах среднепалеолитического времени.

Для индустрии начальной стадии среднего палеолита из Денисовой пещеры, как и для левантийских комплексов, характерны типологически выразительные серии скребел, оформленных ретушью кина. Такие изделия довольно своеобразны и широко распространены в мустьерских индустриях, при этом ябрудийские орудия значительно древнее европейских аналогов. Феномен техники кина получил распространение на Ближнем Востоке как минимум 420 тыс. л. н., что исключает ее связь с очень похожей или почти идентичной технологией в Европе. Кроме того, в Леванте, где скребла кина в большом количестве (сотни в пещерах Кесем и Мислия и тысячи в пещере Табун) известны в ябрудийских комплексах, исчезают в пост-АЯКК индустриях. В качестве заготовок для них использовались в основном крупные укороченные (рис. 3, 1–3) или короткие (рис. 3, 7, 8) массивные сколы, в том числе краевые с радиальных нуклеусов, и первичные отщепы. Примечательно, что ни в Денисовой пещере, ни на левантийских стоянках ядрища для скалывания крупных орудийных заготовок не обнаружены. Трасологический анализ представительной выборки скребел из пещеры Кесем показал, что изделия кина применялись в основном для обработки шкур скоблением, а также твердых и среднетвердых материалов, в то время как скребла полукина были задействованы для резки сырья растительного происхождения и мягких тканей животных [Lemorini et al., 2016; Agam, Zupancich, 2020]. Такая специализация объясняется морфоло-

гией рабочих кромок и особенностями использовавшегося для производства этих орудий каменного сырья. Возникновение в ранних индустриях АЯКК приемов вторичной обработки методом кина и соответствующих скребел наряду с развитием пластинчатой технологии предполагает существенные поведенческие изменения, которые могли быть связаны с появлением новой линии Homo [Agam, Zupancich, 2020; Weber et al., 2016].

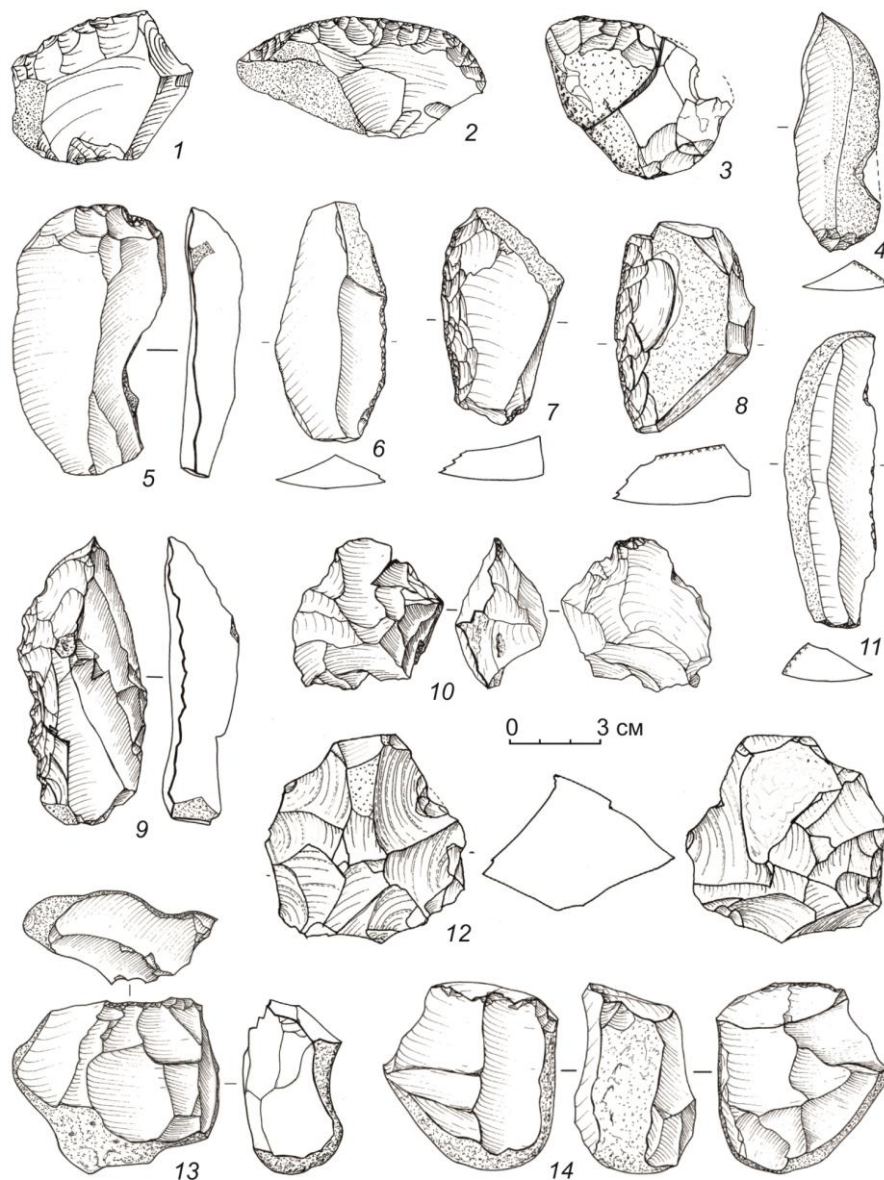

Рис. 3. Каменные артефакты ашело-ябрудийского культурного комплекса из пещер Мислия (1–3, 12) (по: [Zeidner, Weinstein-Evron, 2016]), Табун (4, 13) (по: [Shimelmitz et al., 2016]) и Кесем (5–10, 14) (по: [Gopher et al., 2005]):
1–3, 7, 8 – скребла; 4, 11 – пластины; 5 – скребок; 6 – пластина с ретушью;
9 – зубчатое орудие; 10, 12–14 – нуклеусы

Fig. 3. Lithic artifacts of the Acheulo-Yabrudian Cultural Complex from the caves of Misliya (1–3, 12) (by: [Zeidner, Weinstein-Evron, 2016]), Tabun (4, 13) (by: [Shimelmitz et al., 2016]) and Qesem (5–10, 14) (by: [Gopher et al., 2005]):
1–3, 7, 8 – side-scrapers; 4, 11 – blades; 5 – end-scrapers; 6 – blade with retouch;
9 – denticulate tool; 10, 12–14 – cores

В алтайских комплексах начальной стадии среднего палеолита, как и в других сибирских местонахождениях, предположительно, второй половины среднего плейстоцена, доля двусторонне обработанных изделий невелика. В то же время в индустриях АЯКК бифасиальные технологии играли заметную роль. В этой связи интересна модель, согласно которой, диетический стресс, вызванный исчезновением на Ближнем Востоке слонов, привел к смене *Homo erectus* гомининами новой линии, которые были лучше приспособлены к охоте на более мелких и быстрых животных [Barkai, Gopher, 2013]. Биологическая замена происходила параллельно со значительными культурными изменениями, которые привели к формированию АЯКК и развитию на его основе пластинчатых технологий. Повышение мобильности способствовало распространению древних популяций за пределы Ближнего Востока, в частности продвижению вглубь Азии, которое сопровождалось сменой облика каменных индустрий под влиянием новых ландшафтно-климатических условий.

Своеобразным «остаточным» проявлением бифасиальной технологии, возможно, являлись широко использовавшиеся в индустриях Денисовой пещеры приемы вентрального утончения массивных сколов. Вопрос о том, являются ли такие сколы, как и многочисленные базально-тронкированные отщепы, орудийными или нуклеидными формами, пока остается открытым. Переориентация каменной индустрии на производство более мелких односторонне обработанных орудий или частично бифасиальных форм могла быть обусловлена сменой охотничьих стратегий в горных ландшафтах.

В наиболее ранних комплексах из пещер Денисова и Кесем обнаружены свидетельства использования костяных фрагментов для вторичной обработки каменных заготовок. Костяной ретушер из израильской пещеры является древнейшим таким орудием в Средиземноморье [Blasco et al., 2013], как и образец из Денисовой пещеры – на территории Северной и Центральной Азии. Оба изделия несут следы предварительной подготовки рабочего участка, заключающейся в соскабливании надкостницы. Заселение Денисовой пещеры в начале среднего палеолита сопровождалось активной охотничьей деятельностью человека, сформировавшей тафоценоз костных остатков плейстоценовых животных практически полностью за счет антропогенного фактора. На всех участках пещеры костные фрагменты из нижних культуросодержащих слоев несут следы раскалывания, рубки, порезов и срезания мягких тканей. Многочисленные обожженные кости и обломки известняка, фрагменты древесного угля свидетельствуют о регулярном использовании огня. В АЯКК стационарное использование огня для приготовления мясной пищи отмечено со времени ок. 400 тыс. л. н. Так, в пещере Кесем помимо обожженных костей со следами порезов и раскалывания зафиксированы долговременные очаги [Barkai et al., 2017]. Способы разделки туш животных обитателями пещеры Кесем были довольно специфическими и отличались от стратегий мясозаготовки у ашельских, средне- и верхнепалеолитических охотников-собирателей этого региона [Stiner et al., 2011; Speth, 2012].

Заключение

Сопоставление древнейших материалов из Денисовой пещеры с ближневосточными индустриями выявило наличие общих черт, как на уровне технологии, так и в типологии каменных изделий. В их числе устойчивая традиция реутилизации сколов, приемы вентрального утончения и базального тронкирования, параллельное расщепление для получения удлиненных заготовок, типологически выразительные серии скребел типа кина и полукина. Для подтверждения древних культурных связей этих регионов желательным будет установить наличие выделенных технико-типологических признаков в индустриях второй половины среднего плейстоцена на обширных транзитных территориях, где группы древнего населения имели потенциальную возможность неоднократных перемещений в сходных палеоэкологических условиях горных систем Передней, Центральной и Северной Азии, передавая технологические инновации, как в восточном, так и в западном направлении.

Список литературы

- Деревянко А. П. Переход от среднего к позднему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 3. С. 70–103.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Козликин М. Б. Кто такие денисовцы? // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. № 3. С. 3–32.
- Шуньков М. В., Козликин М. Б. Древнейшие палеолитические комплексы Денисовой пещеры на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. № 1. С. 18–32.
- Agam A., Zupancich A. Interpreting the Quina and demi-Quina scrapers from Acheulo-Yabrudian Qesem Cave, Israel: Results of raw materials and functional analyses // Journal of Human Evolution. 2020. Vol. 144. Article no. 102798. P. 1–19.
- Assaf E., Parush Y., Gopher A., Barkai R. Intra-site variability in lithic recycling at Qesem Cave, Israel // Quaternary International. 2015. Vol. 361. P. 88–102.
- Assaf E., Barkai R., Gopher A. Another Side of the Amudian Industry at Qesem Cave, Israel: The Southern Area Lithic Assemblage // Lithic Technology. 2017. Vol. 42 (4). P. 161–178.
- Barkai R., Blasco R., Rosell J., Gopher A. Fire for a reason: Barbecue at middle Pleistocene Qesem Cave, Israel // Current Anthropology. 2017. Vol. 58. P. 314–328.
- Barkai R., Gopher A. Cultural and biological transformations in the Middle Pleistocene Levant: a view from Qesem Cave, Israel // Dynamics of Learning in Neanderthals and Modern Humans. N. Y.: Springer, 2013. Vol. 1. P. 115–137.
- Barkai R., Gopher A., Shimelmitz R. Middle Pleistocene blade production in the Levant: an Amudian assemblage from Qesem Cave, Israel // Eurasian Prehistory. 2005. Vol. 3 (2). P. 39–74.
- Barkai R., Lemorini C., Gopher A. Palaeolithic culture 400 000–200 000 years ago: tiny meat-cutting tools from Qesem Cave, Israel // Antiquity. 2010. Vol. 84, iss. 325. P. 1–5.
- Blasco R., Rosell J., Cuartero F., Fernandez Peris J., Gopher A., Barkai R. Using Bones to Shape Stones: MIS 9 Bone Retouchers at Both Edges of the Mediterranean Sea // PLoS ONE. 2013. Vol. 8 (10). Article no. e76780. P. 1–6.
- Copeland L. Yabrudian and related industries: The state of research in 1996 // Toward Modern Humans: Yabrudian and Micoquian, 400–50 k-years ago. BAR International Series, 2000. Vol. 850. P. 97–117.
- Franklin L. M., Kuhn S. L. Scraper Blank Morphology and Artifact Use-Life in the Acheulo-Yabrudian of Tabun Cave, Israel // Journal of Paleolithic Archaeology. 2021. Vol. 4. Article no. 20. P. 1–29.
- Gopher A., Barkai R., Shimelmitz R., Khalaly M., Lemorini C., Hershkovitz I., Stiner M. Qesem Cave: an Amudian Site in Central Israel // Journal of the Israel Prehistoric Society. 2005. Vol. 35. P. 69–92.
- Lemorini C., Venditti F., Assaf E., Parush Y., Barkai R., Gopher A. The function of recycled lithic items at late Lower Paleolithic Qesem Cave, Israel: An overview of the use-wear data // Quaternary International. 2015. Vol. 361. P. 103–112.
- Lemorini C., Bourguignon L., Zupancich A., Gopher A., Barkai R. A Scraper's life history: Morpho-techno-functional and use-wear analysis of Quina and demi-Quina scrapers from Qesem Cave, Israel // Quaternary International. 2016. Vol. 398. P. 86–93.
- Lemorini C., Gopher A., Shimelmitz R., Stiner M. C., Barkai R. Use-wear analysis of an Amudian laminar assemblage from the Acheulo-Yabrudian of Qesem Cave, Israel // Journal of Archaeological Science. 2006. Vol. 33. P. 921–934.
- Mercier N., Valladas H. Reassessment of TL age estimates of burnt flints from the Paleolithic site of Tabun Cave, Israel // Journal of Human Evolution. 2003. Vol. 25. P. 401–409.
- Parush Y., Assaf E., Slon V., Gopher A., Barkai R. Looking for sharp edges: Modes of flint recycling at Middle Pleistocene Qesem Cave, Israel // Quaternary International. 2015. Vol. 361. P. 61–87.

- Parush Y., Gopher A., Barkai R.** Amudian versus Yabrudian under the rock shelf: a study of two lithic assemblages from Qesem Cave, Israel // *Quaternary International*. 2016. Vol. 398. P. 13–36.
- Rust A.** Die Höhlenfunde von Jabrud (Syrien). Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1950. 154 S.
- Shimelmitz R.** The recycling of flint throughout the Lower and Middle Paleolithic sequence of Tabun Cave, Israel // *Quaternary International*. 2015. Vol. 361. P. 34–45.
- Shimelmitz R., Barkai R., Gopher A.** Systematic blade production at late lower Paleolithic (400–200 kyr) Qesem Cave, Israel // *Journal of Human Evolution*. 2011. Vol. 61. P. 458–479.
- Shimelmitz R., Barkai R., Gopher A.** Regional variability in late Lower Paleolithic Amudian blade technology: Analyzing new data from Qesem, Tabun and Yabrud I // *Quaternary International*. 2016. Vol. 398. P. 37–60.
- Speth J. D.** Middle Palaeolithic subsistence in the Near East: zooarchaeological perspectives – past, present and future // *Before Farm*. 2012. Vol. 2. P. 1–45.
- Stiner M., Gopher A., Barkai R.** Hearth-side socioeconomics, hunting and paleoecology during the late Lower Paleolithic at Qesem Cave, Israel // *Journal of Human Evolution*. 2011. Vol. 60. P. 213–233.
- Venditti F., Nunziante-Cesaro S., Parush Y., Gopher A., Barkai R.** Recycling for a purpose in the late Lower Paleolithic Levant: Use-wear and residue analyses of small sharp flint items indicate a planned and integrated subsistence behavior at Qesem Cave (Israel) // *Journal of Human Evolution*. 2019. Vol. 131. P. 109–128.
- Weber G. W., Fornai C., Gopher A., Barkai R., Sarig R., Hershkovitz I.** The Qesem Cave hominin material (part 1): A morphometric analysis of the mandibular premolars and molar // *Quaternary International*. 2016. Vol. 398. P. 159–174.
- Zaidner Y., Weinstein-Evron M.** The end of the Lower Paleolithic in the Levant: The Acheulo-Yabrudian lithic technology at Mishiya Cave, Israel // *Quaternary International*. 2016. Vol. 409. P. 9–22.

References

- Agam A., Zupancich A.** Interpreting the Quina and demi-Quina scrapers from Acheulo-Yabrudian Qesem Cave, Israel: Results of raw materials and functional analyses. *Journal of Human Evolution*, 2020, vol. 144, article no. 102798, pp. 1–19.
- Assaf E., Parush Y., Gopher A., Barkai R.** Intra-site variability in lithic recycling at Qesem Cave, Israel. *Quaternary International*, 2015, vol. 361, pp. 88–102.
- Assaf E., Barkai R., Gopher A.** Another Side of the Amudian Industry at Qesem Cave, Israel: The Southern Area Lithic Assemblage. *Lithic Technology*, 2017, vol. 42 (4), pp. 161–178.
- Barkai R., Blasco R., Rosell J., Gopher A.** Fire for a reason: Barbecue at middle Pleistocene Qesem Cave, Israel. *Current Anthropology*, 2017, vol. 58, pp. 314–328.
- Barkai R., Gopher A.** Cultural and biological transformations in the Middle Pleistocene Levant: a view from Qesem Cave, Israel. In: *Dynamics of Learning in Neanderthals and Modern Humans*. New York, Springer, 2013, vol. 1, pp. 115–137.
- Barkai R., Gopher A., Shimelmitz R.** Middle Pleistocene blade production in the Levant: an Amudian assemblage from Qesem Cave, Israel. *Eurasian Prehistory*, 2005, vol. 3 (2), pp. 39–74.
- Barkai R., Lemorini C., Gopher A.** Palaeolithic culture 400 000–200 000 years ago: tiny meat-cutting tools from Qesem Cave, Israel. *Antiquity*, 2010, vol. 84, iss. 325, pp. 1–5.
- Blasco R., Rosell J., Cuartero F., Fernandez Peris J., Gopher A., Barkai R.** Using Bones to Shape Stones: MIS 9 Bone Retouchers at Both Edges of the Mediterranean Sea. *PLoS ONE*, 2013, vol. 8 (10), article no. e76780, pp. 1–6.

- Copeland L.** Yabrudian and related industries: The state of research in 1996. *Toward Modern Humans: Yabrudian and Micoquian, 400–50 k-years ago. BAR International Series*, 2000, vol. 850, pp. 97–117.
- Derevyanko A. P.** The Middle to Upper Paleolithic Transition in the Altai. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2001, no. 3, pp. 70–103. (in Russ.)
- Derevyanko A. P., Shunkov M. V., Kozlikin M. B.** Who Were the Denisovans? *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2020, vol. 48, no. 3, pp. 3–32. (in Russ.)
- Franklin L. M., Kuhn S. L.** Scraper Blank Morphology and Artifact Use-Life in the Acheulo-Yabrudian of Tabun Cave, Israel. *Journal of Paleolithic Archaeology*, 2021, vol. 4, article no. 20, pp. 1–29.
- Gopher A., Barkai R., Shimelmitz R., Khalaly M., Lemorini C., Hershkovitz I., Stiner M.** Qesem Cave: an Amudian Site in Central Israel. *Journal of the Israel Prehistoric Society*, 2005, vol. 35, pp. 69–92.
- Lemorini C., Venditti F., Assaf E., Parush Y., Barkai R., Gopher A.** The function of recycled lithic items at late Lower Paleolithic Qesem Cave, Israel: An overview of the use-wear data. *Quaternary International*, 2015, vol. 361, pp. 103–112.
- Lemorini C., Bourguignon L., Zupancich A., Gopher A., Barkai R.** A Scraper's life history: Morpho-techno-functional and use-wear analysis of Quina and demi-Quina scrapers from Qesem Cave, Israel. *Quaternary International*, 2016, vol. 398, pp. 86–93.
- Lemorini C., Gopher A., Shimelmitz R., Stiner M. C., Barkai R.** Use-wear analysis of an Amudian laminar assemblage from the Acheulo-Yabrudian of Qesem Cave, Israel. *Journal of Archaeological Science*, 2006, vol. 33, pp. 921–934.
- Mercier N., Valladas H.** Reassessment of TL age estimates of burnt flints from the Paleolithic site of Tabun Cave, Israel. *Journal of Human Evolution*, 2003, vol. 25, pp. 401–409.
- Parush Y., Assaf E., Slon V., Gopher A., Barkai R.** Looking for sharp edges: Modes of flint recycling at Middle Pleistocene Qesem Cave, Israel. *Quaternary International*, 2015, vol. 361, pp. 61–87.
- Parush Y., Gopher A., Barkai R.** Amudian versus Yabrudian under the rock shelf: a study of two lithic assemblages from Qesem Cave, Israel. *Quaternary International*, 2016, vol. 398, pp. 13–36.
- Rust A.** Die Höhlenfunde von Jabrud (Syrien). Neumünster, Karl Wachholtz Verlag, 1950, 154 S.
- Shimelmitz R.** The recycling of flint throughout the Lower and Middle Paleolithic sequence of Tabun Cave, Israel. In: *Quaternary International*, 2015, vol. 361, pp. 34–45.
- Shimelmitz R., Barkai R., Gopher A.** Systematic blade production at late lower Paleolithic (400–200 kyr) Qesem Cave, Israel. *Journal of Human Evolution*, 2011, vol. 61, pp. 458–479.
- Shimelmitz R., Barkai R., Gopher A.** Regional variability in late Lower Paleolithic Amudian blade technology: Analyzing new data from Qesem, Tabun and Yabrud I. *Quaternary International*, 2016, vol. 398, pp. 37–60.
- Shunkov M. V., Kozlikin M. B.** The Earliest Paleolithic Assemblages from Denisova Cave in the Altai. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2023, vol. 51, no. 1, pp. 18–32. (in Russ.)
- Speth J. D.** Middle Palaeolithic subsistence in the Near East: zooarchaeological perspectives – past, present and future. *Before Farm*, 2012, vol. 2, pp. 1–45.
- Stiner M., Gopher A., Barkai R.** Hearth-side socioeconomics, hunting and paleoecology during the late Lower Paleolithic at Qesem Cave, Israel. *Journal of Human Evolution*, 2011, vol. 60, pp. 213–233.
- Venditti F., Nunziante-Cesaro S., Parush Y., Gopher A., Barkai R.** Recycling for a purpose in the late Lower Paleolithic Levant: Use-wear and residue analyses of small sharp flint items indicate a planned and integrated subsistence behavior at Qesem Cave (Israel). *Journal of Human Evolution*, 2019, vol. 131, pp. 109–128.

- Weber G. W., Fornai C., Gopher A., Barkai R., Sarig R., Hershkovitz I.** The Qesem Cave hominin material (part 1): A morphometric analysis of the mandibular premolars and molar. *Quaternary International*, 2016, vol. 398, pp. 159–174.
- Zaidner Y., Weinstein-Evron M.** The end of the Lower Paleolithic in the Levant: The Acheulo-Yabrudian lithic technology at Misliya Cave, Israel. *Quaternary International*, 2016, vol. 409, pp. 9–22.

Информация об авторах

Максим Борисович Козликин, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 56676283600
WoS Researcher ID T-7337-2017
RSCI Author ID 668112
SPIN 6769-1244

Михаил Васильевич Шуньков, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН

Scopus Author ID 18042631700
WoS Researcher ID Q-6576-2016
RSCI Author ID 73172
SPIN 5988-8592

Information about the Authors

Maxim B. Kozlikin, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 56676283600
WoS Researcher ID T-7337-2017
RSCI Author ID 668112
SPIN 6769-1244

Mikhail V. Shunkov, Doctor of Sciences (History), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

Scopus Author ID 18042631700
WoS Researcher ID Q-6576-2016
RSCI Author ID 73172
SPIN 5988-8592

Вклад авторов

М. Б. Козликин – разработка концепции исследования, сбор и обработка материалов, написание статьи.

М. В. Шуньков – научное редактирование текста статьи.

Contribution of the Authors

Maxim B. Kozlikin – development of the research concept, collection and processing of materials, writing the article.

Mikhail V. Shunkov – scientific editing of the article text.

*Статья поступила в редакцию 12.05.2024;
одобрена после рецензирования 30.05.2024; принята к публикации 01.06.2024
The article was submitted on 12.05.2024;
approved after reviewing on 30.05.2024; accepted for publication on 01.06.2024*

Научная статья

УДК 903.01

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-55-72

Местонахождение Куяча – новый памятник поздней стадии верхнего палеолита в долине реки Песчаная (Горный Алтай)

Александр Юрьевич Федорченко¹
Наталья Евгеньевна Белоусова²
Андрей Владиславович Вишневский³
Максим Владимирович Селецкий⁴

¹⁻⁴ Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ winteralex2008@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-7812-8037>

² consacrer@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7054-3738>

³ vishnevsky@igm.nsc.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1576-3188>

⁴ archmax95@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-2581-8792>

Аннотация

Статья посвящена комплексному исследованию яркой находки из нового местонахождения Куяча в долине р. Песчаная в северо-западной части Горного Алтая, выявленной в процессе осмотра руслового аллювия левого берега р. Куяча в 2022 г. Обсуждаемый артефакт исследуется с позиции технологического и геолого-минералогического анализа, проводится оценка его культурно-хронологической принадлежности в рамках верхнего палеолита Алтая. Анализ опубликованных данных позволяет говорить о том, что торцово-клиновидный нуклеус с местонахождения Куяча – первое выразительное свидетельство проявлений отжимной микропластинчатой технологии верхнего палеолита в долине р. Песчаная. Для производства микропластин использовался эффузивный (вулканогенный) материал местного происхождения с высокими потребительскими свойствами, его потенциальным источником могли выступать ближайшие выходы пород куяганской свиты по левому притоку р. Куячонок. Утилизация клиновидного нуклеуса включала несколько стадий: от подбора массивного отщепы и создания преформы посредством модификации основы двусторонними уплощающими снятиями до снятия целевых заготовок методом отжима и последующего переоформления нуклеуса. На основе широкого круга аналогий установлено, что подобные формы ядрищ были широко распространены на стоянках Алтая, датированных заключительной стадией верхнего палеолита.

Ключевые слова

Горный Алтай, каменные индустрии, поздняя стадия верхнего палеолита, микропластинчатое расщепление, технологический анализ, анализ последовательности расщепления, каменное сырье

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-78-10125-П «Динамика культурного развития и освоение человеком Алтая в начале верхнего палеолита: стратегии жизнеобеспечения, палеотехнологии, мобильность»

Для цитирования

Федорченко А. Ю., Белоусова Н. Е., Вишневский А. В., Селецкий М. В. Местонахождение Куяча – новый памятник поздней стадии верхнего палеолита в долине реки Песчаная (Горный Алтай) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 7: Археология и этнография. С. 55–72. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-55-72

© Федорченко А. Ю., Белоусова Н. Е., Вишневский А. В., Селецкий М. В., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 7: Археология и этнография. С. 55–72
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 55–72

Kuyacha – a New Late Upper Palaeolithic Site in the Peschanaya River Valley (Altai Mountains)

Aleksandr Yu. Fedorchenko ¹, Nataliya E. Belousova ²
Andrei V. Vishnevsky ³, Maksim V. Seletsky ⁴

¹⁻⁴ Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ winteralex2008@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-7812-8037>

² consacrer@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7054-3738>

³ vishnevsky@igm.nsc.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1576-3188>

⁴ archmax95@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-2581-8792>

Abstract

Purpose. The article is devoted to a comprehensive study of an informative find from the new Kuyacha site in the Peschanaya River valley in the northwestern part of the Altai Mountains, discovered during the survey of the channel alluvium of the left bank of the Kuyacha River in 2022.

Results. The artefact under discussion is examined from the point of view of technological and geological-mineralogical analysis, and its cultural and chronological affiliation within the framework of the Upper Palaeolithic of the Altai is assessed. The analysis of published data allows us to say that the wedge-shaped core from the Kuyacha site is the first expressive evidence of Upper Palaeolithic microblade pressing technology in the valley of the Peschanaya River. For the microblades manufacture, effusive material of local origin with high consumer properties was used, a potential source of which could be the nearest rock outcrops of the Kuyagan Formation along the left tributary of the Kuyachonok River. The utilization of the wedge-shaped core involved several stages from the selection of a massive detachment and the creation of a preform by modifying the base with bilateral flattening removals, to the removal of the target blanks by the pressing method and the subsequent reforming of the core.

Conclusion. Based on a wide range of analogies, it was established that similar types of cores were widespread in Altai sites during the Late Upper Palaeolithic

Keywords

Altai Mountains, lithic assemblages, Late Upper Palaeolithic, microblade knapping, technological analysis, scar pattern analysis

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation, project no. 20-78-10125-П “The dynamics of cultural development and human colonization of Altai at the onset of the Upper Paleolithic: life support strategies, paleotechnologies, mobility”

For citation

Fedorchenko A. Yu., Belousova N. E., Vishnevsky A. V., Seletsky M. V. Kuyacha – a New Late Upper Palaeolithic Site in the Peschanaya River Valley (Altai Mountains). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 55–72. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-55-72

Введение

Отжимной способ расщепления – ключевая технологическая инновация, определившая облик, содержание и логику развития каменных индустрий Северной Азии в эпоху верхнего палеолита и на более поздних этапах каменного века [Гиря, 1997]. Распространение отжима сопровождалось массовым переходом верхнепалеолитического населения к использованию микропластин – легко заменяемых стандартных заготовок, применявшихся для оснащения пазовых орудий. В последние десятилетия основные предпосылки и время возникновения отжимной технологии, ее истоки и пути распространения в масштабах континента выступают предметом то затухающих, то вновь возобновляемых научных дискуссий [Кузнецов, 1997; Inizan, 2012; Gómez Coutouly, 2018; Keates et al., 2019]. Широкое распространение получила идея очагового возникновения отжимной техники на территории Восточной Азии и ее дальнейшего скачкообразного распространения в западном, северном и северо-восточном направлениях в результате миграций населения в сартанское время [Yi et al., 2016; Zhao et al., 2021; Еськова, Леонова, 2023; Павленок и др., 2024]. Идея «вызревания» отжимных

микропластинчатых технологий на местной основе также находит поддержку исследователей [Кимура, 2003; Деревянко, Волков, 2004]. Возникновение отжима рассматривается в качестве культурной трансформации, выступившей следствием адаптации человека к резким изменениям условий природной среды в эпоху сартанского похолодания [Goebel, 2002]. Подобная трансформация могла послужить своеобразным ответом палеолитического населения Сибири на массовое сокращение популяции мамонтов и постепенное исчезновение бивня – ценного сырья, применявшегося для производства охотничьего инструментария [Питулько, 2010].

Истоки и возраст наиболее ранних свидетельств отжимного способа расщепления в палеолите Алтая в настоящий момент не установлены. В предыдущие годы возникновение отжима в регионе рассматривалось в рамках идеи преемственности технологических традиций среднего и ранних этапов верхнего палеолита, а именно – связывалось с эволюционной трансформацией леваллуазского метода расщепления в торцовое микропластинчатое [Деревянко и др., 2002а; Деревянко, Волков, 2004]. На современном этапе интерпретация нуклеусов для мелких пластинчатых заготовок начального и раннего верхнего палеолита Алтая (Кара-Бом, Усть-Каракол-1, Ануй-2 и Денисова пещера) в качестве продуктов отжимной технологии признается недостаточно аргументированной [Keates, 2007; Graf, 2009; Gómez Coutouly, 2018]. Более уверенно судить о распространении в регионе техники отжима позволяют комплексы поздней стадии верхнего палеолита региона, в основе которых лежит торцово-клиновидное микрорасщепление [Васильев, 2001]. При этом, однако, в современном палеолитоведении культурно-хронологический контекст, абсолютный возраст и ареал форм отжимного микрорасщепления на Алтае освещены лишь фрагментарно.

Определенную актуальность в данном контексте приобретает выразительная находка из нового местонахождения Куяча в долине р. Песчаная в северо-западной части Горного Алтая, которая рассматривается нами в качестве одного из проявлений микропластинчатой торцово-клиновидной технологии поздней стадии верхнего палеолита (рис. 1). Представляя собой одну из крупнейших водных артерий, р. Песчаная берет начало на склонах Семинского хребта на высоте около 1 700 м; в верхнем и среднем течении ее бассейн ограничен с запада Ануйским хребтом, с востока – Чергинским. Располагаясь, как известно, между активно обживаемыми в палеолитическое время долинами рек Ануй и Катунь, бассейн р. Песчаная также входил в зону обитания древних сообществ. Многочисленные подтверждения этому были получены в 1980–2010-е гг. в ходе разведывательных экспедиционных работ АлтГУ и ИАЭТ СО РАН, проводимых в связи с хозяйственным освоением района. На рассматриваемой территории были выявлены местонахождения подъемного археологического материала и серия стратифицированных памятников; их культурно-хронологическая атрибуция трактуется, как правило, в широких рамках эпохи верхнего палеолита [Киришин, Кунгуров, 2008; Славинский и др., 2011; Кунгуров, Мамадаков, 2014]. Несмотря на обнаружение палеолитических объектов, долина р. Песчаная до настоящего времени демонстрирует слабую степень археологической изученности: специальных полевых исследований не проводилось, а обнаруженные в ходе разведок артефакты остаются неопубликованными.

Цель настоящей работы заключалась в комплексном исследовании археологического материала местонахождения Куяча с позиции технологического и геолого-минералогического анализа, а также в определении культурно-хронологической принадлежности находок в рамках верхнего палеолита бассейна р. Песчаная и Алтая в целом.

Материалы и методы исследования

Археологическое местонахождение Куяча расположено на левом берегу одноименной реки – притока р. Песчаная, в 600 м от окраины с. Куяча Алтайского района Алтайского края (рис. 2, 1). Памятник обнаружен в 2022 г. Онгудайским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН в рамках работ по изучению сырьевых ресурсов верхнепалеолитических обитателей Северо-Западного и Центрального Алтая. Археологический объект выявлен по единствен-

ной, но информативной и диагностичной находке – целому торцово-клиновидному микро-нуклеусу с признаками отжима заготовок. Обсуждаемый артефакт выявлен в процессе осмотра руслового аллювия левого берега р. Куяча (рис. 2, 2, 3). находка несет признаки слабой и равномерной сглаженности ребер, что может указывать на возможность ее незначительного сноса вниз по течению реки или переотложения в рамках литолого-стратиграфической пачки. Вероятный источник археологического материала – первая высокая терраса левого берега р. Куяча, в 200–400 м к востоку и юго-востоку. При осмотре обнажений других находок не выявлено.

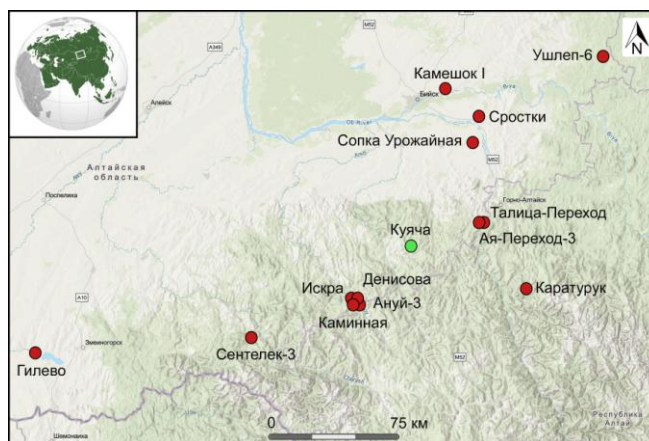

Рис. 1. Расположение археологических памятников, упоминаемых в тексте статьи
Fig. 1. Location of the archaeological sites mentioned in the article

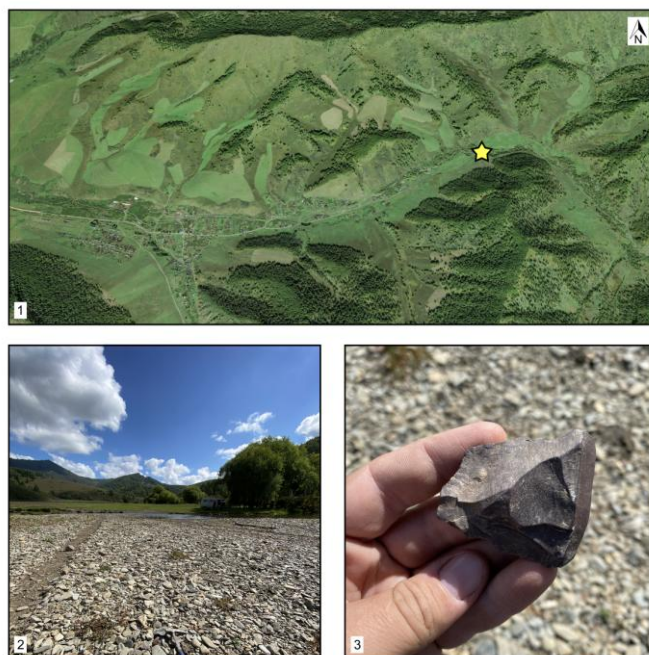

Рис. 2. Местонахождение Куяча:
1 – расположение памятника на местности; 2 – вид на место подъемных сборов,
3 – торцово-клиновидный нуклеус

Fig. 2. Kuyacha site:
1 – location of the site on the terrain; 2 – view of the lifted materials location;
3 – wedge-shaped core

Исследование технологии обработки камня в рамках настоящей работы базировалось на данных технологического метода [Гиря, 1997, с. 58–79] и анализа последовательности расщепления (SPA) [Шалагина и др., 2019; Очередной, 2023]. Характер наложения негативов снятий устанавливался при использовании стереомикроскопа Ласора SZM-110. Сглаженность ребер на поверхностях артефакта не позволяла в отдельных случаях определять характер наложения, в связи с чем схема последовательности расщепления нуклеуса представлена в генерализированном виде – через анализ технологических единиц. Прорисовка негативов снятий производилась по карте кривизны сетки, выстроенной на основе трехмерной модели артефакта (сканер структурированного подсвета «RangeVision Spectrum»). Обработка 3D-модели, визуализация поверхности, построение карты кривизны сетки и измерение основных морфометрических характеристик артефакта производились в программах «RangeVision ScanMerge», «Geomagic Wrap», «Geomagic Desing X», «KeyShot 12» (trial версии) [Чистяков и др., 2019]. Изучение петрографических характеристик минерального сырья и его химического состава осуществлялось посредством оптической микроскопии в отраженном свете и рентгенофлуоресцентного анализа (XRF) с использованием портативного оборудования Olympus Vanta M [Вишневский и др., 2023].

При оценке культурно-хронологической принадлежности материалов стоянки Куяча к исследованию привлекались опубликованные источники, архивные материалы и рукописи диссертаций, содержащие сведения о торцово-клиновидном микропластинчатом расщеплении в верхнепалеолитических индустриях Алтая. Также учитывались результаты собственных работ с археологическими коллекциями разных этапов верхнего палеолита памятников Денисова пещера, Усть-Каракол-1-2, Ануй-2 и -3, Кара-Бом, Каратурук, Ушлеп-6, Сопка Урожайная, Сростки и др.

Результаты исследования

В результате проведенного геолого-минералогического исследования материал артефакта (рис. 3) с местонахождения Куяча был определен как тонкозернистый риолит или дацит. Это магматическая эффузивная горная порода, в данном случае темно-бордового цвета с массивным сложением и слабопроявленной мелкопятнистой текстурой. Характерный размер зерен, невидимых невооруженным глазом и при слабом увеличении, составляет менее 30 мкм, заметные вкрапленники и флюидальность, достаточно часто встречающиеся у эффузивных пород, применявшихся, например, палеолитическими обитателями долины р. Ануй [Постнов и др., 2000], отсутствуют. Использование в качестве вспомогательного метода сопоставления с имеющейся в нашем распоряжении базой данных по составу материалов каменных артефактов, экспериментальных и петрографических коллекций [Вишневский и др., 2023] по сумме петрохимических критериев подтверждает правильность отнесения материала артефакта кислым эффузивным (вулканическим) породам, и с высокой долей вероятности показывает его родственность вещественным комплексам среднедевонской куяганской свиты, в составе которой подобные породы представлены довольно широко [Государственная геологическая карта..., 2018]. Потенциальным источником такого материала в этой части бассейна р. Песчаная могли являться коренные выходы пород куяганской свиты по левому притоку р. Куячонок, впадающей в р. Куяча в районе одноименного села; данное предположение, безусловно, требует дополнительного подтверждения.

Однородность и тонкозернистость материала, равномерность и предсказуемость распространения скальвающей поверхности позволяет оценивать породу как высококачественное минеральное сырье. В качестве скола-основы для представленного торцово-клиновидного микронуклеуса выступил массивный отщеп из эффузивной породы (рис. 4, 1, 2). Согласно данным анализа последовательности сколов, подготовка преформы заключалась в создании глубокой узкой скошенной к контрфронт ударной площадки ядрища в проксимальной зоне скола-основы, также формировался узкий торцовый фронт, ориентированный вдоль одного

Рис. 3. Торцово-клиновидный нуклеус местонахождения Куяча (долина р. Песчаная)
 Fig. 3. Wedge-shaped core of the Kuyacha site (the Peschanaya river valley)

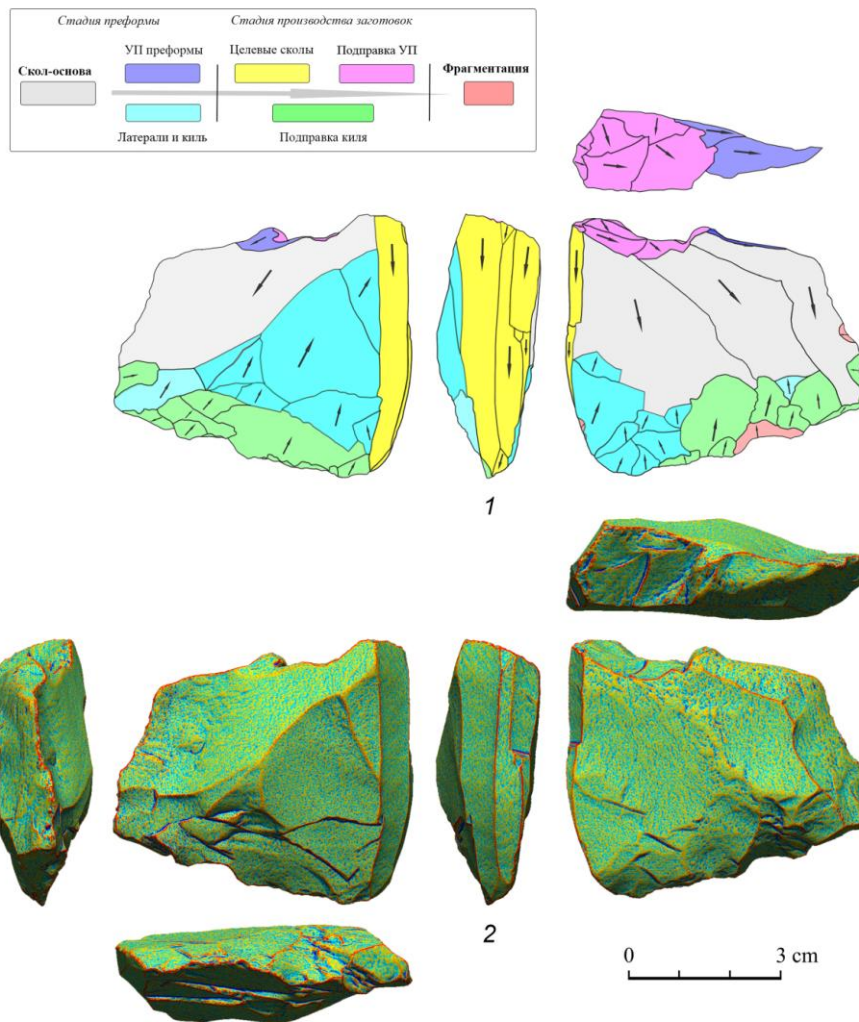

Рис. 4. Схема последовательности расщепления (1)
 и карта кривизны сетки (2) торцово-клиновидного нуклеуса местонахождения Куяча (долина р. Песчаная)
 Fig. 4. Scheme of the knapping sequence (1) and map of grid curvature (2) of the wedge-shaped core
 from the Kuyacha site (the Peschanaya river valley)

из продольных краев основы. Пропорции и треугольная форма будущего фронта задавались исходными параметрами заготовки, а также глубокими тонкими уплощающими снятиями по обеим латералиям преформы и непосредственно вдоль кия. Характер распространения негативов таких снятий аналогичен таковому на тонких верхнепалеолитических бифасах, что позволяет предполагать здесь использование органического отбойника [Белоусова и др., 2022]. Преформа нуклеуса, судя по последовательности расщепления, могла иметь инициальное ребро, оформленное двусторонней обработкой как минимум у основания. Контрфронт в процессе утилизации нуклеуса сохранял естественные очертания скола-основы.

Сохранившаяся фронтальная поверхность нуклеуса несет негативы семи длинных узких регулярных однонаправленных пластинчатых снятий. Максимальная ширина сохранившейся части негативов варьирует от 10,09 до 5,55 мм, длина достигает 49,72 мм. Реальная длина целевых заготовок была значительно больше, поскольку «проксимальная» часть негативов микропластин на нуклеусе была срезана в ходе переоформления ударной площадки на последнем этапе утилизации. Морфометрия негативов наряду с общим технологическим контекстом свидетельствует в пользу отжимного способа получения целевых заготовок [Relegrin, 2012]. Переоформление площадки было реализовано посредством коротких, а в некоторых случаях ступенчатых снятий со стороны фронта и дополнено мелкой краевой ретушью. В результате произошла переориентация зоны расщепления на другой угол фронта и, соответственно, был изменен уклон площадки на противоположный. Угол скалывания после переоформления составил $73,35^\circ$. Признаки редуцирования дуги скалывания на артефакте отсутствуют. По мере реализации целевых заготовок и переориентации площадки дополнительно в двусторонней манере подправлялся киль нуклеуса. Способ обработки в данном случае мог предполагать использование иного более жесткого инструмента или подхода, чем на этапе создания преформы.

Остаточная форма в целом отражает среднюю степень сработанности. Сохранившийся полезный объем (более 50 %), размерность и пропорции изделия, отсутствие дефектов сырья или других видимых препятствий говорят о технической возможности продолжать расщепление. В процессе утилизации фронт и ударная площадка сохранили удлиненную треугольную форму, боковая проекция имеет трапециевидные очертания. Длина артефакта в наибольшем измерении составляет 55,68 мм, ширина – 19,04 мм, высота – 49,83 мм. Он имеет единичные «свежие» негативы непреднамеренной фрагментации (рис. 4, I), наложенные на поверхность, сглаженную в процессе переотложения или перемещения.

Проведенный анализ опубликованных данных позволяет говорить о том, что торцово-клиновидный нуклеус с местонахождения Куяча – первое и наиболее яркое свидетельство бытования микропластинчатых комплексов финала верхнего палеолита в долине р. Песчаная. В результате исследований предыдущих лет в изучаемой долине были выявлены памятники, датированные на основании облика археологических коллекций в самых широких рамках верхнепалеолитической эпохи или, предположительно, связанные с культурными явлениями ранних стадий этой эпохи – с кара-бомовской или усть-каракольской традицией [Кирюшин, Кунгуров, 2008; Славинский и др., 2011].

Обсуждение результатов

Таким образом, установлено, что для производства микропластин обитатели памятника использовали материал местного происхождения с высокими потребительскими свойствами. Технология утилизации клиновидного нуклеуса включала нескольких стадий: подбор скола-основы в виде массивного отщепа; создание преформы – формирование скошенной ударной площадки, модификация основы двусторонними уплощающими снятиями в терминальной части и, вероятно, параллельное оформление инициального ребра по продольному краю основы; реализация реберчатого скола и краевых микропластин для создания оптимальной выпуклости фронта; снятие целевых заготовок методом отжима; переоформление ударной площадки и дополнительная подправка кия. Несмотря на неопределенность археологиче-

ского контекста обсуждаемой находки из местонахождения Куяча, ее культурно-хронологическая атрибуция может быть надежно установлена на основе сопоставления технико-типологических характеристик артефакта и материалов из известных памятников Горного Алтая. В условиях отсутствия близких аналогий в широко и подробно изученных материалах начального и раннего верхнего палеолита региона [Белоусова и др., 2019; 2024], основное внимание в рамках сопоставления было сосредоточено на более поздних комплексах.

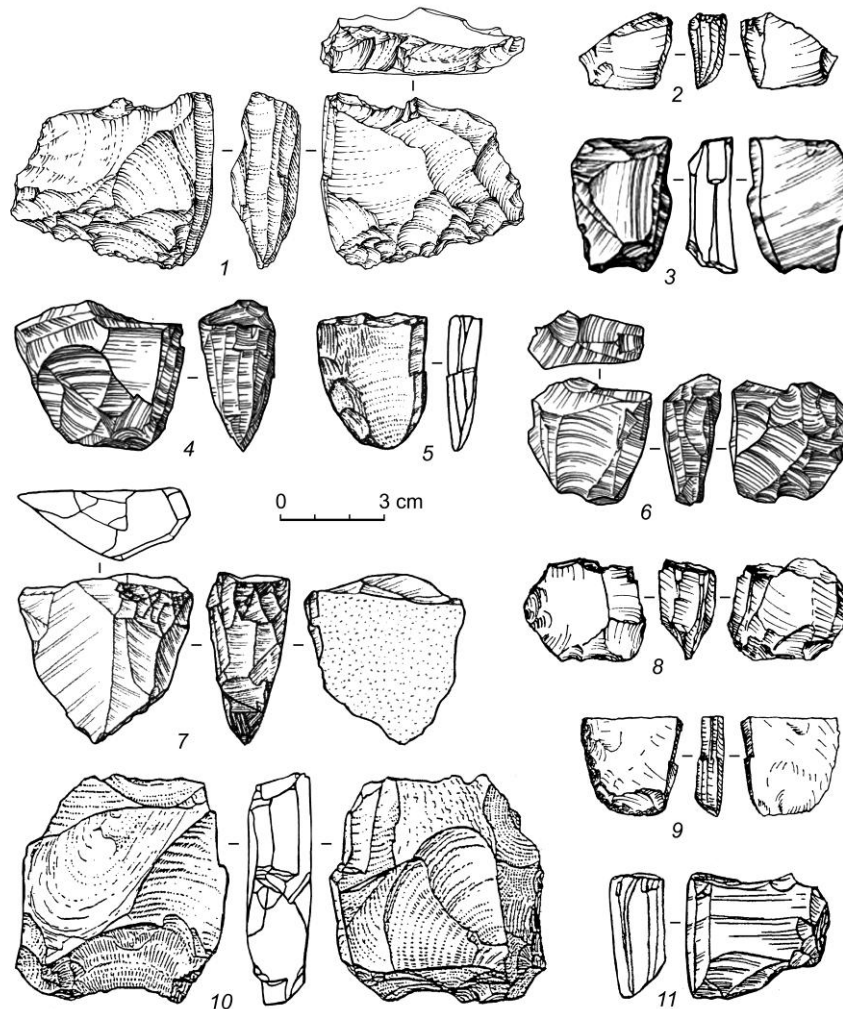

Рис. 5. Микропластинчатые торцово-клиновидные нуклеусы из материалов памятников верхнего палеолита Алтая:

1 – стоянка Куяча; 2, 8, 9 – Каратурук; 3 – Ая-Переход-3; 4, 6 – Талица-Переход; 5, 7 – Ушлеп-6, сл. 2; 10 – Куюк-5; 11 – Камешок-1 (2, 8, 9 – по: [Кадиков, Лапшин, 1978]; 3, 4, 6 – по: [Кунгуров, Мамадаков, 2014]; 5, 7 – по: [Барышников, 2005]; 10, 11 – по: [Маркин, 1999])

Fig. 5. Microblade end-wedge-shaped cores from the Upper Palaeolithic sites of Altai:

1 – Kuyacha site; 2, 8, 9 – Karaturuk; 3 – Aya-Perekhod-3; 4, 6 – Talitsa-Perekhod; 5, 7 – Ushlep-6, layer 2; 10 – Kuyuk-5; 11 – Kameshok-1 (2, 8, 9 – after: [Kadikov, Lapshin, 1978]; 3, 4, 6 – after: [Kungurov, Mamadakov, 2014]; 5, 7 – after: [Baryshnikov, 2005]; 10, 11 – after: [Markin, 1999])

Согласно существующей историографической традиции, культурную динамику поздней стадии верхнего палеолита Алтая определяет развитие ушлепской, куюмской и нижнекатунской археологических культур [Кунгуров, 1993; 2007]. Основной массив археологического материала, определяющего облик и ареал упомянутых культурных явлений, приурочен к долинам рек Катунь, Бия и Чумыш, к территории Чуйской котловины и южным отрогам Салаирского кряжа, которые расположены к востоку и северо-востоку от долины р. Песчаная и местонахождения Куяча (см. рис. 1) [Маркин, 1999, с. 24–29]. Выразительные формы отжимных клиновидных микронуклеусов, близкие по своим технико-типологическим характеристикам обсуждаемой находке, описаны в материалах верхнепалеолитических памятников стоянки Ушлеп-6 (культ. слой 2), Каратурук, Сростки (нижний культурный горизонт), Сопка Урожайная (поздний комплекс), Кара-Тенеш (верхи слоя 3), Талица-Переход, Ая-Переход-3, Куюк-5, Камешок-1 и др. (рис. 5) [Сосновский, 1941; Кадиков, Лапшин, 1978; Деревянко и др., 1992; Маркин, 1999; Барышников, 2005; Кунгуров, Мамадаков, 2014]. Культурная принадлежность перечисленных комплексов определялась в условиях практически полного отсутствия данных радиоуглеродного датирования и климатостратиграфических реконструкций по характеру первичного расщепления и ведущему типу первичных заготовок, специфике орудийных наборов, наличию или отсутствию «архаичных» или «пережиточных» элементов материальной культуры [Кирюшин, Кунгуров, 1995]. Единственным относительным хронологическим репером для материалов ушлепской культуры (культ. слой 2 стоянки Ушлеп-6) выступает радиоуглеродная дата по кости из подстилающего культ. слоя 3 памятника – $17\ 100 \pm 390$ (СОАН-5044) [Барышников и др., 2005].

К западу от долины р. Песчаная торцово-клиновидные микронуклеусы с признаками отжима отмечены на ряде стратифицированных объектов долины р. Ануй: стоянка открытого типа Ануй-3 (лит. слои 2–3), пещеры Денисова (лит. слой 9 центрального зала и лит. слой 6 предвходовой площадки) (рис. 6, 1), Каминная (лит. слои 11в–11б) (рис. 6, 2, 3) и Искра (лит. слой 5б) (рис. 6, 4) [Маркин, 1998; Деревянко и др., 1999; 2003; Маркин, Антипов, 2012]. По причине отсутствия специальных исследований культурная принадлежность данных объектов на сегодняшний день не установлена, а определения возраста индустрий опираются на единичные конвенциональные радиоуглеродные даты. Предположительно, верхней границе возраста микропластинчатого компонента в материалах предвходовой площадки Денисовой пещеры соответствуют определение по углю из слоя 6 раскопа 1989 г. – $10\ 670 \pm 215$ (СОАН-2802), а также две даты по углю из кострища, выявленного в верхней части зачистки 1990 г. – $10\ 690 \pm 65$ (СОАН-2866) и $10\ 800 \pm 40$ (СОАН-2865) [Орлова, 1994]. Радиоуглеродный возраст культурных остатков из слоя с торцово-клиновидными нуклеусами и продуктами их расщепления в пещере Каминная определяется следующими значениями: слой 11б – $10\ 860 \pm 360$ (СОАН-3514), слой 11в – $12\ 160 \pm 225$ л. н. (СОАН-3918) [Деревянко и др., 2002б]. Далее на запад от Ануйской долины единичные морфологически схожие формы клиновидных ядрищ были выявлены в материалах недатированных местонахождений Сентелек-3 и Гилево (рис. 6, 5, 6) [Кунгуров и др., 2001; Кунгуров, 2002].

Заключение

Согласно имеющимся наблюдениям, технологию торцово-клиновидного микрорасщепления поздней стадии верхнего палеолита Алтая отличает использование максимально высококачественного каменного сырья, что могло являться своего рода технологической необходимостью при использовании техники отжима. Наиболее востребованной породой выступали микрокварциты долины р. Катунь, доставляемые на стоянки региона на расстояние до сотни километров. Наряду с микрокварцитами активно использовались другие высококремнистые породы, а также высококачественные вулканогенные – тонкозернистые кислые туфы и афировые эффузивы. Торцово-клиновидные ядрища верхнепалеолитических памятников Алтая обычно выполнены на отщеповых заготовках, редко – на бифасиальных; их отличает

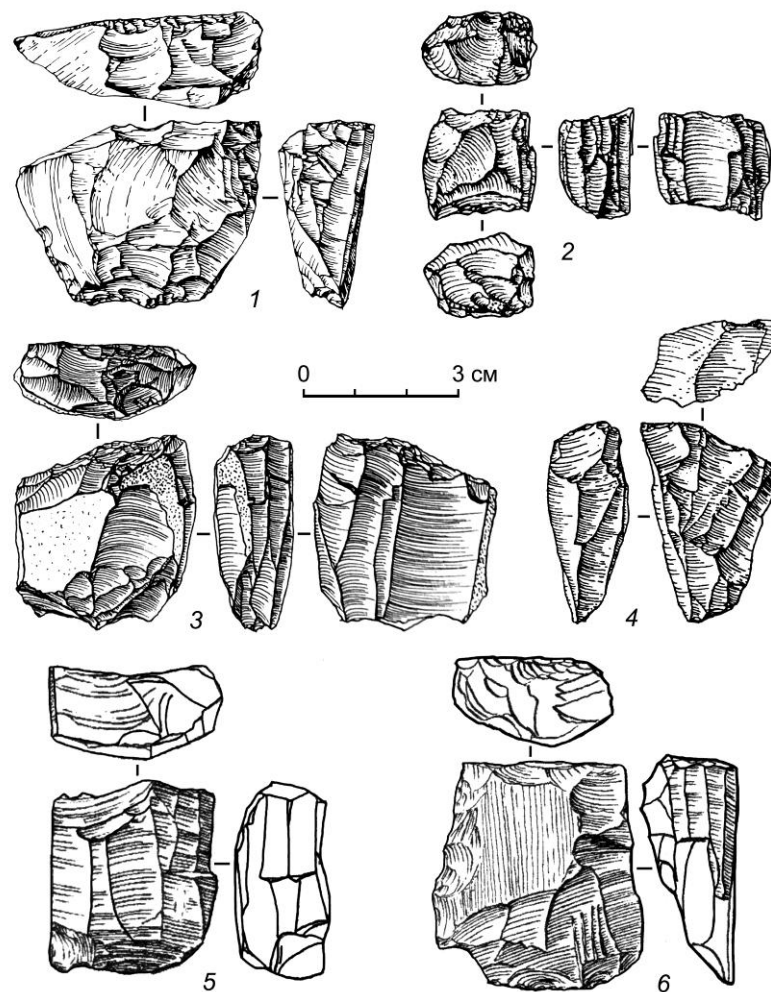

Рис. 6. Микропластинчатые торцово-клиновидные нуклеусы
из материалов памятников верхнего палеолита Алтая:

1 – Денисова пещера; 2, 3 – пещера Каминная; 4 – пещера Искра; 5 – Гилево; 6 – Сентелек-3 (1 – по: [Деревянко и др., 2003]; 2 – по: [Деревянко и др., 1998]; 3 – по: [Маркин, 1998]; 4 – по: [Маркин, Антипов, 2012]; 5 – по: [Кунгуров, 2002]; 6 – по: [Кунгуров и др., 2001])

Fig. 6. Microblade end-wedge-shaped cores
from the Upper Palaeolithic sites of Altai:

1 – Denisova cave; 2, 3 – Kaminnaya cave; 4 – Iskra cave; 5 – Gilevo; 6 – Sentelek-3 (1 – after: [Derevianko et al., 2003]; 2 – after: [Derevianko et al., 1998]; 3 – after: [Markin, 1998]; 4 – after: [Markin, Antipov, 2012]; 5 – after: [Kungurov, 2002]; 6 – after: [Kungurov et al., 2001])

присутствие фронта узкой треугольной формы, обработанные двусторонними снятиями и / или подправленные мелкой краевой ретушью латерали, киль и порой контрфронт. Характерны также ударные площадки, как правило, оформленные и / или подправленные короткими снятиями со стороны фронта, редко – со стороны латерали, единичны примеры подготовки сильно скошенных и вогнутых площадок. На памятниках этого времени фиксируются примеры переоформления сработанных ядрищ путем создания альтернативных зон расщепления на месте контрфронта (пещера Каминная, стоянка Сопка Урожайная) или килля изделий (стоянка Сростки). Вероятно, периоду бытования отжимной торцово-клиновидной техноло-

гии в регионе соответствуют единичные недатированные находки пазовых наконечников верхнепалеолитического облика, происходящие из местонахождений северных предгорий [Кунгуров, 2005] и Северо-Западного Алтая [Деревянко и др., 2003].

Дальнейшие существенные трансформации микропластинчатых технологий на территории Алтая разворачиваются с наступлением эпохи голоцена. На смену обсуждаемой торцово-клиновидной технологии приходит массовое распространение технологии отжимного продольного призматического расщепления для получения микропластин и пластинок. В зависимости от стадии расщепления конечные формы этой стратегии приобретали вид торцовых моно- и бифронтальных, подпризматических, призматических, конических или карандашевидных нуклеусов (Усть-Сема, культурный слой 2; Тыткескень II, культурные горизонты 8 и 9; Тыткескень III, культурные слои 4 и 6) [Кунгуров, Кадиков, 1985; Кирюшин и др., 1998; 2020].

Список литературы

- Барышников Г. Я., Кунгуров А. Л., Маркин М. М., Семибратов В. П.** Палеолит Горной Шории. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. 277 с.
- Белоусова Н. Е., Родионов А. М., Вишневский А. В., Федорченко А. Ю., Михиенко В. А., Селецкий М. В.** «Тонкие» листовидные бифасы начала верхнего палеолита Алтая: технология, формообразование и каменное сырье // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2022. № 1. С. 329–353.
- Белоусова Н. Е., Рыбин Е. П., Федорченко А. Ю.** Стратегии обработки каменного сырья в начале верхнего палеолита Горного Алтая (по материалам культурного горизонта ВП2 стоянки Кара-Бом) // *Stratum plus: Археология и культурная антропология*. 2019. № 1. С. 225–250.
- Белоусова Н. Е., Федорченко А. Ю., Михиенко В. А., Гурулев Д. А.** Феномен мелкопластинчатых индустрий раннего верхнего палеолита Горного Алтая // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2024. Т. 24, № 5: Археология и этнография. С. 72–94. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-72-94
- Васильев С. А.** Некоторые итоги изучения палеолита Алтая и их значение для археологии древнекаменного века // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2001. № 1. С. 66–77.
- Вишневский А. В., Белоусова Н. Е., Лавренчук А. В., Неволько П. А.** Портативный РФА анализатор: новые возможности диагностики каменного сырья и идентификации его источников, оценки валидности применения метода сырьевых единиц // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. Т. 29. С. 90–96.
- Гиря Е. Ю.** Технологический анализ каменных индустрий: методика микро-макроанализа древних орудий труда. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1997. Ч. 2. 198 с.
- Государственная геологическая карта Российской Федерации масштаба 1:200 000. Издание второе. Серия Горно-Алтайская. Лист М-45-П (Горно-Алтайск). Объяснительная записка [Электронный ресурс] / Кривчиков В. А., Тимкин В. И., Поважук Г. А. и др.; Горно-Алтайская ПСЭ. М.: ВСЕГЕИ, 2018.
- Деревянко А. П., Волков П. В.** Эволюция расщепления камня в переходный период на территории Горного Алтая // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2004. № 2. С. 21–35.
- Деревянко А. П., Волков П. В., Петрин В. Т.** Зарождение микропластинчатой техники расщепления камня (опыт экспериментальных исследований и технологического анализа материалов памятника Кара-Бом). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002а. 170 с.
- Деревянко А. П., Глинский С. В., Дергачева М. И., Дупал Т. А., Ефремов С. А., Зенин А. Н., Кривошапкин А. И., Куликов О. А., Малаева Е. М., Маркин С. В., Ни-**

- колаев С. В., Нохрина Т. И., Петрин В. Т., Поздняков А. А., Попова С. М., Рыбин Е. П., Симонов Ю. Г., Феденева И. Н., Чевалков Л. М., Шуньков М. В. Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 312 с.
- Деревянко А. П., Маркин С. А., Ефремов С. А. Пещера Каминная (Северо-Западный Алтай): стратиграфия, хронология, археология // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002б. Т. 8. С. 71–75.
- Деревянко А. П., Петрин В. Т., Рыбин Е. П. Комплексы каменной индустрии палеолитического памятника Сопка Урожайная (низовья р. Катунь, Северный Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992. 53 с.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Агаджанян А. К., Барышников Г. Ф., Малаева Е. М., Ульянов В. А., Кулик Н. А., Постнов А. В., Анойкин А. А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 448 с.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Постнов А. В. Ануй-3 – новая многослойная палеолитическая стоянка в Горном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1999. Вып. 10. С. 63–65.
- Еськова Д. К., Леонова Е. В. Время появления техники отжима пластинчатых заготовок на Северо-Западном Кавказе и хронология ее распространения на сопредельных территориях // Вестник МГУ. Серия 23: Антропология. 2023. № 1. С. 138–149.
- Кадиков Б. Х., Лапшин Б. И. Каратурук – новая стоянка каменного века Горного Алтая // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 3–10.
- Кимура Х. Индустрия пластин стоянки Мальта // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 1 (13). С. 11–32.
- Кирюшин К. Ю., Кунгуров А. Л. Проблемы каменного века бассейна р. Катунь // III Годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. С. 61–63.
- Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л. Открытие и исследование палеолитических памятников сотрудниками Алтайского государственного университета // Изв. АлтГУ. 2008. № 4/2. С. 71–77.
- Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л., Кирюшин К. Ю. Эволюция пластинчатой индустрии в мезолите-неолите Алтая // Древние поселения Алтая: Сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. С. 22–25.
- Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А., Матренин С. С., Кунгуров А. Л., Семибратов В. П. Тыткескенский археологический микрорайон Северного Алтая: культурно-хронологические комплексы поздней древности и раннего Средневековья. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2020. 296 с.
- Кузнецов А. М. Проблема микропластинчатых индустрий в каменном веке Дальнего Востока и Сибири: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1997. Т. 1. 383 с.
- Кунгуров А. Л. Палеолит и мезолит Алтая: Учеб. пособие. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1993. 89 с.
- Кунгуров А. Л. Каменный век Рудного Алтая. Ч. 1: Палеолитические памятники. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. 176 с.
- Кунгуров А. Л. Костяные изделия палеолитического времени из стоянок и местонахождений северных предгорий Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2005. № 1. С. 60–69.
- Кунгуров А. Л. Опыт создания периодизации каменного века Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2007. Вып. 3. С. 126–130.
- Кунгуров А. Л., Кадиков Б. Х. Многослойное поселение Усть-Сема // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1985. С. 29–50.

- Кунгуров А. Л., Мамадаков Ю. Т.** Новые памятники каменного века в Предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2014. Вып. 20. С. 141–150.
- Кунгуров А. Л., Шмидт А. В., Шульга П. И.** Новый палеолитический микрорайон Алтая // Историко-культурное наследие Северной Азии: Сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. С. 73–85.
- Маркин М. М.** Финальнопалеолитические индустрии Салаира и Солтонской впадины: Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1999. 256 с.
- Маркин С. В.** Отчет о исследовании пещеры Каминная (Усть-Канский район, Республика Алтай) в 1997 году. Новосибирск, 1998. 127 л.
- Маркин С. В., Антипов А. С.** Пещера Искра – стоянка заключительной стадии верхнего палеолита Северо-Западного Алтая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 5: Археология и этнография. С. 81–93.
- Орлова Л. А.** Радиоуглеродное датирование голоцена Денисовой пещеры // Денисова пещера. Часть I / А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1994. С. 202–206.
- Очередной А. К.** Анализ последовательности расщепления и закономерности формообразования // Зап. ИИМК РАН. 2023. Вып. 29. С. 26–36.
- Павленок Г. Д., Бочарова Е. Н., Гиря Е. Ю., Таймагамбетов Ж. К., Анойкин А. А.** Развитый верхний палеолит в Восточном Казахстане (по материалам стоянки Ушбулак) // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2024. № 1. С. 257–274.
- Питулько В. В.** Мегафауна и микропластинки (микропластинчатые традиции позднего палеолита Сибири в контексте проблемы вымирания мамонтов) // Зап. ИИМК РАН. 2010. Вып. 5. С. 90–104.
- Постнов А. В., Анойкин А. А., Кулик Н. А.** Критерии отбора каменного сырья для индустрий палеолитических памятников бассейна реки Ануй (Горный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 3. С. 18–30.
- Славинский В. С., Постнов А. В., Марковский Г. И., Басова Н. В., Зольников И. Д., Рыбин Е. П.** Результаты разведки памятников палеолита в Алтайском крае и Республике Алтай в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. 17. С. 469–472.
- Сосновский Г. П.** Палеолитическая стоянка у с. Сростки на р. Катунь // МИА. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. № 2. С. 109–125.
- Чистяков П. В., Ковалев В. С., Колобова К. А., Шалагина А. В., Кривошапкин А. И.** 3D моделирование археологических артефактов при помощи сканеров структурированного подсвета // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 3 (27). С. 102–112.
- Шалагина А. В., Колобова К. А., Кривошапкин А. И.** Анализ последовательности сколов (scar-pattern) как инструмент реконструкции процесса изготовления каменных артефактов // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2019. № 1. С. 145–154.
- Goebel T.** The “Microblade Adaptation” and Recolonization of Siberia during the Late Upper Pleistocene // Archeological Papers of the American Anthropological Association. 2002. No. 12, Thinking Small: Global Perspectives on Microlithization. P. 117–131.
- Gómez Coutouly Y. A.** The emergence of pressure knapping microblade technology in Northeast Asia // Radiocarbon. 2018. Vol. 60. P. 821–855.
- Graf K. E.** Modern Human Colonization of the Siberian Mammoth Steppe: A View from South-Central Siberia // Sourcebook of Paleolithic Transitions. New York: Springer Science & Business Media, 2009. P. 479–501.
- Inizan M. L.** Pressure Débitage in the Old World: Forerunners, Researchers, Geopolitics – Handing on the Baton // The Emergence of Pressure Blade Making. Québec: Springer, 2012. P. 11–42.

- Keates S. G.** Microblade technology in Siberia and neighbouring regions: an overview // Origin and spread of microblade technology in Northern Asia and North America. Burnaby: Archaeology Press, 2007. P. 125–146.
- Keates S. G., Postnov A. V., Kuzmin Y. V.** Towards the Origin of Microblade Technology in Northeastern Asia // Вестник СПбГУ. История. 2019. Вып. 64 (2). С. 390–414.
- Pelegrin J.** New Experimental Observations for the Characterization of Pressure Blade Production Techniques. In: The Emergence of Pressure Blade Making from Origin to Modern Experimentation. N. Y.: Springer, 2012. P. 465–500.
- Yi M., Gao X., Li F., Chen F.** Rethinking the origin of microblade technology: A chronological and ecological perspective // Quaternary International. 2016. Vol. 400. P. 130–139.
- Zhao Ch., Wang Y., Gu W., Wang S., Wu X., Gao X., Chen Y., Li Y.** The emergence of early microblade technology in the hinterland of North China: a case study based on the Xishi and Dongshi site in Henan Province // Archaeological and Anthropological Sciences. 2021. Vol. 13. P. 97–112.

Reference

- Baryshnikov G. Ya., Kungurov A. L., Markin M. M., Semibratov V. P.** Paleolit Gornoi Shorii [Paleolithic of Mountain Shoria]. Barnaul, ASU Press, 2005, 277 p. (in Russ.)
- Belousova N. E., Fedorchenko A. Yu., Mikhienko V. A., Gurulev D. A.** Phenomenon of Early Upper Palaeolithic Bladelet Assemblages in the Altai Mountains. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 72–94. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-72-94
- Belousova N. E., Rodionov A. M., Vishnevskiy A. V., Fedorchenko A. Yu., Mikhienko V. A., Seletskiy M. V.** Initial and Early Upper Palaeolithic “Thin” Leaf-shaped Bifaces: Technology, Shaping and Stone Raw Material. *Stratum plus: Arkheologiya i kul’turnaya antropologiya* [Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology], 2022, no. 1, pp. 329–353. (in Russ.)
- Belousova N. E., Rybin E. P., Fedorchenko A. Yu.** Strategii obrabotki kamennogo syr’ya v nachale verkhnego paleolita Gornogo Altaya (po materialam kul’turnogo gorizonta VP2 stoyanki Kara-Bom) [Treatment Strategy of Stone Raw Material in the Initial Upper Palaeolithic of Gornyy Altai (based on materials of cultural horizon UP2, Kara-Bom site)]. *Stratum plus: Arkheologiya i kul’turnaya antropologiya* [Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology], 2019, no. 1, pp. 225–250. (in Russ.)
- Chistyakov P. V., Kovalyov V. S., Kolobova K. A., Shalagina A. V., Krivoshapkin A. I.** 3D modelirovanie arkhologicheskikh artefaktov pri pomoshchi skanerov strukturirovannogo podsveta [3D Modeling of Archaeological Artifacts by structured light scanner]. *Teoriya i praktika arkhologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research]. 2019, no. 3 (27), pp. 102–112. (in Russ.)
- Derevyanko A. P., Glinsky S. V., Dergachyova M. I., Dupal T. A., Efremov S. A., Zenin A. N., Krivoshapkin A. I., Kulikov O. A., Malaeva E. M., Markin S. V., Nikolaev S. V., Nokhrina T. I., Petrin V. T., Pozdnyakov A. A., Popova S. M., Rybin E. P., Simonov Yu. P., Simonov Y. G., Fedenyova I. N., Chevalkov L. M., Shunkov M. V.** Problemy paleoekologii, geologii i arkhologii paleolita Altaya [Problems of Palaeoecology, Geology and Archaeology of the Altai Palaeolithic]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 1998, 312 p. (in Russ.)
- Derevyanko A. P., Markin S. A., Efremov S. A.** Peshchera Kaminnaya (Severo-Zapadnyi Altai): stratigrafiya, khronologiya, arkhologiya [Kaminnaya Cave (Northwestern Altai): stratigraphy, chronology, archeology]. In: Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel’nykh territoriy [Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2002, vol. 8, pp. 71–75. (in Russ.)
- Derevyanko A. P., Petrin V. T., Rybin E. P.** Kompleksy kamennoi industrii paleoliticheskogo pamyatnika Sopka Urozhaynaya (nizov’ya r. Katun’, Severnyi Altai) [Complexes of the lithic

assemblages of the Paleolithic site Sopka Urozhaynaya (lower reaches of the Katun River, Northern Altai)]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 1992, 53 p. (in Russ.)

- Derevyanko A. P., Shunkov M. V., Agadzhanian A. K., Baryshnikov G. F., Malaeva E. M., Uliyanov V. A., Kulik N. A., Postnov A. V., Anoin A. A.** Prirodnaya sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaya [Paleoenvironment and paleolithic Human occupation of Gorny Altai]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2003, 448 p. (in Russ.)
- Derevyanko A. P., Shunkov M. V., Postnov A. V.** Anuy-3 – novaya mnogosloynnaya paleoliticheskaya stoyanka v Gornom Altae [Anuy-3 – a new multi-layer Paleolithic site in the Altai Mountains]. In: Sokhraneniye i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya [Conservation and study of the cultural heritage of the Altai region]. Barnaul, ASU Press, 1999, vol. 10, pp. 63–65. (in Russ.)
- Derevianko A. P., Volkov P. V.** Evolyutsiya rasshchepleniya kamnya v perekhodnyi period na territorii Gornogo Altaya [Evolution of lithic reduction technology during the Middle to Upper Paleolithic transition in the Altai Mountains]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 2004, no. 2, pp. 21–35. (in Russ.)
- Derevianko A. P., Volkov P. V., Petrin V. T.** Zarozhdeniye mikroplastinchatoi tekhniki rasshchepleniya kamnya (opyt eksperimental'nykh issledovaniy i tekhnologicheskogo analiza materialiv pamyatnika Kara-Bom) [The origin of microplate knapping technique (experience of experimental research and technological analysis of the materials of the Kara-Bom Site)]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2002, 170 p. (in Russ.)
- Eskova D. K., Leonova E. V.** Vremya poyavleniya tekhniki otzhima plastinchatykh zagotovok na Severo-Zapadnom Kavkaze i khronologiya ego rasprostraneniya na sopredel'nykh territoriyakh [Dating the pressure blade-making emergence in the North-Western Caucasus and the chronology of the Pressure technique diffusion in the neighbouring regions]. *Moscow University Anthropology Bulletin*, 2023, no. 1, pp. 138–149. (in Russ.)
- Girya E. Yu.** Tekhnologicheskii analiz kamennykh industrii. Metodika mikro-makroanaliza drevnikh orudiy truda [Technological analysis of the Stone industries. Methodology for micro-macroanalysis of ancient tools]. St. Petersburg, IHMC RAS Publ., 1997, pt. 2, 198 p. (in Russ.)
- Goebel T.** The “Microblade Adaptation” and Recolonization of Siberia during the Late Upper Pleistocene. *Archeological Papers of the American Anthropological Association*, 2002, no. 12. Thinking Small: Global Perspectives on Microlithization, pp. 117–131.
- Gómez Coutouly Y. A.** The emergence of pressure knapping microblade technology in Northeast Asia. *Radiocarbon*, 2018, vol. 60, pp. 821–855.
- Graf K. E.** Modern Human Colonization of the Siberian Mammoth Steppe: A View from South-Central Siberia. In: Sourcebook of Paleolithic Transitions. New York, Springer Science & Business Media, 2009, pp. 479–501.
- Inizan M. L.** Pressure Débitage in the Old World: Forerunners, Researchers, Geopolitics – Handing on the Baton. In: The Emergence of Pressure Blade Making. Québec, Springer, 2012, pp. 11–42.
- Kadikov B. Kh., Lapshin B. I.** Karaturuk – novaya stoyanka kamennogo veka Gornogo Altaya [Karaturuk – a new Stone Age site of the Altai Mountains]. In: Drevniye kul'tury Altaya i Zapadnoy Sibiri [Ancient cultures of Altai and Western Siberia]. Novosibirsk, 1978, pp. 3–10. (in Russ.)
- Keates S. G.** Microblade technology in Siberia and neighbouring regions: an overview. In: Origin and spread of microblade technology in Northern Asia and North America. Burnaby, Archaeology Press, 2007, pp. 125–146.
- Keates S. G., Postnov A. V., Kuzmin Y. V.** Towards the Origin of Microblade Technology in Northeastern Asia. In: Vestnik SPbSU. History. 2019, vol. 64 (2), pp. 390–414.
- Kimura H.** Industriya plastin stoyanki Mal'ta [Blade industry at the Malta site]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2003, no. 1 (13), pp. 11–32. (in Russ.)

- Kiryushin K. Yu., Kungurov A. L.** Problemy kamennogo veka basseyna reki Katun' [Problems of the Stone Age of the Katun river basin]. In: III Godovaya itogovaya sessiya Instituta arkhologii i etnografii SO RAN [III Annual final session of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 1995, pp. 61–63. (in Russ.)
- Kiryushin Yu. F., Kungurov A. L.** Otkrytiye i issledovaniye paleoliticheskikh pamyatnikov sotrudnikami Altayskogo gosudarstvennogo universiteta [Discovery and study of Paleolithic monuments by employees of the Altai State University]. *Izvesia ASU*, 2008, no. 4/2, pp. 71–77. (in Russ.)
- Kiryushin Yu. F., Kungurov A. L., Kiryushin K. Yu.** Evolyutsiya plastinchatoi industrii v mezolite-neolite Altaya [Evolution of the plate industry in the Mesolithic-Neolithic of Altai]. In: *Drevniye poseleniya Altaya* [Ancient Settlements of Altai]. Barnaul, ASU Press, 1998, pp. 22–25. (in Russ.)
- Kiryushin Yu. F., Tishkin A. A., Matryonin S. S., Kungurov A. L., Semibratov V. P.** Tytkenskii arkhologicheskii mikroraiion Severnogo Altaya: kul'turno-khronologicheskie komplekсы pozdnei drevnosti i rannego Srednevekov'ya [Tytkeskenyky archeological micro-district of Northern Altai: cultural and chronological complexes of Late Ancient and Early Middle Ages]. Barnaul, ASU Press, 2020, 296 p. (in Russ.)
- Krivchikov V. A., Timkin V. I., Povazhuk G. A. et al.** State geological map of the Russian Federation, scale 1:200 000. Second edition. Gorno-Altai series. Sheet M-45-II (Gorno-Altaysk). Explanatory note [Electronic source]. Moscow, VSEGEI Publ., 2018. (in Russ.)
- Kungurov A. L.** Kamennyi vek Rudnogo Altaya. Chast. 1: Paleoliticheskiye pamyatniki [Stone Age of Rudny Altai. Part 1: Paleolithic sites]. Barnaul, ASU Press, 2002, 176 p. (in Russ.)
- Kungurov A. L.** Kostyanye izdeliya paleoliticheskogo vremeni iz stoyanok i mestonakhozhdenii severnykh predgorii Altaya [Bone artifacts of Paleolithic times from sites and locations in the northern foothills of Altai]. *Teoriya i praktika arkhologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research], 2005, no. 1, pp. 60–69. (in Russ.)
- Kungurov A. L.** Opyt sozdaniya periodizatsii kamennogo veka Altaya [Experience in creating a periodization of the Stone Age of Altai]. *Theory and practice of archaeological research*, 2007, vol. 3, pp. 126–130. (in Russ.)
- Kungurov A. L.** Paleolit i mezolit Altaya: uchebnoye posobiye [Paleolithic and Mesolithic of Altai: textbook]. Barnaul, ASU Press, 1993, 89 p. (in Russ.)
- Kungurov A. L., Kadikov B. Kh.** Mnogosloynoe poselenie Ust'-Sema [Multilayer settlement of Ust-Sema]. In: *Altai in the era of stone and early metal* [Altai v epokhu kamnya i rannego metalla]. Barnaul, ASU Press, 1985, pp. 29–50. (in Russ.)
- Kungurov A. L., Mamadakov Yu. T.** Novye pamyatniki kamennogo veka v predgoriyakh Altaya [New Stone Age sites in the Altai Foothills]. In: *Sokhraneniye i izucheniye kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [Conservation and study of the cultural heritage of the Altai region]. Barnaul, ASU Press, 2014, vol. 20, pp. 141–150. (in Russ.)
- Kungurov A. L., Shmidt A. V., Shulga P. I.** Novyi paleoliticheskyi mikrorayon Altaya [New Paleolithic microdistrict of Altai]. In: *Istoriko-kul'turnoe nasledie Severnoi Azii* [Historical and cultural heritage of Northern Asia]. Barnaul, ASU Press, 2001, pp. 73–85. (in Russ.)
- Kuznetsov A. M.** Problema mikroplastinchatykh industrii v kamennom veke Dal'nego Vostoka i Sibiri [The problem of microblade industries in the Stone Age of the Far East and Siberia]. Diss. of Dr. of Hist. Sci. St. Petersburg, 1997, vol. 1, 383 p. (in Russ.)
- Markin M. M.** Final'nopaleoliticheskiye industrii Salaira i Soltonskoy vpadiny [Final Paleolithic industries of the Salair and Solton basin]. Cand. of Hist. Sci. Diss. Barnaul, 1999, 256 p. (in Russ.)
- Markin S. V.** Otchyot o issledovanii peshchery Kaminnaya (Ust'-Kanskiy rayon, Respublika Altai) v 1997 godu [Report on the study of the Kaminnaya cave (Ust-Kansky district, Altai Republic) in 1997]. Novosibirsk, 1998, 127 p. (in Russ.)

- Markin S. V., Antipov A. S.** The Iskra cave as the Site illustrating the terminal Upper Paleolithic in the Northwestern Altai. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2012, vol. 11, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 81–93. (in Russ.)
- Ocherednoi A. K.** Analiz posledoval'nosti rasshchepleniya i zakonomernosti formoobrazovaniya [Scar-pattern analysis and patterns of shaping]. *Zapiski IIMK RAN [Zapiski IHMC]*, 2023, vol. 29, pp. 202–206. (in Russ.)
- Orlova L. A.** Radiouglerodnoye datirovaniye golotsena Denisovoy peshchery [Radiocarbon dating of the Holocene of Denisova Cave]. In: Denisova peshchera. Chast' I [Denisova Cave. Part I]. A. P. Derevyanko, V. I. Molodin. Novosibirsk, Nauka, 1994, pp. 202–206. (in Russ.)
- Pavlenok G. D., Bocharova E. N., Girya E. Yu., Taimagambetov Zh. K., Anokin A. A.** Razvityi verkhonii paleolit v Vostochnom Kazakhstane (po materialam stoyanki Ushbulak) [Upper Palaeolithic in Eastern Kazakhstan (Based on the Materials of the Ushbulak Site)]. *Stratum Plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya [Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology]*, 2024, no. 1, pp. 257–274. (in Russ.)
- Pelegrin J.** New Experimental Observations for the Characterization of Pressure Blade Production Techniques. In: *The Emergence of Pressure Blade Making from Origin to Modern Experimentation*. New York, Springer, 2012, pp. 465–500.
- Pitulko V. V.** Megafauna i mikroplastinki (mikroplastinchatye traditsii pozdnego paleolita Sibiri v kontekste problem vymiraniya mamontov) [Megafauna and Microblades (Late Paleolithic Microblade traditions of Siberia in the context of the mammoth extinction problem)]. *Zapiski IIMK RAN [Zapiski IHMC]*, 2010, vol. 5, pp. 90–104. (in Russ.)
- Postnov A. V., Anokin A. A., Kulik N. A.** Kriterii otbora kamennogo syr'ya dlya industrii paleoliticheskikh pamyatnikov basseina reki Anui (Gornyi Altai) [Criteria for the selection of stone raw materials for the industries of Paleolithic site of the Anui River basin (Altai Mountains)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia]*, 2000, no. 3, pp. 18–30. (in Russ.)
- Shalagina A. V., Kolobova K. A., Krivoshepin A. I.** Analiz posledovatel'nosti skolov (scar-pattern) kak instrument rekonstruktsii protsessa izgotovleniya kamennykh artefaktov [Scar Pattern Analysis as a Method for the Reconstruction of Lithic Artifacts Production Sequence]. *Stratum Plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya [Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology]*, 2019, vol. 1, pp. 145–154. (in Russ.)
- Slavinsky V. S., Postnov A. V., Markovsky G. I., Basova N. V., Zolnikov I. D., Rybin E. P.** Rezul'taty razvedki pamyatnikov paleolita v Altayskom kraye i Respublike Altay v 2011 godu [Results of survey of Paleolithic sites in the Altai Kray and the Altai Republic in 2011]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2011, vol. 17, pp. 469–472. (in Russ.)
- Sosnovsky G. P.** Paleoliticheskaya stoyanka u s. Srostki na r. Katuni [Paleolithic site near the village Srostki on the Katun river]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and research on the archeology of the USSR]*. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1941, no. 2, pp. 109–125. (in Russ.)
- Vasiliev S. A.** Nekotoryye itogi izucheniya paleolita Altaya i ikh znacheniye dlya arkheologii drevnekamennogo veka [Some results of the study of the Altai Palaeolithic and their significance for the archaeology of the Old Stone Age]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrasii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]*, 2001, no. 1, pp. 66–77. (in Russ.)
- Vishnevsky A. V., Belousova N. E., Lavrenchuk A. V., Nevolko P. A.** Portativnyi RFA analiza-tor: novye vozmozhnosti diagnostiki kamennogo syr'ya i identifikatsii ego istochnikov, otsenki validnosti primeneniya metoda syr'evykh edinits [XRF Analyzer: New Opportunities for Identifying Stone Raw Materials and Their Sources, and Assessing Validity of Using the Analysis of Raw Material Units]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2011, vol. 17, pp. 469–472. (in Russ.)

- nykh territorii [Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2023, vol. 29, pp. 90–96. (in Russ.)
- Yi M., Gao X., Li F., Chen F.** Rethinking the origin of microblade technology: A chronological and ecological perspective. *Quaternary International*, 2016, vol. 400, pp. 130–139.
- Zhao Ch., Wang Y., Gu W., Wang S., Wu X., Gao X., Chen Y., Li Y.** The emergence of early microblade technology in the hinterland of North China: a case study based on the Xishi and Dongshi site in Henan Province. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2021, vol. 13, pp. 97–112.

Информация об авторах

- Александр Юрьевич Федорченко**, научный сотрудник
Scopus Author ID 57191634232
WoS Researcher ID R-2153-2016
- Наталья Евгеньевна Белоусова**, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57191634232
WoS Researcher ID R-2153-2016
- Андрей Владиславович Вишнеvский**, научный сотрудник
Максим Владимирович Селецкий, младший научный сотрудник

Information about the Authors

- Aleksandr Yu. Fedorchenko**, Researcher
Scopus Author ID 57189367702
WoS Researcher ID D-5485-2016
- Nataliya E. Belousova**, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 57191634232
WoS Researcher ID R-2153-2016
- Andrei V. Vishnevsky**, Researcher
Maksim V. Seletsky, Junior Researcher

*Статья поступила в редакцию 05.02.2024;
одобрена после рецензирования 30.05.2024; принята к публикации 30.05.2024
The article was submitted on 05.02.2024;
approved after reviewing on 30.05.2024; accepted for publication on 30.05.2024*

Научная статья

УДК 903.8

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-73-84

Клад микропластин из позднепалеолитического слоя стоянки Стрелка-1 в Красноярске

Александр Викторович Барков¹

Александр Викторович Колесник²

¹ ООО «Красноярская Геоархеология»

Красноярск, Россия

² Институт истории материальной культуры Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия

² Донецкий государственный университет

Донецк, Россия

¹ barkovalex@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3303-5635>

² akolesnik2007@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4933-438>

Аннотация

Многослойный археологический памятник Стрелка-1 находится в исторической части Красноярска. В 2021 г. был раскопан участок площадью 689,5 кв. м. В раскопе глубиной около 4 м исследованы культурные остатки Нового времени, бронзового века – неолита, позднего палеолита. Основной культурный слой позднего палеолита установлен на глубине 2,46–2,90 м. По двум радиоуглеродным датам слой датируется около 16 000 кал. л. н. (CalBP). В северо-западной части раскопа в пределах золисто-углистого пятна неправильной овальной формы обнаружено компактное скопление микропластин (12 шт.). Микропластины совмещаются в блоки по 5 и 6 сколов. На основании аналогий авторы определяют находку как клад. Он отражает производство, отбор и депонирование в слой небольшой группы микропластин. Предполагается неутилитарный контекст такого поведения.

Ключевые слова

клад каменных изделий, микропластины, поздний палеолит, Красноярск, Средний Енисей

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках ведомственного исследовательского проекта «Палеолит стрелки рек Енисей и Кача: материальная культура, хронология, хозяйственные стратегии» ООО «Красноярская Геоархеология». Авторы выражают благодарность директору ООО «Красноярская Геоархеология» Д. Н. Лысенко за организацию полевых работ и последующих лабораторных исследований.

Для цитирования

Барков А. В., Колесник А. В. Клад микропластин из позднепалеолитического слоя стоянки Стрелка-1 в Красноярске // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 7: Археология и этнография. С. 73–84. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-73-84

© Барков А. В., Колесник А. В., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 7: Археология и этнография. С. 73–84
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 73–84

The Microblades Cache from Upper Paleolithic Cultural Layer of the Strelka-1 Site in Krasnoyarsk

Aleksandr V. Barkov¹, Aleksandr V. Kolesnik²

¹ LLC “Krasnoyarsk Geoarchaeology”
Krasnoyarsk, Russian Federation

² Institute for the History of Material Culture
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

² Donetsk State University
Donetsk, Russian Federation

¹ barkovalex@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3303-5635>

² akolesnik2007@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4933-8438>

Abstract

Observations. During the excavation of the multi-layered archeological site of Strelka-1 in 2021 a small cluster of microblades chipped off one core was found within Upper Paleolithic cultural layer. The cultural layer dated about 16 000 cal BP. 12 microblades were found tightly adjacent to each other in a kind of a “bunch”. It is possible that the blades originally were kept in an organic small “bag” or were tied with a strap together. The main part of the microblades conjoins back into two blocks of the initial core. Similar clusters of the stone pieces are described as caches that is purposely hidden values. The lithic industry relates to the Afontova culture which used microblades as insets for different composite tools made of organic materials. The set of the stone insets from cache matches to the term “tool kit”. There are the same tool kits in the Upper Paleolithic sites of the European part of Russia. A number of sites such as Kostenky-1 (in upper cultural layer), Avdeevo, Kamennaya Balka II etc. comprised “tool kits” consisting of stone blades placed into a cultural layer as a cache. Presumably such tool kits were the Stone Age hunters-gatherers’ private property. The tool kits were made up shortly after the cleavage of a core.

Conclusion. The authors of this article interpret microblade tool kits as a display of the non-utilitarian behavior of Upper Paleolithic man. This phenomenon within very remote territories and in genetically unrelated cultures reflects the general archetype of consciousness of primitive people.

Keywords

stone tool cache, microblades, the Upper Paleolithic, Krasnoyarsk, the Middle Yenisey

Acknowledgements

The paper was prepared within the framework of the research project “Paleolithic of the Yenisey and Kacha rivers confluence: material culture, chronology, economic strategies”, LLC “Krasnoyarsk Geoarchaeology”. The authors are grateful to D. N. Lysenko, Director of LLC “Krasnoyarsk Geoarchaeology”, for arranging the excavations and subsequent research.

For citation

Barkov A. V., Kolesnik A. V. The Microblades Cache from Upper Paleolithic Cultural Layer of the Strelka-1 Site in Krasnoyarsk. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 73–84. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-73-84

Введение

Изучение памятников позднего палеолита Красноярска и его окрестностей ведется на протяжении многих лет. Одним из таких памятников стала стоянка Стрелка-1, раскопанная в 2021 г. на площади 689,5 кв. м. В ходе разборки слоя в пределах скопления культурных остатков был обнаружен весьма важный объект – клад микропластин, изготовленный из местного галечного сырья. Клады, в том числе клады каменных изделий позднего палеолита, являются специфическим типом археологических источников в связи с особыми условиями депонирования. Клады каменной продукции – маленькое окно в большой мир ментальности человека каменного века, поэтому каждая такая находка нуждается в детальном обосновании и детальной публикации. Доказательно интерпретировать клад как таковой можно только после тщательного анализа стратиграфической и планиграфической ситуации, технологического анализа продуктов расщепления, ремонта сколов.

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот клада каменных изделий, обнаруженного при раскопках 2021 г.

Материалы стоянки Стрелка-1: локализация, стратиграфия отложений

Памятник Стрелка-1 был выделен на основании раскопок 2021 г. Расположен на левом берегу Енисея в границах исторического центра Красноярска и занимает часть территории стрелки (южный фас мыса, обращенный к Енисею), образованной впадением в Енисей р. Кача. В настоящее время стрелка расположена в пределах выровненной поверхности объединенного комплекса первой и второй надпойменных террас Енисея и относится к антропогенной форме рельефа.

Территория стрелки изучалась археологами с середины XX в. В границах выраженной в рельефе территории были выявлены локальные участки культурных слоев палеолита, мезолита, неолита (в том числе погребения), эпохи бронзы, железного века, Средневековья (в том числе погребения и остатки жилищ). Повсеместно в разведочных шурфах и раскопах фиксировались культурные слои Нового времени: Красноярского острога (с остатками оборонительных сооружений), «городской» культурный слой XVIII – начала XX в., исторические некрополи (Преображенский, Покровский, Воскресенский) [Лысенко, Тарасов, 2011; Павлов, Галухин, 2015].

Раскоп 2021 г. подпрямоугольной формы (24,0 × 30,0 м, площадь 689,5 кв. м) был заложен в юго-восточной части стрелки и занимал часть поверхности выровненной террасы вблизи бровки и уступа II надпойменной террасы высотой около 12,0 м над современным уровнем воды в Енисее (рис. 1). Координаты центральной точки раскопа – N56.0117845, E92.8936641.

Раскопом была исследована толща отложений мощностью до 4 м, состоящая из нескольких литологических горизонтов (приведена усредненная мощность).

1. Техногенные отложения второй половины XX – начала XXI в.; мощность 2,10–3,70 м.

2. Локальные участки позднеголоценовой почвы, основная толща замещена техногенными отложениями; содержит культурные слои Нового времени и неолита – бронзового века; в разрезе сохранились в виде отдельных линз, рассредоточенных по площади раскопа.

3. Легкие лессовидные суглинки, кровля частично замещена техногенными отложениями и нарушена жилыми конструкциями Нового времени; содержат культурные остатки позднего палеолита; мощность 0,10–0,20 м.

4. Отложения пойменной фации субаквального генезиса, представлены ритмичным чередованием песков, супесей и суглинков; нарушены жилыми конструкциями Нового времени; в кровле и толще содержат культурные остатки позднего палеолита; мощность пойменных отложений 1,35–1,60 м.

5. Отложения русловой фации субаквального генезиса, представлены валунно-галечниковыми отложениями в дресвяно-песчаном заполнителе; на поверхности слоя найден единственный нуклеус; видимая мощность до 0,10 м.

Интересующий нас позднепалеолитический культурный слой был зафиксирован в лессовидных суглинках на контакте с пойменной толщей на глубине 2,46–2,90 м. Он значительно поврежден техногенными нарушениями и углубленными объектами Нового времени, сохранившаяся площадь в границах раскопа составляет около 265 кв. м. Культурный слой имеет мощность в среднем около 0,20 м (до 0,34 м на отдельных участках), помимо каменных изделий включает кости животных, изделия из кости, рога и бивня мамонта, участки золистоглистой массы, остатки очагов. По предварительным наблюдениям, каменная индустрия этого культурного слоя сопоставима с памятниками афонтовской культуры позднего палеолита Енисея.

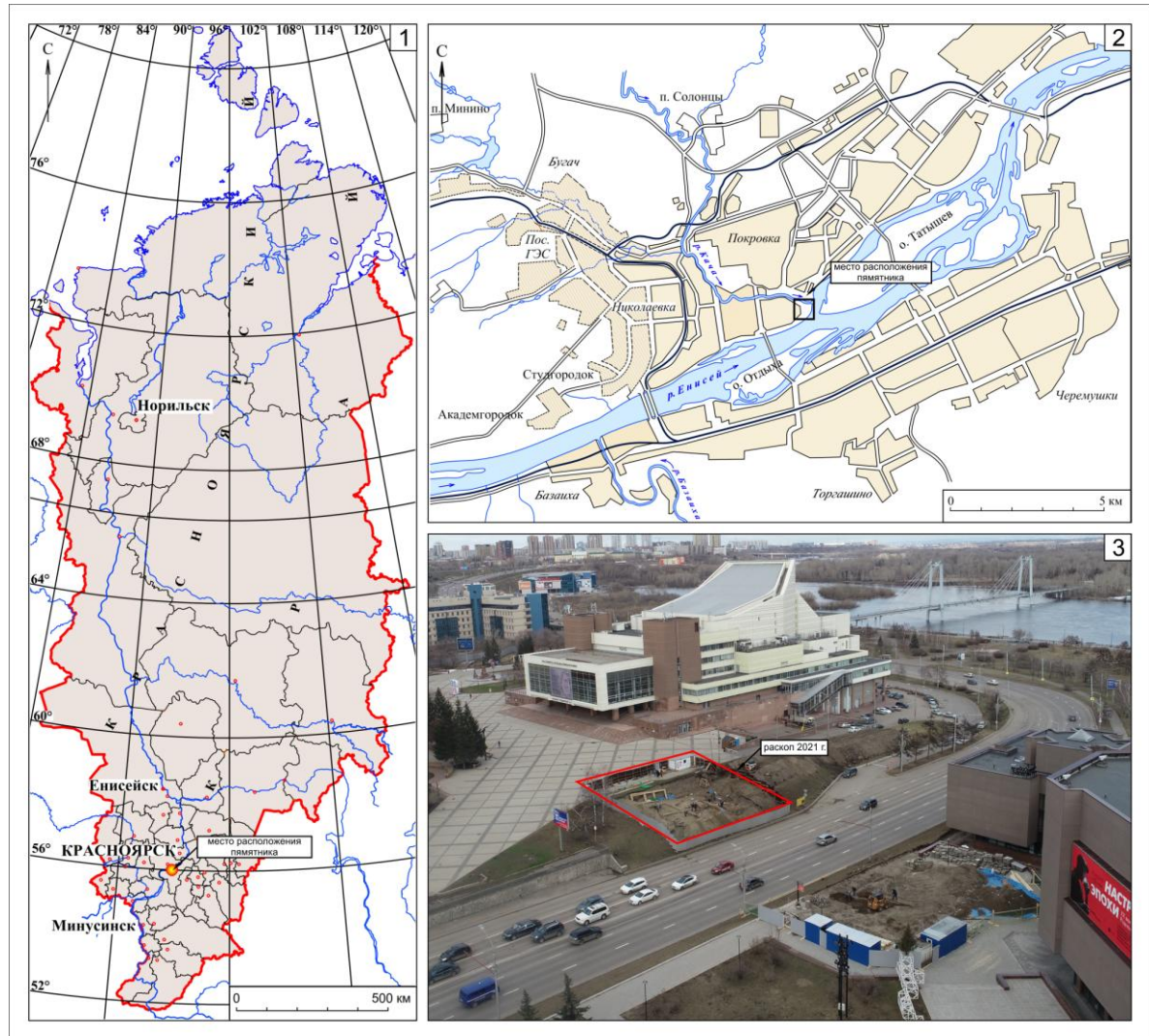

Рис. 1. Расположение стоянки Стрелка-1 и раскопа 2021 г.:
 1 – расположение на карте Красноярского края; 2 – расположение на карте Красноярска;
 3 – вид на раскоп 2021 г. с юго-запада

Fig 1. Location of the “Strelka-1” site and the 2021 excavation area:
 1 – location on the map of Krasnoyarsk Krai; 2 – location on the map of Krasnoyarsk;
 3 – view of the 2021 excavation area from the southwest

Материалы клада каменных изделий: планиграфический контекст, датировка, состав

Планиграфический контекст. Находка клада была сделана в северо-западной части раскопа, на периферии золисто-углистого пятна неправильной овальной формы, вытянутого по направлению северо-северо-запад – юго-юго-восток. Размеры пятна по максимальным измерениям $7,05 \times 3,92$ м. Мощность меняется от 0,05–0,07 м в центральной части до 0,01–0,02 м на периферии. Границы пятна диффузные, прослеживаются по уменьшению насыщенности золисто-углистого заполнения и уменьшению его мощности. Заполнение пятна представляет собой золисто-углистую массу, смешанную с вмещающим легким суглинком. Его южная часть разрушена на площади около 2 кв. м современным перекопом и впущенной железобетонной сваей. В северо-западной части золисто-углистого пятна (в квадратах 3–И/5–6) рас-

положены остатки очага, деформированного морозобойными трещинами и частично перекрытого золисто-углистым заполнением. Очаг сохранился в виде трех аморфных пятен с неоднородным прокаленным заполнением: от светло-охристого до темно-охристого с серо-голубыми примазками, включением мелких угольков и золы. Размеры очага $0,62 \times 0,44$ м, мощность заполнения до $0,10$ м. Северо-западнее очага на границе углисто-золистого пятна в квадрате 3/5 расположена яма. Она имеет неправильную округлую форму и чашеобразный профиль. Размеры ямы $0,58 \times 0,46$ м, глубина до $0,09$ м. Яма заполнена аналогичной золисто-углистой массой. В заполнении описанных объектов отмечается сходный состав находок: каменные артефакты (преимущественно дебитаж), костные остатки северного оленя и зайца (в том числе обожженные). Клад был обнаружен в $0,12$ м северо-западнее ямы за границами золисто-углистого пятна, среди рассеянных находок (рис. 2).

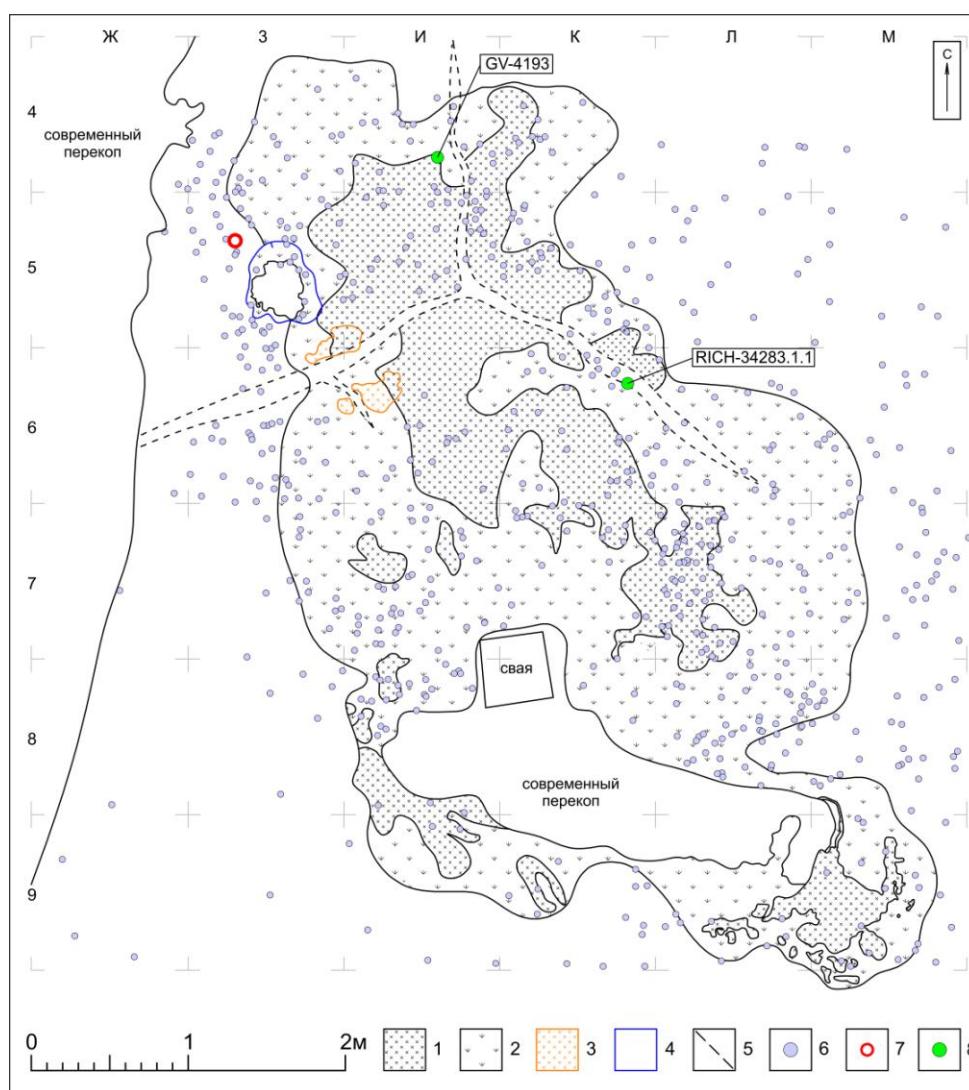

Рис. 2. Стоянка Стрелка-1. План культурного слоя в квадратах Ж-М/4-9:

1 – темно-серая золисто-углистая масса; 2 – серая золисто-углистая масса; 3 – очаг; 4 – яма; 5 – морозобойные трещины; 6 – артефакты; 7 – клад; 8 – место отбора образцов для радиоуглеродного датирования

Fig. 2. The “Strelka-1” site. Plan of cultural layer in grids G-M/4-9:

1 – dark gray ashy-charcoal paste; 2 – gray ashy-charcoal paste; 3 – fireplace; 4 – pit; 5 – frost cracks; 6 – artifacts; 7 – cache; 8 – place of sampling for radiocarbon dating

Микропластины составляющие клад залежали в виде плотной компактной массы с согласованной ориентацией продольных осей, в форме миниатюрной «вязанки хвороста» длиной около 5,5–6 см и диаметром около 2 см, концы некоторых артефактов выступают из «пучка». Все находки длинной осью ориентированы по направлению северо-запад – юго-восток. Описанный характер фиксации микропластин указывает на то, что клад был депонирован в культурный слой либо в обмотке из тонкого шнура (ремня), либо в небольшой емкости из органического материала. Уровень фиксации находок примерно соответствует поверхности углисто-золистого пятна, контуры какой-либо ямки не читались. Скопление сохранилось в ненарушенном состоянии, т. е. оказалось хорошо законсервированным. Скорее всего, эта связка микропластин (или емкость с ними) не была утеряна, а была специально сокрыта в небольшом углублении на поверхности обитания рядом с очагом.

Золисто-углистое пятно было датировано радиоуглеродным методом по образцам древесного угля и плечевой кости северного оленя из его заполнения. Образцы отобраны недалеко от места находки клада (см. рис. 2). Датирование выполнено в Центре коллективного пользования «Ускорительная масс-спектрометрия Новосибирского государственного университета и Новосибирского научного центра» (Новосибирск) и Royal Institute for Cultural Heritage (Брюссель, Бельгия). Получены две даты, которые хорошо сочетаются между собой (см. таблицу и рис. 2).

Стоянка Стрелка-1. Результаты радиоуглеродного датирования
The Site Strelka-1. Results of radiocarbon dating

№ п/п	Индекс	Тип образца	¹⁴ C дата, л. н.	Возраст, кал. л. н. (CalBP) *
1	GV-4193	Древесный уголь из заполнения золисто-углистого пятна	13 236 ± 66	16 120–15 680
2	RICH-34283.1.1	Фрагмент плечевой кости северного оленя	13 301 ± 47	16 170–15 800

* Калибровочная кривая IntCal20, программа OxCal 4.4, вероятность 2 σ (95,4 %), округлены до 10 лет.

Состав клада. Клад состоит из 12 микропластин, отделенных от одного клиновидного нуклеуса. В качестве сырья использовалась мелкозернистая эффузивная порода камня темно-бордового цвета без трещин и включений. Основную часть микропластин (кроме одной) из клада удалось совместить в два блока аппликаций – по 5 и 6 сколов.

Первый блок (рис. 3, 1) включает 6 изогнутых микропластин, сколотых (отжатых) с торцового микронуклеуса в начальной стадии его целевого расщепления. Раскалыванию подвергался нуклеус со сформированным рабочим фронтом и другими конструктивными элементами. Судя по этому блоку, высота фронта составляла не менее 42 мм, а ширина – в пределах 5–6 мм. Первичное ребро сформировано мелкими поперечно ориентированными сколами с одной стороны, плавно изогнуто к основанию. Микропластины первого цикла отличаются значительным продольным изгибом и относительной толщиной. Отмечена цикличность отжима микропластин на узком торцовом фронте (по две в пределах ширины фронта), в результате чего их площадки расположились в «паркетном» порядке.

Второй блок (рис. 3, 2) состоит из 5 слабо изогнутых в профиле микропластин и, вероятно, отражает последний этап расщепления нуклеуса. На этом этапе обработки фронт нуклеуса имел высоту не менее 34 мм и ширину в пределах 7–8 мм. Микропластины относительно тонкие, с двух-, трехскатной огранкой; такие микропластины принято считать «целевыми». При этом орудий, изготовленных из микропластин, в коллекции не отмечено. Зафиксированы только единичные микропластины или их фрагменты, продольные края которых несут

следы ретуширования или выкрошенности. Понижение высоты торцевого фронта было связано с подправкой ударной площадки нуклеуса. Между собой два блока сколов не совмещаются, хотя явно относятся к одному нуклеусу. Вероятные промежуточные между двумя блоками микропластины представлены только одним образцом, остальные в клад не попали. Как видно, по данным ремонтажа сколов реконструируются как минимум три цикла расщепления торцевого микронуклеуса, из которых первый и третий документированы блоками микропластин, второй представлен только одной микропластиной.

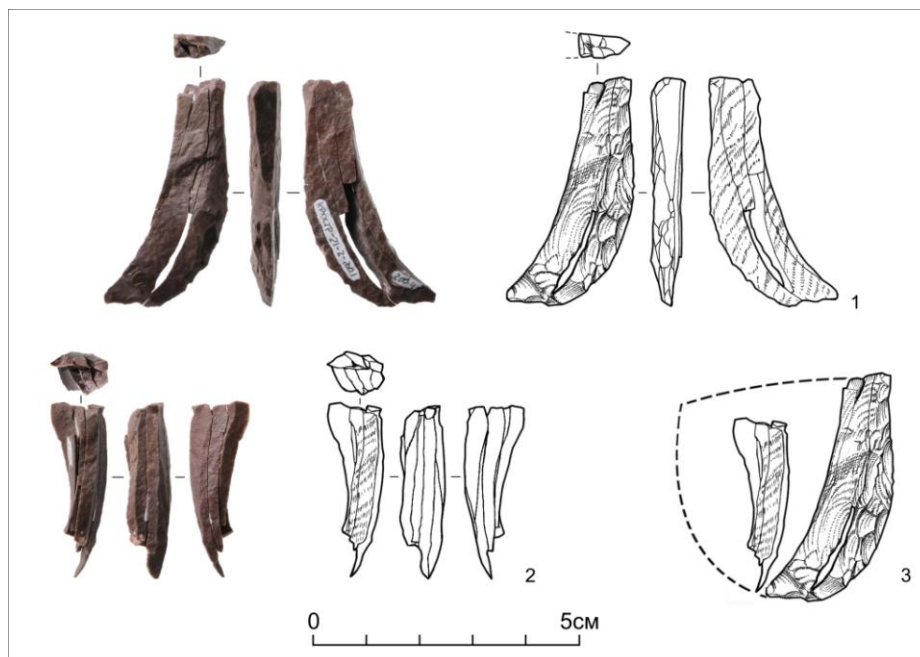

Рис. 3. Артефакты из клада:

1 – первый блок аппликаций; 2 – второй блок аппликаций; 3 – реконструкция клиновидного микронуклеуса

Fig. 3. Artifacts from the cache:

1 – first cojoin; 2 – second cojoin; 3 – reconstruction of wedge-shaped microcore

Ширина фронта последовательно расширялась от реберчатого края к средней части нуклеуса, что характерно для нуклеусов из отщепов, с поперечным сечением в виде удлиненного сегмента. Глубина фронта определяется по реконструкции (рис. 3, 3) в пределах 22–25 мм. Микропластины второго блока, сколотые последними, имеют длину до 27 мм, что соответствует высоте фронта остальных остаточных торцевых клиновидных нуклеусов из коллекции этого слоя. Вместе с тем найдены несколько сечений и микропластин из того же сырья. Они рассеяны на значительной площади. Сечения и микропластины не апплицируются между собой и предметами клада. Какие-либо следы сработанности на них не отмечены.

Клад микропластин отражает краткосрочный эпизод деятельности одного из обитателей стоянки, связанный с производством, отбором и депонированием в слой небольшой группы сколов (микропластин), последовавшим вскоре после расщепления нуклеуса.

Обсуждение

Клады каменной продукции – достаточно распространенное явление в каменном веке и энеолите Северной Евразии. Анализу кладов посвящена весьма значительная литература (см.: [Сериков, 2010; Костылева, Уткин, 2011; Колесник, 2018]). Оценка кладов прошла дли-

тельный путь эволюции от понимания кладов в качестве сокрытых материальных ценностей к признанию их преимущественно культового контекста [Бочкарев, 2002; Колесник, 2018]. В европейской части России позднепалеолитические клады пластин образуют два основных пространственных кластера – они встречены на Сейме и Среднем Дону, на памятниках костенковско-авдеевского типа [Girja, Bradly, 1998; Гвоздовер, 1998; Колесник, Янюшкина, 2018], а также на Нижнем Дону, на разнокультурных памятниках в районе х. Недвиговка [Леонова и др., 2006, с. 136–145; Леонова, 2008; Колесник, Медведев, 2016]. В большинстве из них преобладают кремневые пластины. «Кладиковые пластины» – особый термин, отражающий пластины-заготовки ножей костенковского типа, происходящие из кладов Авдеево и Костенок-1, верхний слой [Булочникова, 2014]. В Сибири клады отмечены на позднепалеолитических и мезолитических стоянках (см. [Васильев, 1985; Сериков, 2010; Риман, 2010; Гирия и др., 2018] и др.).

В процессуальном плане, в плоскости производственной и бытовой повседневности людей каменного века Восточной Европы, клады кремневых пластин ассоциируются с индивидуальными ранцевыми наборами [Синицына, 2000; Колесник, 2016]. Понятие «индивидуальный ранцевый набор» отражает личностный характер организации производственного процесса. Яркой отличительной особенностью кладов / ранцевых наборов такого типа являются многочисленные эпизоды аппликации пластин. Это означает, во-первых, отбор определенного количества пластин из продуктов расщепления одного нуклеуса, во-вторых, концентрацию их в небольшой емкости, в-третьих, сокрытие в земле или в специальных объектах вскоре после микросессии расщепления, отбора и упаковки. Ранцевые наборы могут состоять не только из пластин, на стоянке Притубинск I найден набор, состоящий преимущественно из скребков [Гирия и др., 2018]. Хорошая сохранность кладов в непо потревоженном состоянии практически исключает случайную утерю ранцевых наборов на поверхности обитания. Такая процедура отбора, комплектации и депонирования предметов кладов практиковалась от позднего палеолита до энеолита в культурно разнородной среде. Количество пластин в кладах / ранцевых наборах относительно небольшое, как правило, в пределах двух десятков, редко до трехсот, например в кладе микропластин из Недвиговки [Колесник, Медведев, 2016].

Уникальный клад микропластин из позднепалеолитического культурного слоя 3 стоянки Стрелка-1 формально сопоставим с восточно-европейскими кладами / ранцевыми наборами пластин. Средние и крупные по размеру пластины из европейской части России фактически являлись модульными заготовками для орудий с широким спектром функций, микропластины предназначались преимущественно для вкладышевых орудий с основой из органических материалов. Единственный известный нам клад ориньякских микропластин для вкладышевых лезвий происходит из упомянутого выше Недвиговского клада. Примечательно, что в составе этого клада, помимо микропластин без следов использования, выделяется несколько ретушированных сломанных микропластин вторичного использования, вероятно, снятых с поврежденных наконечников при их замене в условиях охотничьего рейда [Там же, с. 139].

Семантика эпизодов сокрытия кладов / ранцевых наборов нуждается в дополнительном изучении. Пока мы рассматриваем их как персональные «пожертвования» в рамках сложных систем представлений об устройстве мира первобытного человека, проявлением лично мотивированного поведения.

Заключение

Публикуемый клад микропластин может быть описан как «индивидуальный ранцевый набор», что предполагает личную собственность человека каменного века, наличие у каждого из пользователей каменными орудиями небольшого запаса заготовок. Повторяемость такого феномена на весьма удаленных территориях отражает устойчивый надкультурный архетип сознания людей, который выразился в определенном манипулировании продукцией расщеп-

ления камня (пластины). Вероятно, в «живой» культуре периодически происходила группировка пластин, полученных в результате расщепления нуклеуса, на относительно небольшие порции с их последующим распределением в различных целях. Часть расходовалась сразу, часть откладывалась в составе ранца и могла изыматься из производственного процесса в формате клада. Уникальный клад микропластин из позднепалеолитического культурного слоя 3 стоянки Стрелка-1 является материальным отражением неутилитарного поведения человека поздней – финальной стадии палеолитической эпохи Среднего Енисея.

Список литературы

- Бочкарев В. С.** Проблема интерпретации европейских кладов металлических изделий эпохи бронзы // Клады: состав, хронология, интерпретация: Материалы тематической научной конференции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 45–55.
- Булочникова Е. В.** Кладиковые пластины «костенковского типа». История вопроса // Проблемы археологии эпохи камня: Сб. науч. тр. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. С. 99–104.
- Васильев С. А.** Клад каменных орудий из Майнинской палеолитической стоянки // СА. 1985. № 3. С. 238–240.
- Гвоздовер М. Д.** Кремневый инвентарь Авдеевской позднепалеолитической стоянки // Восточный граветт: Сб. науч. тр. М.: Научный мир, 1998. С. 224–278.
- Гирия Е. Ю., Акимова Е. В., Харевич В. М., Стасюк И. В.** Клад каменных орудий с позднепалеолитической стоянки Притубинск I (юг Красноярского края) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2018. Т. 23. С. 24–43.
- Колесник А. В.** Ранцевые наборы кремневых изделий каменного века как отражение феномена индивидуальности (к постановке вопроса) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2016. № 2/2016. С. 121–127.
- Колесник А. В.** Эволюция взглядов на клады кремневой продукции эпохи неолита юга Днепро-Донского междуречья: от сокровищ к культовым комплексам // Stratum plus. 2018. № 2. С. 259–271.
- Колесник А. В., Медведев С. П.** Клад кремневых изделий позднего палеолита из с. Недвиговки на Нижнем Дону // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2016. № 3/2016. С. 135–141.
- Колесник А. В., Янюшкина А. С.** «Клады» кремневой продукции из верхнепалеолитической стоянки Авдеево на Сейме // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2018. № 3/2018. С. 141–152.
- Костылева Е. Л., Уткин А. В.** Волосовские ритуальные клады в составе погребальных комплексов (хронология и типология) // Тверской археологический сборник: Сб. науч. тр. Тверь: Триада, 2011. Т. 1, вып. 8. С. 340–360.
- Леонова Н. Б.** Клады верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II // Наукові праці Миколаївського державного гуманітарного університету ім. Петра Могили комплексу «Києво-Могилянська академія». Сер.: Історичні науки. 2008. Т. 96, вип. 83. С. 85–88.
- Леонова Н. Б., Несмеянов С. А., Виноградова Е. А., Воейкова О. А., Гвоздовер М. Д., Миньков Е. М., Спиридонова Е. А., Сычева С. А.** Палеоэкология равнинного палеолита. М.: Научный мир, 2006. 342 с.
- Лысенко Д. Н., Тарасов А. Ю.** Археологические исследования в историческом центре г. Красноярска // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород: Изд-во ИИМК РАН, 2011. Т. 2. С. 295–296.
- Павлов Р. В., Галухин Л. Л.** Итоги археологических работ по уточнению границ объектов археологического наследия г. Красноярска // Археологические открытия 2010–2013 годов. М.: ИА РАН, 2015. С. 708–710.

- Риман Е. С.** Клады каменных изделий на территории Сибири // Актуальные проблемы современной исторической науки и образования: Материалы IV Всерос. науч. конф. молодых исследователей. Н. Тагил: Изд-во НТГСПА, 2010. С. 52–54.
- Сериков Ю. Б.** Клады каменных изделий на территории Среднего Зауралья как ритуальные комплексы // Человек и древности: памяти А. А. Формозова (1928–2009): Сб. науч. тр. М.: Гриф и К, 2010. С. 276–293.
- Синицына Г. В.** «Клады» валдайской культуры и их хронология // Хронология неолита Восточной Европы: Тез. докл. Междунар. конф., посвящ. памяти д. и. н. Н. Н. Гуриной. СПб.: ИИМК РАН, 2000. С. 69–71.
- Giria Y., Bradley B.** Blade Technology at Kostenki 1/1, Avdeevo and Zaraysk // Восточный граветт: Сб. науч. тр. М.: Научный мир, 1998. С. 191–213.

References

- Bochkaryov V. S.** Problema interpretatsii evropeiskikh kladov metallicheskich izdelii epokhi bronzy [The Problem of Interpretation of European Bronze Age Metal Cache]. In: Klady: sostav, khronologiya, interpretatsiya [Caches: composition, chronology, interpretation]. Materials of the thematic scientific conference. St. Petersburg, St. Petersburg State Uni. Press, 2002, pp. 45–55. (in Russ.)
- Bulochnikova E. V.** Kladikovye plastiny “kostenkovskogo tipa”. Istoriya voprosa [“Buried treasure blades of the “Kostenki type” (historical background)]. In: Problemy arkheologii epokhi kamnya [Problems of Stone Age archaeology]. A collection of scientific papers. St. Petersburg, St. Petersburg State Uni. Press, 2014, pp. 99–104. (in Russ.)
- Giria Y., Bradley B.** Blade Technology at Kostenki 1/1, Avdeevo and Zaraysk. In: Vostochnyi gravett [Eastern Gravettian]. A collection of scientific papers. Moscow, The scientific world Publ., 1998, pp. 191–213.
- Girya E. Yu., Akimova E. V., Kharevich V. M., Stasyuk I. V.** Klad kamennykh orudii s pozdne-paleoliticheskoi stoyanki Pritubinsk I (yug Krasnoyarskogo kraya) [Trove of Stone Paleolithic Tools of Pritubinsk 1 Site (South of the Krasnoyarsk Krai)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya”* [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series], 2018, vol. 23, pp. 24–43. (in Russ.)
- Gvozdover M. D.** Kremnevyi inventar' Avdeevskoi pozdne-paleoliticheskoi stoyanki [Flint inventory of the Avdeevskaya Upper Palaeolithic site]. In: Vostochnyi gravett [Eastern Gravettian]. A collection of scientific papers. Moscow, The scientific world Publ., 1998, pp. 224–278. (in Russ.)
- Kolesnik A. V.** Evolyutsiya vzglyadov na klady kremnevoi produktsii epokhi neolita yuga Dneprodonskogo mezhdurech'ya: ot sokrovishch k kul'tovym kompleksam [Evolution of views by the hoards of flint objects in the south of the Dnieper-Don interfluvium: from hidden treasures to cult objects]. *Stratum plus*, 2018, no. 2, pp. 259–271. (in Russ.)
- Kolesnik A. V.** Rantsevye nabory kremnevykh izdelii kamennogo veka kak otrazhenie fenomena individual'nosti (k postanovke voprosa) [Tool kits of stone age flint implements as a phenomenon of individuality (on question formulation)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya* [Moscow University Anthropology Bulletin], 2016, no. 2/2016, pp. 121–127. (in Russ.)
- Kolesnik A. V., Medvedev S. P.** Klad kremnevykh izdelii pozdnego paleolita iz s. Nedvigovki na Nizhnem Donu [A cache of upper paleolithic flint artifacts from Nedvigovka village in the lower Don basin]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya* [Moscow University Anthropology Bulletin], 2016, no. 3/2016, pp. 135–141. (in Russ.)
- Kolesnik A. V., Yanyushkina A. S.** “Klady” kremnevoi produktsii iz verkhne-paleoliticheskoi stoyanki Avdeevo na Seime [“Hoards” of the flint tools of the upper paleolithic settlement of

Avdeev at the Seym region]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya* [Moscow University Anthropology Bulletin], 2018, no. 3/2018, pp. 141–152. (in Russ.)

- Kostyleva E. L., Utkin A. V.** Volosovskie ritual'nye klady v sostave pogrebal'nykh kompleksov (khronologiya i tipologiya) [The ritual hoards of the Volosovo culture in burial complexes (Chronology and Typology)]. In: Tverskoi arkheologicheskii sbornik [Tver Archaeological Collection]. A collection of scientific papers. Tver, Triada Publ., 2011, vol. 1, iss. 8, pp. 340–360. (in Russ.)
- Leonova N. B.** Klady verkhnepaleoliticheskoi stoyanki Kamennaya Balka II [Caches of the Upper Paleolithic site Kamennaya Balka 2]. *Naukovi pratsi Mikolaïvs'kogo derzhavnogo humanitarnogo universitetu im. Petra Mogili kompleksu "Kievo-Mogilyans'ka akademiya". Ser.: Istorichni nauki* [Scientific Proceedings of the Mykolaiv State Humanitarian University named after Peter Mohyla of the Kyiv-Mohyla Academy complex. Historical Sciences], 2008, vol. 96, iss. 83, pp. 85–88. (in Russ.)
- Leonova N. B., Nesmeyanov S. A., Vinogradova E. A., Voeikova O. A., Gvozdover M. D., Minkov E. M., Spiridonova E. A., Sycheva S. A.** Paleoekologiya ravninnogo paleolita [Paleoecology of the Plains Paleolithic]. Moscow, The scientific world, 2006, 342 p. (in Russ.)
- Lysenko D. N., Tarasov A. Yu.** Arkheologicheskie issledovaniya v istoricheskom tsentre g. Krasnoyarska [Archaeological research in the historical center of Krasnoyarsk]. In: Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda [Transactions of III (XIX) All-Russian archaeological congress]. St. Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod, IIMK RAS Publ., 2011, vol. 2, pp. 295–296. (in Russ.)
- Pavlov R. V., Galukhin L. L.** Itogi arkheologicheskikh rabot po utochneniyu granits ob"ektov arkheologicheskogo naslediya g. Krasnoyarska [Results of archaeological works to clarify the boundaries of the Krasnoyarsk archaeological heritage objects]. In: Arkheologicheskie otkrytiya 2010–2013 godov [Archaeological discoveries 2010–2013]. Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 2015, pp. 708–710. (in Russ.)
- Riman E. S.** Klady kamennykh izdelii na territorii Sibiri [Caches of stone artifacts on the territory of Siberia]. In: Aktual'nye problemy sovremennoi istoricheskoi nauki i obrazovaniya [Actual problems of modern historical science and education]. Materials of the IV All-Russian Scientific Conference of Young Researchers. Nizhny Tagil, NTGSPA Press, 2010, pp. 52–54. (in Russ.)
- Serikov Yu. B.** Klady kamennykh izdelii na territorii Srednego Zaural'ya kak ritual'nye komplekсы [Cache of stone artifacts in the Middle Trans-Urals as ritual complexes]. In: Chelovek i drevnosti: pamyati A. A. Formozova (1928–2009) [Man and Antiquities: In Memory of A. A. Formozov (1928–2009)]. A collection of scientific papers. Moscow, Grif and Co Publ., 2010, pp. 276–293. (in Russ.)
- Sinitsyna G. V.** “Klady” valdaiskoi kul'tury i ikh khronologiya [Valdai culture “caches” and their chronology]. In: Khronologiya neolita Vostochnoi Evropy [Chronology of the Neolithic of Eastern Europe]. Abstracts of the International Conference in Memory of Doctor of Sciences (History) N. N. Gurina. St. Petersburg, IIMK RAN Publ., 2000, pp. 69–71. (in Russ.)
- Vasiliev S. A.** Klad kamennykh orudii iz Maininskoi paleoliticheskoi stoyanki [Cache of stone tools from Maina Palaeolithic site]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1985, no. 3, pp. 238–240. (in Russ.)

Информация об авторах

Александр Викторович Барков, начальник отдела
Scopus Author ID 57201056244
WoS Researcher ID JZD-1247-2024
RSCI Author ID 750215
SPIN 2460-8152

Александр Викторович Колесник, доктор исторических наук, доцент
Scopus Author ID 57189372570
WoS Researcher ID ABA-4250-2020
RSCI Author ID 1084985
SPIN 6271-0351

Information about the Authors

Aleksandr V. Barkov, Head of Department
Scopus Author ID 57201056244
WoS Researcher ID JZD-1247-2024
RSCI Author ID 750215
SPIN 2460-8152

Aleksandr V. Kolesnik, Doctor of Sciences (History), Associate Professor
Scopus Author ID 57189372570
WoS Researcher ID ABA-4250-2020
RSCI Author ID 1084985
SPIN 6271-0351

Вклад авторов:

- А. В. Барков – разработка концепции исследования, типологический анализ материала, формулирование выводов, подготовка первой версии статьи.
А. В. Колесник – отбор и анализ материала, обобщение результатов, подготовка иллюстраций, поиск аналогий, доработка текста.

Contribution of the Authors:

- Aleksandr V. Barkov – research concept development, typological analysis of the material, the formulation of conclusions, the first version article preparations.
Aleksandr V. Kolesnik – selection and analysis of material, summarizing the result, preparing illustrations, searching for analogies the text revision.

*Статья поступила в редакцию 18.03.2024;
одобрена после рецензирования 04.05.2024; принята к публикации 04.05.2024
The article was submitted on 18.03.2024;
approved after reviewing on 04.05.2024; accepted for publication on 04.05.2024*

Научная статья

УДК 903.02

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-85-95

Мультидисциплинарные исследования раннеолитического объекта № 1791 на памятнике Тартас-1 (Барабинская лесостепь)

Вячеслав Иванович Молодин¹, Юлия Николаевна Ненахова²
Лилия Сергеевна Кобелева³, Дмитрий Вадимович Селин⁴
Людмила Николаевна Мыльникова⁵
Екатерина Васильевна Пархомчук⁶

¹⁻⁶ Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ priemnaya.molodina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3151-8457>

² nenaxoffsurgut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3209-8180>

³ lilyakobeleva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4969-3771>

⁴ selin@epage.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6939-2917>

⁵ l.mylnikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0196-5165>

⁶ evparkhom@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0001-5833-0051>

Аннотация

В полевом сезоне 2023 г. на памятнике Тартас-1 была исследована яма-хранилище для рыбных припасов № 1791. Памятник является базовым для изучения барабинской культуры раннего неолита. В процессе исследования обнаружено, что ее верхние слои являются поздней ямой, которая сооружена на месте более ранней ямы-хранилища, после того как она перестала функционировать. На дне этой поздней ямы обнаружен рог крупного животного (бизона), крупный фрагмент керамического сосуда, а также большое скопление чешуи и жаберных крышек рыбы. При выборке ранней ямы выявлены многочисленные, практически истлевшие кости рыбы, а также кость животного (собаки). Для уточнения хронологической позиции ямы был проведен радиоуглеродный анализ. В качестве образцов использовались фрагменты рога бизона и кости собаки, стратиграфически находившиеся на разной глубине. Радиоуглеродные определения подтвердили стратиграфические наблюдения. Полученные даты хронологически маркируют яму № 1791 эпохой раннего неолита и соотносятся с полученными ранее в лабораториях Германии и России датировками в пределах VII тыс. до н. э. с частичным попаданием в VIII тыс. до н. э. Датировка рога бизона временем раннего голоцена может свидетельствовать о том, что эти животные еще обитали в этот период в Барабе, или рог был использован человеком в качестве приклада вторично, поскольку остатки плейстоценовой фауны нередко встречаются по берегам рек вплоть до настоящего времени.

Ключевые слова

Обь-Иртышская лесостепь, барабинская культура, ранний неолит, ямы для хранения рыбы

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технология, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006) (руководитель – академик В. И. Молодин)

Для цитирования

Молодин В. И., Ненахова Ю. Н., Кобелева Л. С., Селин Д. В., Мыльникова Л. Н., Пархомчук Е. В. Мультидисциплинарные исследования раннеолитического объекта № 1791 на памятнике Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 7: Археология и этнография. С. 85–95. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-85-95

© Молодин В. И., Ненахова Ю. Н., Кобелева Л. С., Селин Д. В.,
Мыльникова Л. Н., Пархомчук Е. В., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 7: Археология и этнография. С. 85–95
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 85–95

Early Neolithic Pit no. 1791 at Tartas-1 Site, Baraba Forest-Steppe: Multidisciplinary Research

Vyacheslav I. Molodin¹, Yuliya N. Nenakhova², Liliya S. Kobeleva³
Dmitry V. Selin⁴, Lyudmila N. Mylnikova⁵, Ekaterina V. Parkhomchuk⁶

¹⁻⁶ Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ priemnaya.molodina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3151-8457>

² nenaxoffsurgut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3209-8180>

³ lilyakobeleva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4969-3771>

⁴ selin@epage.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6939-2917>

⁵ l.mylnikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0196-5165>

⁶ evparkhom@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0001-5833-0051>

Abstract

Purpose. The study results of the storage pit no. 1791 for fish supplies from the Tartas-1 site are presented. This site is the basis for studying the Early Neolithic Barabinskaya culture. The aim is to reconstruct the peculiarities of functioning and chronology of pit no. 1791 investigated at the site Tartas-1.

Results. During the investigation of the pit, it was discovered that upper layers were a later pit no. 1791 that was built on top of an older storage pit when it had ceased to function. In the bottom of this later pit, a horn of a large animal (probably a bison), a large fragment of a ceramic vessel, and a large accumulation of fish scales and gill coverings were found; in the older pit numerous almost rotted fish bones and an animal (probably dog) bone were found. Radiocarbon dating has been used to determine the chronological position of the pit no. 1791. Samples of bison horn fragments and dog bones, stratigraphically located at different depths, were used.

Conclusions. The analysis confirmed the stratigraphic observations made earlier: the dates obtained chronologically place the pit in the Early Neolithic period, and they correlate with the dates obtained previously in laboratories in Germany and Russia, within the VII millennium BC, with a partial overlap to the VIII century BC. Radiocarbon dating confirmed the stratigraphic observations. We studied two Early Neolithic objects: an early fish storage pit and a late pit that sealed it. Few remains of fish bones and a dog bone were found in the fill and at the bottom of the early pit. The late pit contained a hoard of buffalo horns, ceramics, stone and clay tools, and fish scales.

Keywords

Ob-Irtysh forest steppe, Barabinskaya culture, Early Neolithic period, fish storage pit

Acknowledgments

The study was performed within the project “Comprehensive studies of ancient cultures of Siberia and adjacent territories: chronology, technology, adaptation and cultural ties” (FWZG-2022-0006) (head – Academician V. I. Molodin)

For citation

Molodin V. I., Nenakhova Yu. N., Kobeleva L. S., Selin D. V., Mylnikova L. N., Parkhomchuk E. V. Early Neolithic Pit no. 1791 at Tartas-1 Site, Baraba Forest-Steppe: Multidisciplinary Research. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 85–95. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-85-95

Введение

Памятник Тартас-1 исследуется уже более 20 лет и широко известен по многочисленным публикациям, в том числе монографической работе. Он расположен в Венгеровском районе Новосибирской области (рис. 1). Интереснейшими комплексами, обнаруженными на этом памятнике, являются строения и ямы-хранилища для рыбы эпохи раннего неолита. Подобные ямы, а также способы их эксплуатации известны из этнографических источников [Алексеев, 1967; Логинов, 2000; Саввин, 2005]. Изучение этих уникальных объектов способствовало выделению на юге Западной Сибири барабинской ранненеолитической культуры.

Период раннего неолита в регионе находится в стадии изучения. По этой причине нахождение каждой новой ямы-хранилища рыбных запасов способствует расширению наших представлений о материальной и духовной культуре населения, обитавшего на данной территории в период раннего голоцена.

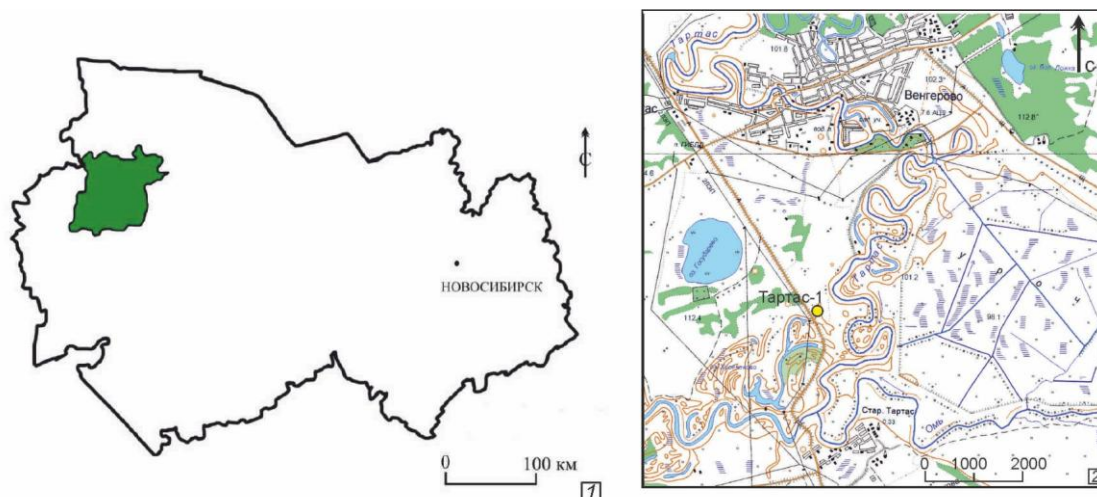

Рис. 1. Расположение памятника Тартас-1:

- 1 – расположение Венгеровского района в границах Новосибирской области;
2 – выкопировка из крупномасштабной карты (ГГЦ)

Fig. 1. Location of the Tartas-1 site:

- 1 – location of the Vengerovsky district within the boundaries of the Novosibirsk region;
2 – copy from a large-scale map (GGC)

Цель – реконструкция особенностей функционирования и хронологии ямы № 1791, исследованной на памятнике Тартас-1.

Описание ямы № 1791 и находок

В непосредственной близости от северной оконечности памятника была обнаружена яма № 1791. На уровне материка она читалась аморфным пятном темно-серого цвета, размером $2,2 \times 1,55$ м (рис. 2, 1). В самой верхней части заполнения обнаружены неорнаментированные фрагменты керамики, судя по технологии изготовления, эпохи раннего неолита (н. о. –1,7).

Заполнение ямы было неоднородным, слоистым (рис. 3, 1, 2), что характерно для подобного рода объектов. В верхней части стратиграфического разреза содержалась плотная, серая супесь мощностью 0,20–0,4 м. В ней зафиксированы линзы темно-серой супеси, мощность слоя 0,05–0,15 м, белесой супеси мощностью до 0,18 м. Здесь же обнаружены многочисленные артефакты (рис. 2, 2), в том числе компактное скопление костей рыбы, фрагменты обожженной глины (рис. 4, 9, 10), шесть предметов из камня: сколы, отщеп, фрагменты ножевидных пластин (рис. 4, 14–20). Кроме того, найден фрагмент изделия из глины в виде лепешки овальной формы размером $5,6 \times 4,5 \times 3$ см (н. о. –1,72) (рис. 4, 11). На одной из ее сторон зафиксирован отпечаток деревянной палочки. Исходя из формы предмета, можно предположить, что это грузило (?). Подобное изделие было обнаружено в заполнении ямы № 32 поселения Карьер-Таи-1, функционально относящейся к ямам для квашения рыбы.

В верхней части заполнения ямы также найдены фрагменты керамики, предположительно, от трех керамических сосудов.

Сосуд № 1 (н. о. –1,64) – обнаружен в самой верхней части ямы. От него осталось 4 фрагмента стенки очень плохой сохранности, орнаментированных рядами наклонных овальных вдавлений (рис. 4, 1).

Сосуд № 2 (н. о. –1, 73) – выявлен фрагмент горловины (рис. 4, 2; рис. 5, 2). Венчик – приострен и немного отогнут наружу, за счет чего намечена шейка. Судя по венчику, это изделие закрытого типа.

Сосуд № 3 (н. о. –1,7; –1,77; –1,84) – представлен 8 фрагментами неорнаментированных стенок. Это был горшок со слегка отогнутым венчиком. Венчик расформован в плоскую площадку; скорее всего, сосуд имел форму, вытянутую по вертикали, резко сужающуюся к придонной части. Венчик орнаментирован крупными наклонными вдавлениями овальной формы (рис. 4, 12, 13; рис. 5, 1). На одной из стенок также зафиксирован ряд овальных вдавлений. Возможно, к сосуду относилась часть фрагментов керамики, найденных на поверхности ямы (н. о. –1,7) (рис. 4, 3–8).

Обнаруженная посуда была изучена при помощи бинокулярной микроскопии (Leica M51) по методике, разработанной А. А. Бобринским [1978]. В качестве исходного пластичного сырья использованы слабозапесоченные слабожелезненные суглинки. Песок как естественная примесь имеет размеры 0,1–0,5 мм, окатанный (преобладает) и угловатый, прозрачный и глухой (преобладает), отмечены пластинки слюды размерами 0,1–0,2 мм.

Для фрагментов сосудов № 1 и 3 отмечен рецепт формовочных масс: глина + шамот + органический раствор (рис. 5, 3). Шамот имеет размеры 0,1–5 мм, составляет соотношение 3 : 1. Раствор выявлен в виде округлых пор с черным глянцевым налетом. Для венчика сосуда № 2 определить состав не удалось вследствие его расслоения на лоскуты (рис. 5, 2).

Сосуды изготовлены при помощи лоскутного налепа. Лоскуты читаются в изломах всех фрагментов, однако способ их наращивания не определен в связи с отсутствием полной формы (рис. 5, 1, 2). Изломы фрагментов демонстрируют светло-коричневые внешние края толщиной до 3 мм, темно-серый центр до 6 мм, что говорит о малой выдержке сосудов в тепло-технических сооружениях. Показательно, что в изломах венчиков читаются отверстия от выгоревших шнуров. Внешняя и внутренняя поверхности изделий заглажена пальцами.

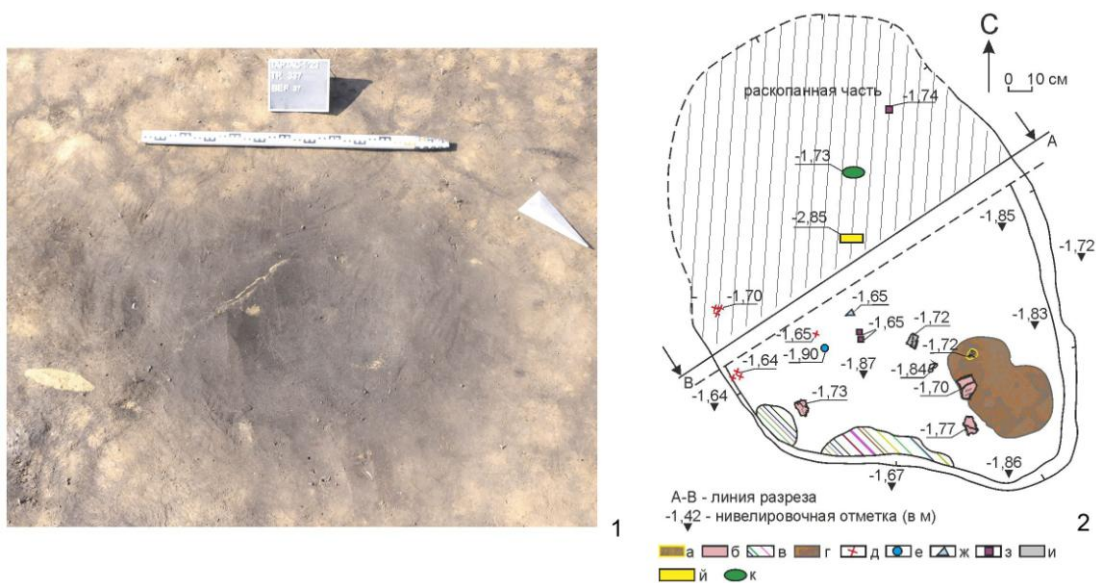

Рис. 2. Яма № 1791: 1 – до выборки заполнения; 2 – горизонт 1

(а – обожженная глина (грузило?); б – фрагменты керамики; в – область распространения костей рыбы; г – область прокаленной супеси и суглинка; д – фрагменты керамики; е – кость (рог бизона); ж – отщеп; з – скол; и – скол с каменного орудия; й – кость животного (собака?, тазовая конечность); к – ножевидная пластина)

Fig. 2. Pit no. 1791: 1 – before filling; 2 – horizon 1

(а – baked clay (sinker?); б – fragments of ceramics; в – area of distribution of fish bones; г – area of calcined sandy loam and loam; д – fragments of ceramics; е – bone (buffalo horn); ж – flake; з – chip; и – chip from a stone tool; й – animal bone (dog?, pelvic limb); к – knife plate)

Рис. 3. Стратиграфический разрез ямы № 1791:

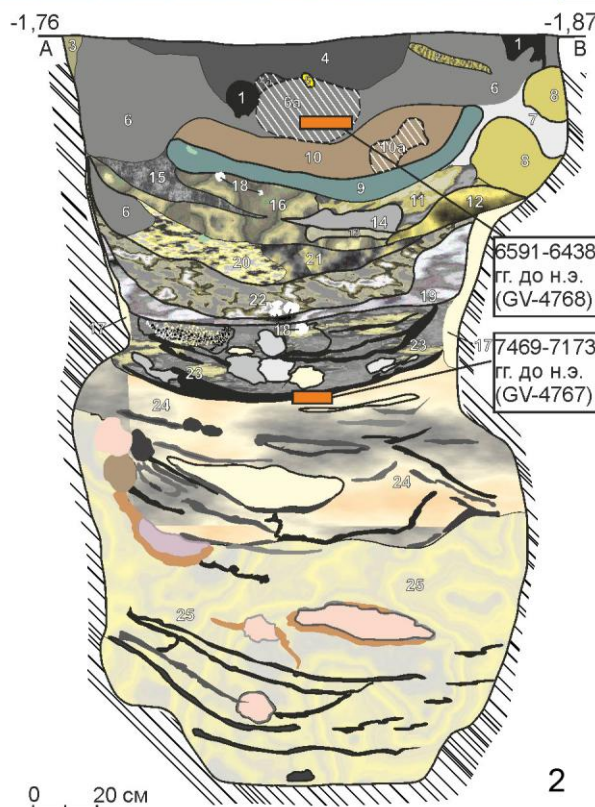
1 – фото с севера; 2 – рисунок

(1 – рыхлая черная супесь; 2 – мешаная серо-желтая с мелкими вкраплениями желтого супесь; 3 – мешаная серо-желтая супесь; 4 – темно-серая (почти черная) супесь; 5 – линза желто-серой супеси; 6 – плотная серая супесь; 7 – плотная пепельно-серая супесь; 8 – плотная пепельно-серо-желтая супесь; 9 – прослойка темно-серой супеси (с вкраплениями рыбной чешуи); 10 – плотная сильно перемешанная серо-желтая супесь; 11 – пестрая белесо-серая, желто-серая, серая супесь; 12 – темно-серая с включениями черной и желтой супеси; 13 – мешаная желто-серая супесь; 14 – прослойка серой супеси; 15 – прослойка темно-серой, серой супеси; 16 – мешаная (крупные пласты) серо-желтая, желто-серая с включением плотного белесого супесь (рыбные спекшиеся остатки); 17 – желтая супесь (оплыв стенок); 18 – белесая супесь (рыбные спекшиеся остатки); 19 – прослойка пестрой серой с мелкими вкраплениями белесого и крупными черными супесь; 20 – очень пестрая, плохо перемешанная черно-серо-желтая с мелкими вкраплениями белесого супесь; 21 – пестрая серая с вкраплениями желтого и черного супесь; 22 – мешаная пестрая (крупные линзы) серая супесь с линзами белесо-желтой, желто-серой супеси с вкраплениями белесой, черной и серой супеси; 23 – участок пестрой, сильно мешаной серой, желтой, белесой супеси: в западной части – слоистая структура, в центральной – пятнистая структура (белесой, желтой и светло-серой супеси), в восточной – серую с мелкими вкраплениями желтого супесь подстилает темно-серая с вкраплениями белесого и желтого супесь; 24 – сильно мешаная слоисто-пятнистая крупная структура: прослойки – желто-оранжевая суглинисто-супесчаная фракция, темно-серая и серая супесь; пятнистость – крупные комья белесого песка, оранжево-желтой, темно-серой (почти черной) супеси; 25 – в основе мешаная рыхлая желто-серо-ватая супесь, в которой читаются крупнопятнистые фракции белесой и коричнево-желтой супеси, а также в придонной части тонкие слои темно-серой (почти черной) супеси; 26 – участки слоев с ярко выраженным белесым налетом (4а, 6а, 10а); 27 – чешуя; 28 – желтый суглинок (материк))

Fig. 3. Stratigraphic section of pit no. 1791:

1 – photo from the north; 2 – drawing

(1 – loose black sandy loam; 2 – mixed gray-yellow with small patches of yellow sandy loam; 3 – mixed gray-yellow sandy loam; 4 – dark gray (almost black) sandy loam; 5 – lens of yellow-gray sandy loam; 6 – dense gray sandy loam; 7 – dense ash-gray sandy loam; 8 – dense ash-gray-yellow sandy loam; 9 – layer of dark gray sandy loam (interspersed with fish scales); 10 – dense, highly mixed gray-yellow sandy loam; 12 – dark gray with inclusions of black and yellow sandy loam; 13 – mixed yellow-gray sandy loam; 14 – layer of gray sandy loam; 15 – layer of dark gray, gray sandy loam; 16 – mixed (large layers) gray-yellow, yellow-gray with the inclusion of dense whitish sandy loam (fish caked remains); 17 – yellow sandy loam (wall melting); 18 – whitish sandy loam (fish caked remains); 19 – layer of variegated gray with small inclusions whitish and large black sandy loam; 20 – very variegated, poorly mixed black-gray-yellow with small inclusions of whitish sandy loam; 21 – mottled gray interspersed with yellow and black sandy loam; 22 – mixed mottled (large lenses) gray sandy loam with lenses of whitish-yellow, yellow-gray sandy loam, interspersed with whitish, black and gray sandy loam; 23 – area of mottled, strong mixed sulfur, yellow, whitish

sandy loam: in the western part there is a layered structure, in the central one there is a spotted structure (whitish, yellow and light gray sandy loam), in the east – gray with small inclusions yellow sandy loam is underlain by dark gray interspersed with whitish and yellow sandy loam; 24 – highly mixed layered spotted coarse structure: layers – yellow-orange loamy-sandy formation, dark gray and gray sandy loam; spotting – large lumps of whitish sand, orange-yellow, dark gray (almost black) sandy loam; 25 – based on mixed, loose yellow-grayish sandy loam, in which reveals large-spotted formations of whitish and cinnamon-yellow sandy loam, as well as thin layers of dark gray (almost black) sandy loam; 26 – areas of layers with a pronounced whitish coating (4a, 6a, 10a); 27 – scales; 28 – yellow loam (mainland)

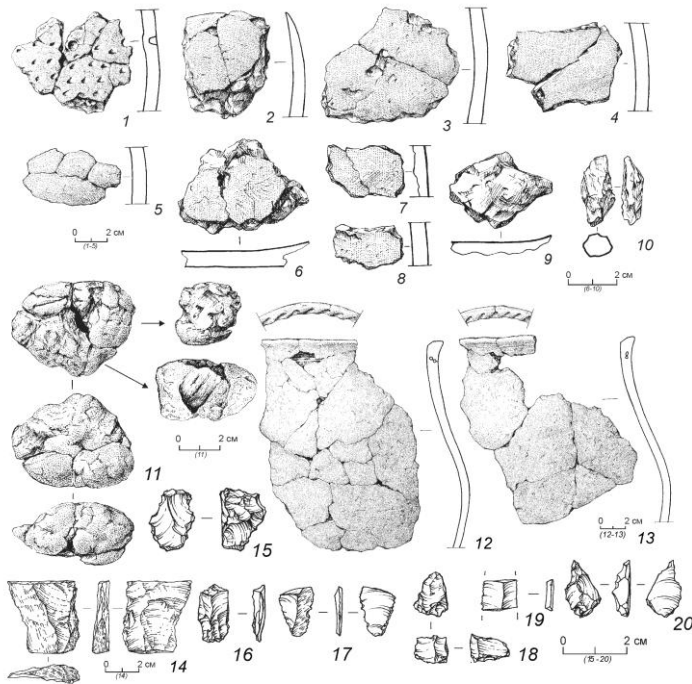

Рис. 4. Яма № 1791, горизонт 1, находки, рисунок:

1–8, 12, 13 – фрагменты керамики; 9, 10 – обожженная глина; 11 – грузило; 14 – скол со шлифованного орудия, камень; 15–20 – изделия из камня (скребки, ножевидные пластины)

Fig. 4. Pit no. 1791, horizon 1, finds, drawing:

1–8, 12, 13 – ceramic fragments; 9, 10 – baked clay; 11 – sinker; 14 – chip from a polished tool, stone; 15–20 – stone products (scrapers, knife-like plates)

Таким образом, особенности технологии изготовления изделий – лоскутный налеп, использование под венчиком шнура, цвет поверхностей и изломов изделий, позволяют отнести керамические сосуды к эпохе раннего неолита – барабинской культуре. Подобные материалы имеются и на других ранненеолитических объектах рассматриваемой территории (см., например: [Молодин и др., 2022] и др.).

В процессе исследования обнаружено, что верхние слои ранненеолитической ямы, содержащие вышеописанные находки, на самом деле являются более поздней ямой, которая сооружена на месте более ранней ямы-хранилища, после того как она перестала функционировать (рис. 5, 1). На дне этой более поздней ямы, на глубине 0,3–0,4 м от уровня материка, обнаружен рог крупного животного (бизон) (н. о. –1,89), крупный фрагмент сосуда № 3 (н. о. –1,98), а также большое скопление чешуи и жаберных крышек рыбы, на которых рог и фрагмент сосуда располагались (рис. 5, 1, 2). Мощностью слоя рыбы достигала 10–12 см. Всё это свидетельствует о том, что перед нами вторая стадия функционирования ямы, сооруженная по прошествии определенного времени после окончания функционирования более раннего объекта.

Далее, при выборке более ранней ямы, в стратиграфическом разрезе зафиксированы пласты мешанной серо-желтой, местами желто-серой супеси мощностью 0,1–0,15 м с прослойками темно-серой (серой) супеси мощностью 0,05–0,15 м. Ниже располагались слои пестрой черно-серо-желтой супеси мощностью 0,5–0,2 м, которые подстилала белесая супесь мощностью до 0,25 м, содержащая многочисленные практически истлевшие кости рыбы.

Ниже располагался сильно мешаный слоисто-пятнистый слой супеси, включающий прослойки желто-оранжевого суглинисто-супесчаного формата, темно-серого цвета, крупные линзы комковатого белесого песка, оранжево-желтой супеси и темно-серой (почти черной)

супеси мощностью слоя до 0,6 м. Под этим слоем выявлен слой мешаной, рыхлой желто-серой супеси, в которой фиксировались крупные линзы белесой, коричнево-желтой супеси мощностью до 0,75 м. На уровне дна ямы выявлены прослойки темно-серой супеси мощностью 0,01–0,03 м.

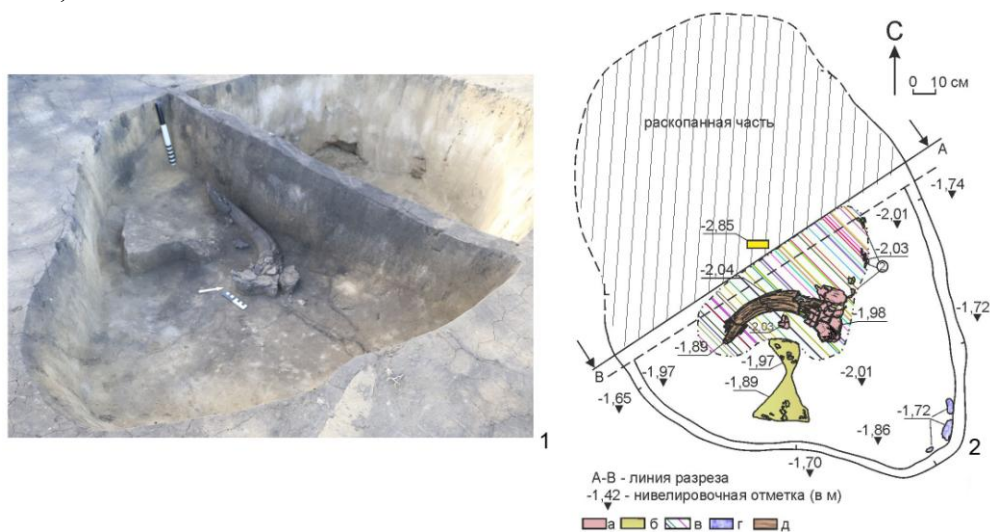

Рис. 5. Яма № 1791, горизонт 2: 1 – фото; 2 – рисунок

(а – фрагменты керамики; б – область распространения костей рыбы (жаберные крышки); в – область распространения костей рыбы (жаберные крышки, один зуб) под рогом бизона; г – кости животных (?); д – рог бизона)

Fig. 5. Pit no. 1791, horizon 2: 1 – photo; 2 – drawing

(а – fragments of ceramics; б – area of distribution of fish bones (gill covers); в – area of distribution of fish bones (gill covers, one tooth) under the horn of a bison; г – animal bones (?); д – bison horn)

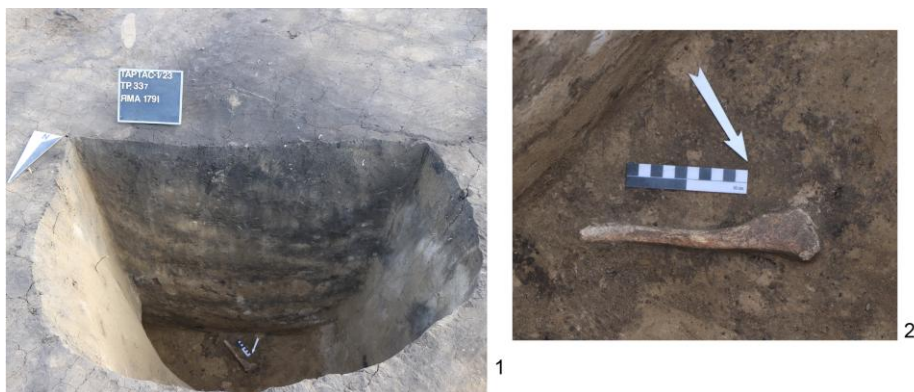

Рис. 6. Яма № 1791: 1, 2 – кость собаки в заполнении ямы

Fig. 6. Pit no. 1791: 1, 2 – dog bone in the filling of the pit

На глубине 1,15–1,2 м от уровня материка в яме обнаружена кость животного (собаки)¹ (н. о. –2,85) (рис. 3, 6). На глубине 2,1 м от уровня материка, практически на дне ямы, выявлены ребра и позвонки рыб (н. о. –3,80).

¹ Определения палеозоологической коллекции из заполнения ямы выполнены канд. биол. наук С. К. Васильевым, за что авторы выражают ему искреннюю признательность.

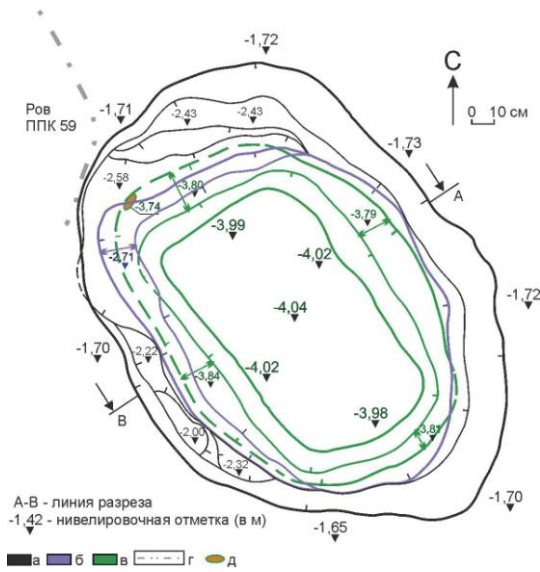

Рис. 7. Яма № 1791:

a – верхний абрис; *b* – средний абрис; *v* – нижний абрис; *z* – ров, ППК 59; *d* – кости рыбы (три ребра и обломки)

Fig. 7. Pit no. 1791:

a – upper outline; *b* – average outline; *v* – lower outline; *z* – ditch, PPK 59; *d* – fish bones (three ribs and fragments)

(см. рис. 3). Пробоподготовка (очистка и выделение коллагена) к анализу костных образцов на ускорительном масс-спектрометре (УМС) проведена в ЦКП «Геохронология кайнозоя» ИАЭТ СО РАН. Для образцов определяли выход коллагена, после чего сухие порошки коллагена направляли на УМС-анализ в ЦКП «УМС НГУ-НИЦ», где проводили зауглероживание на графитизаторе AGE-3 пр-во Ionplus) и анализ на УМС MICADAS-28 (пр-во Ionplus). Радиоуглеродный возраст определяли в программе BATS путем нормирования на стандартный образец сахарозы ANU (IAEA C-6, $150,61 \pm 0,11$ pMC) с вычетом фонового значения, установленного по стандартному образцу полиэтилена (BN 268530 Thermo Scientific) с учетом изотопного сдвига, измеренного для ^{13}C в графитах на MICADAS-28.

Радиоуглеродный и календарный возраст Radiocarbon and calendar ages

№	Лабораторный код	Материал для датирования	Выход коллагена, мас. %	$\delta^{13}\text{C}$, ‰ графит	Радиоуглеродный возраст, лет BP	Календарный возраст, гг. до н. э.
1	GV-4767	Фрагмент кости собаки	3,2	-20,4	$8\ 262 \pm 39$	7 469–7 393 (17,8 %) 7 383–7 173 (74,3 %)
2	GV-4768	Фрагмент кости бизона	2,7	-21,0	$7\ 662 \pm 39$	6 591–6 438 (95,4 %)

Калибровка радиоуглеродного возраста в календарный проведена на основе калибровочной кривой Intcal20 в программе OxCal 4.4.

После выборки заполнения ямы восстановлена ее изначальная конфигурация. Яма имела овальную форму. Стенки ее неровные, дно практически плоское (рис. 7). По своим характеристикам яма № 1791 стоит в одном ряду с раннеолитическими объектами, изученными на памятниках Тартас-1, Усть-Тартас-1. Устойчивое проявление экономической практики у носителей раннеолитической барабинской культуры является демонстрацией инновации, проявившейся в совершенствовании присваивающего типа хозяйства с возрастающей ролью рыболовства, и свидетельствует о переходе к менее мобильному образу жизни, фиксирующемуся у древнего населения Сибири еще в конце плейстоцена [Окладников, Молодин, 1983] и активно продолжающемся в эпоху раннего голоцена [Чаиркина, Пиецонка, 2021]. В этом промежутке времени функционировала и яма № 1791.

Радиоуглеродное датирование

Для уточнения хронологической позиции ямы № 1791 был проведен радиоуглеродный анализ. В качестве образцов использовались фрагменты рога бизона и кости собаки, стратиграфически находившиеся на разной глубине

Содержание коллагена в обоих образцах выше 1 %, что демонстрирует сохранность материала [Van Klinken, Hedges, 1998]. Радиоуглеродный возраст с узкой вариацией (среднеквадратичное отклонение составляет 39 лет) после калибровки дает более широкий период возможного существования животных (286 и 153 года для GV-4767 и GV-4768 соответственно) ввиду особенностей колебания уровня ^{14}C . Наиболее вероятные (по 2σ) периоды жизни собаки и бизона не пересекаются, поэтому усреднение и объединение их для сужения календарного периода невозможно, существует основание предполагать 600–800-летний промежуток между временем жизни этих двух животных.

Заключение

Полученные даты маркируют яму № 1791 эпохой раннего неолита и соотносятся с выполненными ранее датировками в пределах VII тыс. до н. э. с частичным попаданием в VIII тыс. до н. э. [Молодин и др., 2019; 2022]. Таким образом, радиоуглеродные определения подтвердили стратиграфические наблюдения. Нами были изучены два объекта эпохи раннего неолита: ранняя яма для хранения рыбных запасов и поздняя яма, ее запечатывавшая, которая, по всей видимости, выполняла сходную функцию. В заполнении и на дне ранней ямы выявлены немногочисленные остатки рыбных костей и кость собаки. Поздняя яма содержала приклад в виде рога бизона, керамику, каменный и глиняный инвентарь, чешую рыбы.

Интересно отметить, что датировка рога бизона временем раннего голоцена еще раз подтверждает предположение, что эти животные обитали в этот период в Барабе. Зуб бизона, также связанный с ямой-хранилищем для рыбы, был зафиксирован в яме № 66 на памятнике Усть-Тартас-1. Он датирован по $\pm 1\sigma$ 7186-6649; по $\pm 2\sigma$ 7469-6560 [Молодин и др., 2019, с. 161, табл.]. Двухэтапность раннего неолита на Тартасе-1 фиксируется на основе байесовского KDE-моделирования хронологии [Molodin et al., 2024]. Принадлежность этих объектов к барабинской культуре ярко демонстрирует и керамика, обнаруженная в обеих ямах.

Продолжение исследований неолитических комплексов позволит реконструировать особенности историко-культурных процессов, происходивших на территории юга Западной Сибири в древности, наметить особенности развития культур, определить истоки происхождения отдельных элементов материальной культуры.

Список литературы

- Алексеев Е. А.** Кеты. Историко-этнографические очерки. Л.: Наука, 1967. 266 с.
- Бобринский А. А.** Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Логинов К. К.** Чем питались люди в древнем Заонежье // Кижский вестник / Отв. ред. И. В. Мельников. 2000. № 5. URL: <http://kizhi.karelia.ru>
- Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С., Кобелева Л. С., Ненахов Д. А., Пархомчук Е. В., Райнхольд С., Петрожицкий А. В., Пархомчук В. В., Растигеев С. А.** Новые данные по хронологии объектов барабинской неолитической культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. 25. С. 157–166.
- Молодин В. И., Ненахов Д. А., Мыльникова Л. Н., Райнхольд С., Пархомчук Е. В., Калинин П. Н., Пархомчук В. В., Растигеев С. А.** Радиоуглеродное датирование комплекса эпохи раннего неолита памятника Тартас-1 (Среднее Приомье) с использованием установки «Ускорительный масс-спектрометр ИЯФ СО РАН» // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47, № 1. С. 15–22.
- Молодин В. И., Ненахова Ю. Н., Мыльникова Л. Н., Ненахов Д. А.** Новые данные по ямам-хранилищам барабинской культуры эпохи раннего неолита (Обь-Иртышская лесостепь) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 46–59. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-46-59

- Окладников А. П., Молодин В. И.** Палеолит Барабы // Палеолит Сибири. Новосибирск: Наука, 1983. С. 101–106.
- Саввин А. А.** Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии). Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2005. 376 с.
- Чаиркина Н. М., Пицонка Х.** Экологический фон инноваций раннего неолита севера Западной Сибири // Уральский исторический вестник. 2021. № 3 (72). С. 6–14.
- Molodin V. I., Mylnikova L. N., Nenakhov D. A., Menshanov P. N., Parkhomchuk E. V.** Chronology of the Baraba Culture in South Western Siberia: Early Neolithic Era // *Radiocarbon*. 2024. Submitted.
- Van Klinken G. J., Hedges R. E. M.** Chemistry strategies for organic ¹⁴C samples // *Radiocarbon*. 1998. № 40. P. 51–56.

References

- Alekseenko E. A.** Kety. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Kets. Historical and ethnographic essays]. Leningrad, Nauka, 1967, 266 p. (in Russ.)
- Bobrinsky A. A.** Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study]. Moscow, Nauka, 1978, 272 p. (in Russ.)
- Chairkina N. M., Pietsonka Kh.** Ekologicheskii fon innovatsii rannego neolita severa Zapadnoi Sibiri [The ecological background of early neolithic innovations in the north of western Siberia]. *Ural'skii istoricheskii vestnik [Ural Historical Bulletin]*, 2021, no. 3 (72), pp. 6–14. (in Russ.)
- Loginov K. K.** Chem pitalis' lyudi v drevnem Zaonezh'e [What did people eat in ancient Zaonezhie]. In: *Kizhskii vestnik [Kizhi Bulletin]*, 2000, no. 5. (in Russ.) URL: <http://kizhi.karelia.ru>
- Molodin V. I., Mylnikova L. N., Nenakhov D. A., Menshanov P. N., Parkhomchuk E. V.** Chronology of the Baraba Culture in South Western Siberia: Early Neolithic Era. *Radiocarbon*, 2024. Submitted.
- Molodin V. I., Mylnikova L. N., Nesterova M. S., Kobeleva L. S., Nenakhov D. A., Parkhomchuk E. V., Rainkhold S., Petrozhitskii A.V., Parkhomchuk V. V., Rastigeev S. A.** Novye dannye po khronologii ob'ektov barabinskoi neolicheskoi kul'tury [New data on the chronology of the objects of the Baraba Neolithic culture]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]*, 2019, vol. 25, pp. 157–166. (in Russ.)
- Molodin V. I., Nenakhov D. A., Mylnikova L. N., Rainkhold S., Parkhomchuk E. V., Kalinkin P. N., Parkhomchuk V. V., Rastigeev S. D.** Radiouglerodnoe datirovanie kompleksa epokhi rannego neolita pamyatnika Tartas-1 (Srednee Priom'e) s ispol'zovaniem ustanovki "Uskoritel' mass-spektrometr IYaF SO RAN" [Radiocarbon dating of the complex of the Early Neolithic era of the Tartas-1 site (Middle Prijmye) using the "Accelerator mass spectrometer of the INP SB RAS"]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]*, 2019, vol. 47, no. 1, pp. 15–22. (in Russ.)
- Molodin V. I., Nenakhova Yu. N., Mylnikova L. N., Nenakhov D. A.** New Data on the Storage Pits of the Baraba Culture of the Early Neolithic Era (Ob-Irtysch Forest-Steppe). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 46–59. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-46-59
- Okladnikov A. P., Molodin V. I.** Paleolit Baraby [Paleolithic Baraba]. In: *Paleolit Sibiri [Paleolithic Siberia]*. Novosibirsk, Nauka, 1983, pp. 101–106. (in Russ.)
- Savvin A. A.** Pishcha yakutov do razvitiya zemledeliya (opyt istoriko-etnograficheskoi monografii) [Food of the Yakuts before the development of agriculture (the experience of a historical and ethnographic monograph)]. Yakutsk, IGI AN RS(Ya), 2005, 376 p. (in Russ.)
- Van Klinken G. J., Hedges R. E. M.** Chemistry strategies for organic ¹⁴C samples. *Radiocarbon*, 1998, no. 40, pp. 51–56.

Информация об авторах

Вячеслав Иванович Молодин, академик РАН, доктор исторических наук, профессор

Scopus Author ID 6506558021
WoS Researcher ID Q-3253-2016
RSCI Author ID 71340; SPIN 9764-0369

Юлия Николаевна Ненахова, кандидат исторических наук

Лилия Сергеевна Кобелева, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 25722116500
WoS Researcher ID Q-3274-2016
RSCI Author ID 556738

Дмитрий Вадимович Селин, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 56676168000
WoS Researcher ID M-5333-2019
RSCI Author ID 739271; SPIN 9670-0895

Людмила Николаевна Мыльникова, доктор исторических наук

Scopus Author ID 11239899900
WoS Researcher ID ABA-4467-2021
RSCI Author ID 74040; SPIN 2343-4581

Екатерина Васильевна Пархомчук, кандидат химических наук

Information about the Authors

Vyacheslav I. Molodin, Academician of RAS, Doctor of Sciences (History), Professor

Scopus Author ID 6506558021
WoS Researcher ID Q-3253-2016
RSCI Author ID 71340; SPIN 9764-0369

Yuliya N. Nenakhova, Candidate of Sciences (History)

Liliya S. Kobeleva, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 25722116500
WoS Researcher ID Q-3274-2016
RSCI Author ID 556738

Dmitry V. Selin, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 56676168000
WoS Researcher ID M-5333-2019
RSCI Author ID 739271; SPIN 9670-0895

Lyudmila N. Mylnikova, Doctor of Sciences (History)

Scopus Author ID 11239899900
WoS Researcher ID ABA-4467-2021
RSCI Author ID 74040; SPIN 2343-4581

Ekaterina V. Parkhomchuk, Candidate of Sciences (Chemistry)

*Статья поступила в редакцию 01.03.2024;
одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 15.05.2024
The article was submitted on 01.03.2024;
approved after reviewing on 15.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024*

Научная статья

УДК 903.22

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-96-104

Сабля династии Цин: особенности хронологии и морфологии

Алексей Михайлович Пастухов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

a.m.pastukhov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0151-1796>

Аннотация

Описана цинская сабля из российского частного собрания. Установлено, что сабельный клинок был изготовлен из дамасской стали в период расцвета империи Цин в середине – второй половине XVIII в. Прибор выполнен в подражание нормативным приборам XVIII в. стиля *фанши*, однако с применением других материалов и техник. Наиболее вероятно, что прибор был изготовлен в конце XIX – начале XX в. Данная сабля может рассматриваться как образец высокого оружейного искусства эпохи Цин в отношении клинка и интересный образец декоративно-прикладного искусства конца имперского периода в отношении прибора. Введение данной сабли в научный оборот позволит более надежно атрибутировать цинское клинковое оружие, хранящееся в отечественных и зарубежных музейных собраниях и частных коллекциях.

Ключевые слова

империя Цин, Цяньлун, сабля, дамасская сталь, фанши, юаньши

Благодарности

Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021)

Для цитирования

Пастухов А. М. Сабля империи Цин: особенности хронологии и морфологии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 7: Археология и этнография. С. 96–104. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-96-104

The Saber of the Qing Empire: Peculiarities of Chronology and Morphology

Alexey M. Pastukhov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

a.m.pastukhov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0151-1796>

Abstract

Purpose. The article describes the peculiarities of chronology and morphology of the saber of the Qing Dynasty. Additionally, it analyzes the design, system and techniques of decoration, as well as the materials used for the manufacture of the scabbard.

Results. The total length of the saber is 88 cm including the length of the blade 70.8 cm. When in the scabbard, the length is 101.8 cm. The blade is made of Damascus steel in 18th century and the fittings of the hilt and scabbard are made of cooper alloy using the punch technique. Their surface is decorated with elaborated ornament representing playing human figures and clouds. The total style of fittings is *fangshi* but the material and technique applied are not

© Пастухов А. М., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 7: Археология и этнография. С. 96–104

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 96–104

characteristic for the genuine fittings of Qing 18th century sabers, they were obviously made in the end of Qing period imitating the high-Qing style. In general, the saber has the blade of Damascus steel made in 18th century mounted into the copper alloy fittings in *fangshi* style made in the late 19th – early 20th century.

Conclusion. The saber is a rare survived sample of the high-quality blade made in 18th century with almost intact geometry, and fittings interesting in respect of techniques used and the plot of ornamentation, made in late 19th – early 20th century. As the piece of high-Qing period blade it could be regarded as the interesting sample of the art of high-Qing era swordsmiths and decorative art of the end of the imperial period in respect of fittings. Putting this saber into the scholar circulation gives the valuable material to the researchers for attribution of Qing edged weapons in museum and private collections.

Keywords

Qing empire, Qianlong, fangshi, yuanshi, saber, Damascus steel

Acknowledgements

The study was performed as the part of the realization of the State task of the Ministry of Science and High Education of the Russian Federation in the field of scientific activity (project no. FSUS-2020-0021)

For citation

Pastukhov A. M. The Saber of the Qing Empire: Peculiarities of Chronology and Morphology. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 96–104. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-96-104

Введение

Одним из важных направлений современных оружейведческих и военно-исторических исследований является всесторонний анализ клинкового оружия населения континентальной Восточной Азии и сопредельных территорий периода Средневековья и Нового времени. Данный вопрос изучен весьма неравномерно. Так, если вооружение чжурчжэньской империи Цзинь (金朝, 1115–1234) и выделившегося из ее состава чжурчжэньского государства Восточное Ся (東夏朝, 1215–1233) изучается давно и плодотворно, то другие периоды истории региона исследованы в значительно меньшей степени. К числу недостаточно изученных вопросов относится длинноклинковое оружие Китая периода Цин (清朝, 1636–1912).

Как показал анализ вещественных и письменных источников, система обеспечения цинских воинов XVII–XIX вв. защитным и наступательным вооружением носила преимущественно автаркический характер. В числе прочего в империи Цин производились все необходимые разновидности клинкового оружия. Кроме того, отдельные образцы длинно- и короткоклинкового оружия иностранного производства ввозились в Китай в качестве военных трофеев, дипломатических подарков и т. д. В некоторых случаях цинскими властями допускалось использование воинами империи вооружения, захваченного в ходе военной кампании у местных народов [Бобров, Пастухов, 2021, с. 515]. Однако широкого распространения такая практика не имела.

В целом общее количество клинкового оружия иностранного происхождения в войсках Цинской империи было ничтожно мало. В Китае практически неизвестны сильноизогнутые сабли типа *шамшир*¹, крайне редко встречаются гибридные виды, сочетающие клинки иностранного производства с цинской монтировкой эфеса и ножнами. Уникальные образцы китайских клинков, смонтированных на рукоять индийских сабель типа *тальявар*, известны только из частных коллекций и не вызывают особого доверия у исследователей². Также неизвестны случаи практического применения шпажных клинков как в европейской монтировке, так и переоформленных китайскими оружейниками в местных традициях, несмотря на то

¹ Сильноизогнутый клинок, аналогичный клинку *шамшира*, известен только в прорисовках сабель *пяньдао* (副刀) из источников XVIII–XIX вв. – «Хуанчао лица туши» (皇朝禮器圖式, 1766) и «Да Цин хуйдянь ту» (大清會典圖, 1899). Как правило, реальные сабли *пяньдао* были снабжены клинками собственно китайского производства, которые имели гораздо меньшую степень изгиба.

² Не исключено, что это монтаж единого предмета из деталей разных оригинальных предметов клинкового оружия с целью дальнейшей его продажи на рынке антикварного оружия.

что некоторое количество подобного рода предметов хранится в музейных собраниях и частных коллекциях.

Однако даже традиционные виды длинноклинкового оружия империи Цин не классифицированы. Во многом это связано со спецификой экспозиций и фондов китайских музейных собраний. В экспозициях государственных музеев КНР и других стран мира сравнительно хорошо представлены лишь образцы периода упадка Цинской империи – середины XIX – начала XX в. Оружие более раннего периода встречается намного реже и крайне редко имеет четко выраженный провенанс. В связи с этим важной научной задачей является введение в научный оборот тех образцов длинноклинкового оружия империи Цин, которые могут быть надежно датированы и атрибутированы. Это позволит использовать их в качестве эталона при проведении сравнительно-типологического анализа других предметов, как из музейных, так и из частных собраний.

В одной из частных коллекций России хранится цинская сабля, приобретенная на аукционе в Западной Европе и ввезенная в Российскую Федерацию в первой половине 2005 г., представляющая значительный интерес для отечественных и зарубежных оружейников, военных историков и этнографов³. Данная сабля не фигурировала в научной печати и не становилась объектом научного исследования. Целью настоящей статьи является введение в научный оборот информации об этой цинской сабле. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: дать подробное описание конструкции рассматриваемой сабли, зафиксировать особенности ее декоративного оформления, уточнить датировку и атрибуцию.

Результаты исследований и обсуждение

Общая длина сабли (от верхнего края навершия рукояти до острия) составляет 88 см (в том числе длина клинка 70,8 см). Длина сабли в ножнах – 101,8 см. Длина ножен – 84,7 см. Вес без ножен – 912 г, с ножнами – 1 202 г (рис. 1, 2).

По форме сабельной полосы рассматриваемый экземпляр относится к остроугольным клинкам (кит. *даожэнь* 刀刃) со слабым изгибом, без елмани, имеет полуторную / встречную заточку длиной 18,5 см в последней трети клинка⁴. Эта характерная форма позволяет отнести его к широко распространенному в Китае в XVII–XVIII вв. типу клинков *яньмаодао* (雁毛刀) [Пастухов, 2021, с. 222].

Удлиненно-треугольный в сечении клинок изготовлен из дамасской стали, пята не выражена, обух широкий, плоский. Ширина и толщина клинка у гарды в месте начала встречной заточки и у острия 34,1 / 0,8, 33,5 / 0,45 и – / 0,2 см соответственно.

Интересной особенностью клинка является его практически незаметный изгиб, смещенный к первой трети клинка. Без демонтажа рукояти можно измерить максимальный изгиб клинка, равный 11 мм на расстоянии 240 мм от острия⁵.

По каждой голомении (стороне) клинка проходит по три дола (кит. *даоцао* 刀槽, тж. *сюэцао* 血槽) – длинный широкий (лев. гол. 57,2 / прав. гол. 56,6 × 0,5 см), длинный узкий (лев. гол. 58 / прав. гол. 57 × 0,1 см) и короткий широкий (лев. гол. 42,6 / прав. гол. 43 × 0,5 см). Начало каждого широкого дола полукруглое, четко очерченное, в конце доли постепенно сходят на оживальный контур. Узкий нитевидный дол представляет собой фактически глубокую риску, проходящую по голомении между широкими долами. Аналогичные формы начала и окончания долов в японской терминологии носят обозначения *мару-домэ*

³ Сабля имеет экспертизу без номера от 6 июня 2005 г., выданную сотрудниками ГИМ (Москва) И. Ю. Муравей и М. В. Чистяковой и зарегистрированную в Росохранкультуре.

⁴ Первой третью клинка считается участок длиной в $\frac{1}{3}$ от общей длины клинка, непосредственно примыкающий к эфесу оружия. Соответственно последней третью является участок длиной в $\frac{1}{3}$ от общей длины клинка, завершающийся острием клинка.

⁵ Изгиб клинка измерен по методу А. Н. Кулинского, согласно которому изгиб измеряется по линии, проходящей от основания клинка со стороны лезвия до кончика острия.

(丸止, букв. «окончание кругом») и сёбу-би (菖蒲樋, букв. «желоб [в форме листа] ириса») [Баженов, 2003, с. 33–35]⁶, однако в китайской оружейной терминологии для них нет определенного названия⁷.

Рис. 1. Цинская сабля с клинком середины – второй половины XVIII в. из российской частной коллекции. Общий вид в ножнах и без ножен.
Фото Ю. А. Герашенко

Fig. 1. Qing saber with blade, mid-second half of the 18th century, from a private Russian collection. General view with and without sheath.
Photo by Yu. A. Gerashchenko

Поверхность металла демонстрирует красивый узор «дикого дамаска» (кит. *хуавэнь* 花文). Со стороны обуха прослеживается продольное ламинарное направление слоев металла. И на лезвии, и на обухе можно наблюдать многочисленные сколы и зарубки разного размера, покрытые патиной. Происхождение сколов на лезвии неизвестно, сколы и зарубки на обухе могут представлять собой следы парирования вражеского клинка⁸.

⁶ Нитевидный дол не имеет специального названия даже в развитой японской терминологии.

⁷ Китайская оружейная терминология Средних веков и Нового времени изучена крайне слабо в связи с фрагментарностью источников. Прямой корреляции между китайскими и японскими оружейными терминами не существует, за исключением самых общих, наиболее устойчивых терминов типа «лезвие» – кит. *жэнь*, яп. *ха*, записываемых одним и тем же иероглифом 刃. Помимо использованных в тексте данной статьи аутентичных китайских оружейных терминов в источниках XVII–XIX вв. могут встречаться и другие термины.

⁸ В одном случае хорошо различима поперечная зарубка на левой голомении клинка.

Рис. 2. Цинская сабля с клинком середины – второй половины XVIII в. из российской частной коллекции. Детали прибора и конструкция клинка.
Фото Ю. А. Геращенко

Fig. 2. Qing saber with blade, mid-second half of the 18th century, from a private Russian collection. Device details and blade design.
Photo by Yu. A. Gerashchenko

В целом клинок отличается хорошей геометрией и не подвергался интенсивным полировкам, изменяющим его геометрию. Предположительно, в процессе бытования предмета он подвергался протравливанию кислотой, проявившей ковочные структуры металла. Данный технологический прием не характерен для китайских оружейников периода Цин – обычно клинки хорошего качества полировались, что приводило к выявлению ковочных структур в менее резком варианте, аналогично рисункам *хамон* (刃文) и *дзи-хада* (地肌) на японских традиционных клинках [Пастухов, 2022, с. 160–161]. Скорее всего, протравливание было произведено в поздний период бытования предмета, при переходе его в состояние антикварного оружия, для того чтобы продемонстрировать потенциальному покупателю качествоковки клинка.

Анализ изобразительных материалов, а также форма самого клинка, сочетающая совершенную геометрию с довольно сложным, но практичным сечением, позволяют датировать

его серединой – второй половиной XVIII в. Более точно датированные клинки предшествующего периода (до 1763 г.) имеют существенные отличия в конструкции [Петр Первый..., 2019, с. 182; Сокровища Востока..., 2020, с. 134–135].

Рукоять сабли (кит. *даобин* 刀柄, тж. *ба* 把, *даоба* 刀把) III типа (изогнутая / горбатая) [Пастухов, 2017, с. 88]. Она имеет уплощенное сечение, близкое к прямоугольнику, оплетена полосками растительного волокна (ротанга?) шириной 4 мм, окрашенными коричневым лаком и пересекающимися под прямым углом. Оплетка образует сплошное слегка шероховатое покрытие, в некоторых местах лак сколот, обнажая деревянную основу рукояти и растительного волокна. Рукоять крепится всадным способом, путем расклепывания конца хвостовика на навершии рукояти, образуя неразъемную конструкцию⁹. Расклеп аккуратно сформирован, покрыт патиной, и, судя по состоянию, не подвергался никаким механическим воздействиям после формирования.

Прибор сабли в стиле *фанши* (方式)¹⁰ изготовлен из медного сплава желтого цвета (латунь?) и состоит из четырех основных частей – секторно-коробчатого навершия (кит. *даоба диншу* 刀把頂束), трапециевидной обоймицы рукояти (кит. *бингу* 柄箍, тж. *багу* 把箍), дисковидной гарды с отбортовкой и проходящей сквозь рукоять втулки для крепления темляка. За исключением втулки, шайбы которой украшены геометрическим орнаментом в виде радиально расходящихся штрихов и круглых точек, набитых инструментом типа керна в середине каждого образованного штрихами «лепестков», остальные детали прибора рукояти украшены рельефными антропоморфными изображениями среди облаков, выполненными в технике выколотки. Фон расчеканен при помощи чеканов с фигурной рабочей частью. Детали изображений доработаны в технике чеканки и гравировки. Сюжетом изображений являются играющие дети и взрослые (артисты?), изображения облаков отсылают к тому, что данные фигуры могут быть изображением вечно предающихся блаженству и развлечениям жителей мифического острова бессмертных Пэнху.

Гарда *паньхушоу* (盤護手) состоит из трех частей – верхней пластины, по форме близкой к овалу, шириной 6,6 и длиной 7,5 см, обращенной в сторону навершия рукояти, украшенной выполненными в технике выколотки фигурами людей, жонглирующих разными предметами, среди облаков. По окружности пластины напаян гладкий бортик толщиной 1,2 и шириной 10,5 мм из того же материала, а с внутренней стороны гарды впаяна гладкая пластина, служащая для усиления этого конструктивного элемента.

Ножны *цяо* (鞘) изготовлены из легкой древесины, имеют подпрямоугольное сечение и покрыты лаком темно-коричневого цвета. Прибор ножен состоит из устья (кит. *цяокоу гу* 鞘口箍), наконечника (кит. *цяоби шу* 鞘底束) и типичного для цинского клинкового оружия узла подвески в виде двух гаек, соединенных в единую конструкцию (кит. *цяошан шуанъян шу* 鞘上雙眼束).

Наконечник ножен аналогичен по конструкции навершию – формирующая торец детали пластина припаивается к основной детали, украшенной рельефными антропоморфными изображениями, выполненными в технике выколотки с доработкой гравировкой и чеканкой. Торцевая пластина не только не имеет рельефных изображений, но и ее поверхность не разделана при помощи прочеканки.

Общая орнаментация прибора ножен соответствует орнаментации прибора эфеса. Некоторое отличие имеет орнаментация планки узла подвеса – она гладкая, с гравированными завитками, изображающими облака. Общая стилистика отделки планки и втулки для темляка

⁹ Для демонтажа рукояти и замены прибора необходимо спилить напильником или срубить зубилом расклеп, что радикально отличает конструкцию китайского традиционного клинкового оружия от японского традиционного клинкового оружия, легко разбирающегося на составные части после удаления легкосъемного штифта крепления рукояти *мэкуги* (目釘).

¹⁰ Здесь и далее под стилем *фанши* мы понимаем прибор, детали которого имеют прямоугольные очертания (за исключением гарды), а навершие – вид усеченного сектора коробчатой конструкции.

не диссонирует с общей стилистикой отделки других деталей прибора. Лаковая поверхность ножен покрыта забоинами и царапинами, а также незначительными сколами, образовавшимися в процессе бытования предмета.

Внешний вид эфеса, ножен и качество изготовления клинка находятся в явном стилистическом противоречии друг с другом. Как уже отмечалось выше, высокое качествоковки и четкая геометрия клинка позволяют датировать его эпохой расцвета империи Цин – серединой – второй половиной XVIII в. В то же время форма эфеса сабли может указывать на ее изготовление в более поздний период, начиная с рубежа XVIII–XIX вв. Окончательно разрушают визуальную гармонию между клинком и прибором оружия материал и отделка прибора. Стиль *фанши*, использованный для оформления прибора сабли, действительно, применялся в середине – второй половине XVIII в. Однако для данного периода характерно использование в качестве материала для изготовления деталей прибора стали или, в редких случаях, массивных литых деталей, изготовленных из медного сплава, значительная толщина гарды с неразвитой отбортовкой¹¹, отсутствие рельефных украшений [Юньлу и др., 1766, цз. 15, л. 4а–8б].

Стандартные детали прибора сабель середины – второй половины XVIII в. имели либо гладкую поверхность, либо отделку, выполненную в технике невысокого рельефа¹², и отличались большей массивностью и, соответственно, большей механической прочностью. С конца 40-х гг. XVIII в. начинает приобретать популярность смешанный стиль оправы, сочетавший угловатые детали прибора ножен с характерным навершием в форме усеченного конуса (кит. *сэнгунмао* 僧宮帽) и обоймицей овального сечения, а с конца XVIII в. – «круглый стиль» *юаньши* (圓式) с округлыми деталями прибора ножен и эфеса и шаровидным навершием. Таким образом, прибор не соответствует времени создания клинка. Форма рукояти III типа характерна для рубежа XVIII–XIX вв. и позже. С вариациями она продолжала применяться даже в первой половине XX в.

Также нехарактерна для середины – второй половины XVIII в. отделка ножен лаком. Для данного периода наиболее распространенной была обтяжка ножен лошадиной или ослиной кожей, в редких случаях придворных или императорских сабель – полированной кожей ската или акулы [Пастухов, 2021, с. 160–161]. Лакированные ножны без обтяжки деревянной основы кожей чаще всего встречаются у сабель второй половины XIX – начала XX в.

Конструкция прибора демонстрирует его явную непригодность для практического использования оружия по прямому назначению и вступает в диссонанс с настоящими приборами XVIII в. в стиле *фанши* как по материалу, так и по отделке, что свидетельствует о его более позднем происхождении. В Китае такой всплеск интереса к стилистике периода Цяньлун (1735–1796) возникает в конце XIX в. и длится до очередного обострения вялотекущей гражданской войны в середине 20-х гг. XX в. Таким образом, наиболее логичным объяснением сочетания качественного клинка XVIII в. с несоответствующими ему деталями прибора и стилем отдела ножен является переоформление старого качественного клинка в конце XIX – начале XX в. При этом бедственное положение ремесленников в условиях жестокого финансового кризиса, поразившего империю в этот период, вынуждало их производить предметы высокого уровня за относительно небольшую цену, что вполне согласуется с достаточно сложной работой и развитым сюжетом орнаментации оружия. Переоформление старого клинка в новую оправу, сделанную в старом стиле, но на хорошем художественном

¹¹ Тонкая гарда с развитой отбортовкой характерна для более поздних фигурных гард либо для гард палашей охраны императора «тибетского образца», принятых на вооружение указом императора Цяньлуна в 1750 г. [Юньлу и др., 1766, цз. 15, л. 3а–3б].

¹² Варианты отделки включали сохранение после окончательной отделки молотовин (следовковки молотом) как декоративный прием, гравировку и чеканку, для придворных сабель – инкрустацию драгоценными и полудрагоценными камнями и т. п. Рельефная отделка имела место в случае применения сложной техники оброчной или ажурной резьбы по металлу (*лоукун*), однако при этом полученное изображение не имело характера высокого рельефа.

уровне (безусловно, стиль изображения можно определить как примитивный, но, тем не менее, перекликающийся со стилем изображений ханьских рельефов, массовая публикация которых началась как раз на рубеже XX в.), резко повышала шансы выгодно продать оружие при сравнительно небольших затратах на материалы (медный сплав) и работу мастера (достаточно сложную по своему уровню).

Заключение

На основании анализа конструкции, системы оформления и геометрии клинка рассматриваемой цинской сабли из частного собрания установлено, что клинок был выкован в период наивысшего расцвета империи Цин – во второй половине XVIII в. По качеству изготовления он представляет собой выдающийся образец китайского оружейного искусства данного периода.

Анализ конструкции, системы и техник оформления, а также материалов, использованных для изготовления прибора и ножен, показал, что прибор сабли был изготовлен в конце XIX – начале XX в. (т. е. более чем через сто лет после изготовления клинка). В качестве образца для подражания мастером был избран «квадратный» стиль *фаниши*, популярный в империи Цин в XVIII в. При этом оружейник использовал иные материалы (медный сплав вместо стали) и другие технологические приемы (выколотка, пайка, чеканка и гравировка вместоковки, слесарной обработки и оброчной резьбы по металлу). По своим конструктивным особенностям данный прибор слишком тонок и мягок, чтобы использовать оружие в реальном бою. Тем не менее, он представляет собой интересный пример прикладного искусства Китая конца эпохи Цин. Ножны и рукоять рассматриваемой сабли изготовлены одновременно с прибором, при этом тип оплетки рукояти плоскими полосками растительного волокна неизвестен из материалов XVIII в.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод, что рассматриваемая сабля сочетает высококачественный клинок середины – второй половины XVIII в. с рукоятью и ножнами, выполненными «под старину» в конце XIX – начале XX в.

Список литературы

- Баженов А. Г.** Экспертиза японского меча. СПб.: Атлант, 2003. 433 с.
- Бобров Л. А., Пастухов А. М.** «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» как источник по вооружению и военной символике населения Центральной Азии середины XVIII в. // *Vulye Gody*. 2021. No. 16 (2). P. 506–526.
- Пастухов А. М.** К типологии рукоятей китайского клинкового оружия – «пистолетная» рукоять как датирующий признак // *Теория и практика археологических исследований*. 2017. № 3 (19). С. 69–90.
- Пастухов А. М.** О типах клинков китайского холодного оружия периода Цин (1636–1912) // *Историческое оружие в музейных и частных собраниях*. М.: БуксМАрт, 2021. Вып. 2. С. 206–223.
- Пастухов А. М.** Мечи и сабли императора Цяньлуна // *Историческое оружие. Памятники, собрания, особенности исследования*. М.: БуксМАрт, 2022. Вып. 3. С. 146–161.
- Петр Первый. Коллекционер, исследователь, художник / Ред.-сост. каталога О. В. Дмитриева, В. Р. Новоселов; Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». М., 2019. 336 с.
- Сокровища Востока в собрании Музеев Московского Кремля / Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»; Государственный исторический музей Южного Урала. Челябинск, 2020. 183 с.
- Юньлу и др.** Хуанчао лица туши [Иллюстрированное описание ритуальной утвари августейшей династии]. Пекин: Уиндянь, 1766, 15 цз. (на кит. яз.)

References

- Bazhenov A. G.** Ekspertiza yaponskogo mecha [Expertise of the Japanese sword]. St. Petersburg, Atlant Publ., 2003, 433 p. (in Russ.)
- Bobrov L. A., Pastukhov A. M.** “Qinding Huangyu Xiyu tuzhi” kak istochnik po vooruzheniyu i voennpi simvolike naseleniya Tsentral’noi Azii serediny XVIII v. [“Qinding Huangyu Xiyu tuzhi” as the source for weaponry and military symbolic of the population of the Central Asia in the midst of 18th century]. *Bylye Gody*, 2021, no. 16 (2), pp. 506–526. (in Russ.)
- Pastukhov A. M.** K tipologii rukoyatei kitaiskogo klinkovogo oruzhiya – “pistoletnaya” rukoyat’ kak datiruyushchii priznak [Regarding the typology of the hilts of Chinese edged weapons – “pistol” grip as the dating attribute]. *Teoriya i praktika arkhеologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of the archeological research], 2017, no. 3 (19), pp. 69–90. (in Russ.)
- Pastukhov A. M.** Mech i sabli imperatora Tsyun’luna [Swords and sabers of Qianlong emperor]. In: Istoricheskoye oruzhiye. Pamyatniki, sobraniya, osobennosti issledovaniya [Historical weapon. Artefacts, collections and details of research]. Moscow, BooksMArt Publ., 2022, iss. 2, pp. 146–161. (in Russ.)
- Pastukhov A. M.** O tipakh klinkov kitaiskogo kholodnogo oruzhiya perioda Tsin (1636–1912) [Regarding the blade’s types of the edged weapons of Qing period (1636–1912)] In: Istoricheskoye oruzhiye v muzeinykh i chastnykh sobraniyakh [Historical weapons in the museum and private collections]. Moscow, BooksMArt, 2021, iss. 2, pp. 206–223. (in Russ.)
- Pyotr Pervyi. Kollektioner, issledovatel’, khudozhnik [Peter the First. Collector, researcher, artist]. Ed. by O. V. Dmitrieva, V. R. Novosyolov Moscow, State historical-cultural museum-preservation “Moscow Kremlin”, 2019, 336 p. (in Russ.)
- Sokrovishcha Vostoka v sobranii Muzeev Moskovskogo Kremlya [Oriental Treasures in the collection of the Kremlin Museums]. State historical-cultural museum-preservation “Moscow Kremlin”; State Historical Museum of the South Ural. Chelyabinsk, 2020, 183 p. (in Russ.)
- Yunlu et al.** Huangchao liqi tushi [Illustrated description of the August dynasty paraphernalia]. Beijing, Wuyingdian, 1766, 15 p. (in Chin.)

Информация об авторе

Алексей Михайлович Пастухов, инженер Лаборатории гуманитарных исследований НГУ

Information about the Author

Alexey M. Pastukhov, Engineer of the Laboratory of Humanitarian Researches NSU

*Статья поступила в редакцию 16.02.2023
одобрена после рецензии 30.12.2022; принята к публикации 10.01.2023
The article was submitted on 16.02.2023
approved after reviewing on 30.12.2022; accepted for publication on 10.01.2023*

Научная статья

УДК 904

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-105-115

Динамика конструкций и историческая реконструкция Албазинского острога на Амуре

Сергей Павлович Нестеров

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

nesterov@archaeology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3629-2730>

Аннотация

Представлены результаты анализа материалов, показывающие динамику конструкций Албазинского острога от первого знакомства Е. П. Хабарова с городком даурского князя Албазы в 1650 г. до подписания Нерчинского договора в 1689 г., согласно которому острог должны были разрушить. Выяснено, что он был «резиденцией» русских землепроходцев до 1672 г., пока на его месте Н. Черниговским не был построен небольшой новый острог. В 1680-х гг. он был полностью включен в периметр большой деревянной крепости А. Толбузина, которую в 1685 г. сожгли маньчжуры. Последний острог был деревянно-земляным, поэтому выдержал длительную маньчжурскую осаду 1686 г. В настоящее время полноразмерная копия деревянного острога поставлена у г. Благовещенска.

Ключевые слова

Амур, Албазинский острог, конструктивные особенности, натурная реконструкция

Благодарности

Статья подготовлена по проекту НИР «Многообразие и преемственность в развитии культур в эпохи камня, палеометалла и Средневековья в дальневосточном и тихоокеанском регионах Евразии (FWZG-2022-0004)»

Для цитирования

Нестеров С. П. Динамика конструкций и историческая реконструкция Албазинского острога на Амуре // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 7: Археология и этнография. С. 105–115. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-105-115

Dynamics of Structures and Historical Reconstruction of the Albazin Fort on the Amur River

Sergei P. Nesterov

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

nesterov@archaeology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3629-2730>

Abstract

The results of the analysis of materials are presented, showing the dynamics of the structures of the Albazin fort from the first acquaintance of E. P. Khabarov with the little town of the Daurian prince Albaza in 1650 to the signing of the Treaty of Nerchinsk in 1689, according to which it had to be destroyed. It was found out that it was the “residence” of Russian explorers until 1672, when N. Chernigovsky built a small new fort on it. In the 1680s, it was completely in-

© Нестеров С. П., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 7: Археология и этнография. С. 105–115
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 105–115

cluded in the perimeter of the large wooden fortress of A. Tolbuzin, which was burned by the Manzhou's in 1685. The last fort was made of wood and earth, so it withstood the long Manzhou's siege of 1686. Currently, a full-size copy of the wooden fort is installed near the city of Blagoveshchensk.

Keywords

Amur, Albazin fort, design features, full-scale reconstruction

Acknowledgements

The article was prepared as part of the research project "Diversity and continuity in the development of cultures in the eras of stone, paleometal and the Middle Ages in the Far Eastern and Pacific regions of Eurasia (FWZG-2022-0004)"

For citation

Nesterov S. P. Dynamics of Structures and Historical Reconstruction of the Albazin Fort on the Amur River. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 105–115. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-105-115

Введение Современное состояние Албазинского острога

Остатки острога, частично разрушенного во время его осады маньчжурами в 1686–1689 гг. и за прошедшие 330 лет, располагаются в с. Албазино на Амуре. Он представляет собой четырехугольную площадку, огороженную тремя земляными валами. Западный вал, примыкавший к реке, и часть внутренней территории за ним полностью разрушены водой. Острог с внутренней площадью примерно 7 630 кв. м был поставлен на дугообразном выступе берега высотой 11–12 м. Севернее берег повышается до 22–23 м над урезом воды и в 2,2–2,3 км переходит в скальные выходы песчаника (рис. 1, 1).

Археологические раскопки на Албазинском остроге были проведены в 1974–1976 и 1979–1980 гг. Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР (Новосибирск) на площади около 400 кв. м. С 1989 до начала 2000 г. здесь работала экспедиция Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток), исследовано 891 кв. м площади острога. В 2007 и 2013 гг. «Центром по сохранению историко-культурного наследия Амурской области» проведены спасательные работы на площади 143 кв. м с западной стороны Албазинского городища. С 2011 г. этот русский памятник является объектом мультидисциплинарных исследований Албазинской археологической экспедиции, раскопано более 250 кв. м площади [Нестеров, 2017, с. 113–114]. Внутренняя поверхность острога ровная, раскопанные валы и места башен реконструированы, но ров засыпан. Сейчас здесь расположена небольшая часовня, под которой покоится перезахороненный прах защитников крепости, и стоит православный крест. Ближе к южной стороне продолжают раскопки Албазинской экспедиции (рис. 1, 2).

Городки рода князя Лавкая

Е. Хабаров в отписке о походе в 1649–1650 гг. отмечал, что первые пять городков, которые он встретил на Амуре, принадлежат князю Лавкаю, его братьям, зятю и князьям Шилгиною и Гилдегу. Городки и улусы около них были покинуты жителями, но не сожжены.

В отписке есть упоминание о том, что *первый городок князя Лавкая* и улус находился ниже по Амуру от устья р. Урки, «да около того ж города обошла речка и пошла в Амур». Этому соответствует место примерно в 7 км ниже Урки на правой стрелке р. Томача – мыс высотой 298 м. В том городе пять башен, стены вокруг большие, рвы глубокие и с подлазами под всеми башнями и тайники к воде¹; в городе одни проезжие ворота; дома каменные, окна большие из деревянных брусьев, в вышину примерно по 1,4, в ширину 1 м; закрыты бумагой, которую делают сами, «а в одной светлице живут человек по штидесят и больше...» [Дополнения к актам..., 1848, с. 258].

¹ Это «стандартное» описание используется в отписке Е. Хабарова для характеристики других городков, меняется только количество башен.

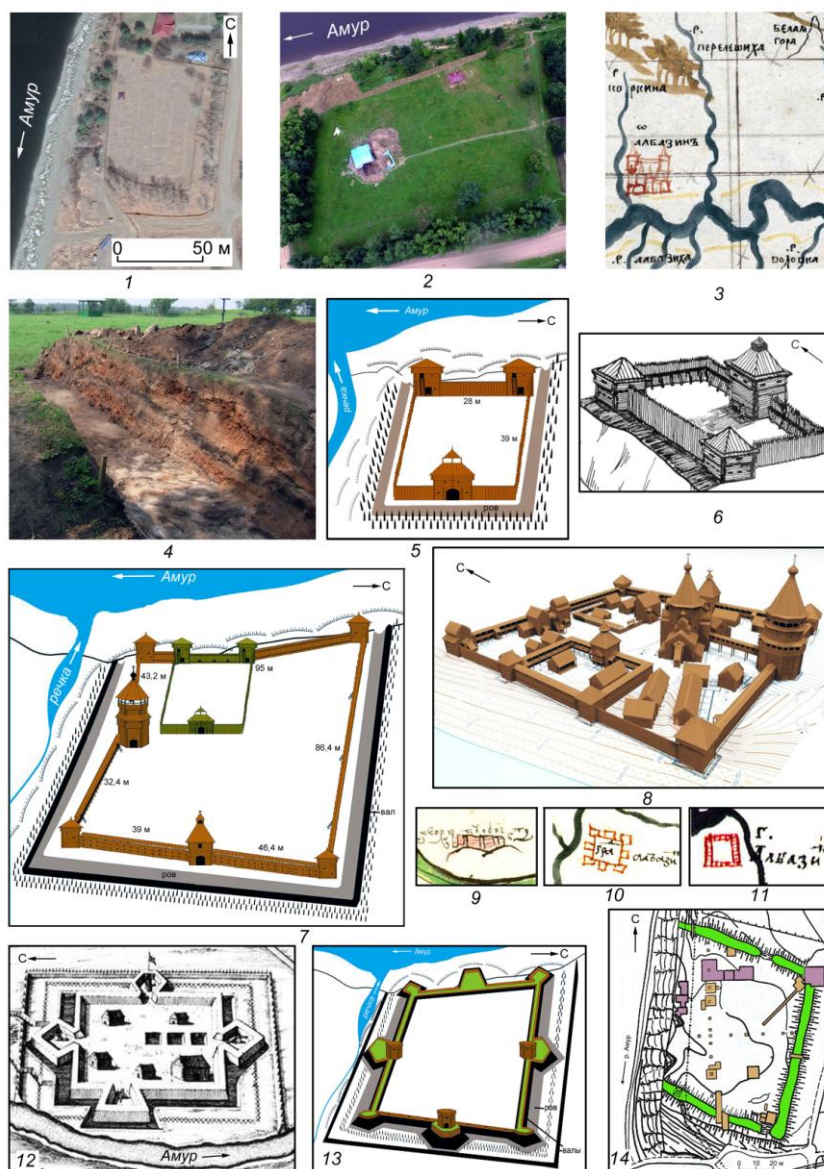

Рис. 1. Албазинский острог:

1, 2 – современный вид археологического памятника; 3 – фрагмент карты из «Хорографической чертежной книги» С. У. Ремезова; 4 – разрез восточного вала (фото С. П. Нестерова, 2012 г.); 5, 6 – варианты реконструкции острога Черниговского; 7 – вариант реконструкции острога 1682–1685 гг.; 8 – компьютерная 3D-модель крепости; 9–11 – рисунки острога второй половины 1680-х гг. на картах: из «Чертежа реки Амур 1699 года» (9), по данным А. Бейтона (10), из «Служебной чертежной книги» С. У. Ремезова (11); 12 – рисунок Н. Витсена; 13 – реконструкция острога второй половины 1680-х гг.; 14 – план раскопанных участков на территории острога. Масштаб разный (1 – по: Google Earth Pro; 2 – социальные сети, автор неизвестен; 3, 5, 7, 9–13 – по: [Трухин, Багрин, 2019]; 6, 14 – по: [Артемьев, 1999]; 8 – по: [Еремин и др., 2021])

Fig. 1. Albazin fort:

1, 2 – modern view of the archaeological site; 3 – fragment of a map from the “Chorographic Drawing Book” by S. U. Remezov; 4 – section of the eastern shaft (photo by S. P. Nesterov, 2012); 5, 6 – options for reconstructing the fort of Chernigovskiy; 7 – variant of reconstruction of the fort of 1682–1685; 8 – computer 3D model of the fortress; 9–11 – drawings of the fort from the second half of the 1680s on the maps from the “Drawing of the Amur River in 1699” (9), according to A. Beiton (10), from the “Service Drawing Book” of S. U. Remezov (11); 12 – drawing by N. Witsen; 13 – reconstruction of the fort in the second half of the 1680s; 14 – plan of excavated areas on the territory of the fort. The scale is different (1 – by: Google Earth Pro; 2 – social networks, author unknown; 3, 5, 7, 9–13 – by: [Trukhin, Bagrin, 2019]; 6, 14 – by: [Artemyev, 1999]; 8 – by: [Eremin et al., 2021])

Второй городок с пятью башнями ниже по Амуру от Лавкаева города принадлежал его зятю.

Третьим оказался городок с четырьмя башнями, где экспедиция стала на постой. Здесь состоялась встреча Е. Хабарова с Лавкаем, на которой шел разговор о ясаке для русского царя [Дополнения к актам..., 1848, с. 259].

До четвертого городка с тремя башнями казаки дошли за один день. Видимо, не останавливаясь, они двинулись дальше и на следующий день до полудня пришли к пятому городку с четырьмя башнями, где и поймали сестру Лавкая. Получив от нее информацию о роде князя Лавкая и др., Е. Хабаров решил вернуться в исходную точку на Амуре, где с 9 (22) марта 1650 г. обосновался в первом Лавкаевом городке. Гарнизоны в другие четыре городка поставлены не были, так как не хватало людей [Там же, с. 260].

Настораживает одно: от первого до второго городка вниз по Амуру около 140 км, тогда как третий, четвертый и пятый городки расположены каскадом от второго от нескольких часов до дня пешего пути. На самом деле, идя по Амуру, отряд Хабарова не заметил еще один городок – князя Чапина [Албазинское воеводство..., 2019, с. 27]. С. Г. Новиков его местонахождение определяет несколько ниже устья р. Ольдой, где в береговом обрыве в 15–30 см от поверхности он обнаружил пласт древесных углей длиной 150 м и толщиной до 30 см и более, а также фрагменты маньчжурской керамики². Отсюда расстояние по Амуру до городка Лавкая в устье р. Томача около 76 км, до Албазино ~ 64 км. По словам тунгуски Даманзя, от Лавкаева городка до острожка князя Чипы рекой Шилкой (так она называет Амур) два дня ходу [Албазинское воеводство..., 2019, с. 27].

Выбор казаками первого Лавкаева городка для проживания был связан с тем, что отсюда на север до нового острожка на р. Тунгир около 100 верст [Дополнения к актам..., 1848, с. 261].

Городок князя Албазы

Свое название второй городок получил по имени князя Албазы, который в отписках указан как зять князей Лавкая и Шилгиня. Вот только в своей первой отписке 1650 г. Е. Хабаров ни разу не упомянул это имя. Однако на карте С. Ремезова, составленной по «Чертежу реке Амур» Е. Хабарова 1650 г., условный рисунок укрепленного городка подписан как «Албазинь», что, видимо, и послужило идентификации его с именем князя Албазы. На этой карте в Амур справа напротив Албазина впадает р. Албазиха (совр. Амуэрхэ). Но этот городок на карте, хотя и схематичной, показан не на берегу Амура, где сейчас расположены остатки Албазинского острога, а примыкающим к левому берегу притока, который на карте обозначен как р. Коркина (рис. 1, 3). В районе с. Албазино в этом месте протекает р. Ульдугич. Исследователи в рисунке данной крепости видят изображение Албазинского острога 1682–1685 гг. [Трухин, Багрин, 2019, с. 388], а не городок князя Албазы.

В китайской историографии городок Албазы называют Якса. Но в 1639 г. маньчжуры при захвате четырех солонских городков Дочэнь, Асацзинь, Доцзинь и Якса последний при штурме сожгли [Мелихов, 1974, с. 69]. Слои двух пожаров Албазинского острога хорошо видны в разрезе вала (рис. 1, 4), но это следы его сожжения в 1680-х гг. в результате двух осад маньчжурами. При археологическом обследовании территории с. Албазино и его окрестностей явных остатков городка Албазы пока не обнаружено.

В отписке Е. Хабарова 1652 г. сказано, что перед походом вниз по Амуру он жил в Албазинском городке. История приобретения русскими городка Албазы связана с самовольным уходом к нему из первого Лавкаева городка 52 казаков из-за нехватки провизии. Перед уходом они его сожгли [Албазинское воеводство..., 2019, с. 27]. После отказа князя Албазы обеспечить их провиантом и ясаком, после неудачного штурма городка и потери четырех

² См.: Новиков Г. С. Отчет о выполненных в 1949 году археологических исследованиях в Амурской области // Архив Ин-та археологии АН СССР. Ф. 1. № 376. Л. 7.

человек казаки *отступили* от Албазина. Они построили *острожек* и стали дожидаться прихода Е. Хабарова.

Что это был за острожек, его размеры и местоположение, как уживались русские с даурами в том месте не менее 3–4 месяцев, в источниках не описано. После прихода Е. Хабарова под Албазин не менее чем с сотней человек дауры оставили городок, хлеб в юртах, в ямах на полях и на корню, скот, чем обеспечили довольствие отряда на значительный срок. Команда Е. Хабарова прожила в Албазинском городке с октября 1650 по конец мая или июнь 1651 г. После его отплытия вниз по Амуру городок оставался целым. В него заезжала в сентябре 1652 г. возвращающаяся на Амур команда Чечигина и Петриловского, которых Е. Хабаров посылал в Якутск с донесением [Чулков, 1898, с. 182–184].

Каковы судьбы городка князя Албазы, который на какое-то время стал оплотом Е. Хабарова, а также построенного казаками острожка в этом месте, не известно. К концу 1650-х гг. городок князя Албазы, который использовали русские служилые люди, в отписке А. Ф. Петриловского уже называется *старым городищем* [Албазинское воеводство..., 2019, с. 75]. Раскопками на Албазинском остроге на площади почти 1 700 кв. м никаких ранних укреплений не обнаружено.

Албазинский острог Н. Черниговского

В отписке якутского воеводы И. П. Барятинского в Сибирский приказ от февраля 1671 г. сказано, что Н. Черниговский с товарищами, которые убили илимского воеводу Лаврентия Обухова (в 1665 г. – С. Н.), сбежав, жили на Амуре в Лавкаевском острожке [Там же, с. 93], хотя доподлинно известно, что они осели в Албазине, так как городок Лавкая был сожжен хабаровцами еще в 1651 г.

По мнению исследователей, Албазинская крепость Черниговского, или Государев острог, была поставлена в 1665–1666 гг. и просуществовала без изменений до 1682 г. [Трухин, Багрин, 2019, с. 391]. Иная дата постройки нового острога в Албазине содержится в челобитной царю от служилых людей, которые в 1672 г. обратились с просьбой о переводе их из Нерчинска на службу в Албазинский острог, и она была удовлетворена. «И мы, холопы твои, на великой реке Амуре на *Албазинском городище* (выделено нами. – С. Н.) поставили твой государев острог, и для приходу воинских людей около острогу ров копали, и надолбы поставили». При этом «государев острог» они называют «новым Албазинским острогом» [Албазинское воеводство..., 2019, с. 97]. Получается, что крепость князя Албазы с улусом около него, или городище, эксплуатировалась русскими около 22 лет.

В 1674 г. С. М. Вешняков при передаче ему Албазинского острога Н. Черниговским дал его описание. Он имел тыновые стены, две небольшие деревянные срубные башни высотой около 6,4 м по берегу Амура и одну с воротами с напольной стороны. Вокруг был ров шириной ~ 5, глубиной 2,85 м. Около рва в шесть рядов был вбит чеснок, а около них поставлены надолбы. В остроге находились недоделанный колодец, Воскресенский амбар, а в надолбах стояла часовня [Албазинское воеводство..., 2019, с. 102; Трухин, 2020, с. 203]. По мнению В. И. Трухина и Е. А. Багриной, «южная стена шла вдоль обрывистого берега небольшой реки, впадающей в Амур, а западная по краю крутого обрыва к реке Амур, что давало острогу дополнительную защиту» [Трухин, Багрин, 2019, с. 391]. При этом, согласно их реконструкции, западная и восточная стены были длиной 28, а северная и южная – 39 м, что составляет площадь 1 092 кв. м. Острог в плане был четырехугольный, близкий к ромбу, хотя на приведенной ими реконструкции этого не видно (рис. 1, 5). Другие реконструкции предполагают расположение длинной стены крепости вдоль Амура (рис. 1, 6). Иные размеры острога Черниговского показал Ивашко Коркин: все четыре стены по двадцать сажень (43,2 м). Внутри острога была построена церковь «во имя Воскресения ж да Николая Чудотворца» [Зуев, 2023, с. 127]. Но его данные не официальные, в отличие от передаточной описи С. М. Вешнякова.

В настоящее время южнее Албазинского острога нет речки, но есть пологий спуск к Амуру, севернее которого на возвышении располагается его вал (см. рис. 1, 1). Речка, пересекающая с. Албазино примерно с севера на юг, впадает в Амур в 700 м южнее.

Албазинский острог первой половины 1680-х годов

В конце ноября 1681 г. в отписке албазинского приказчика А. Воейкова нерчинскому воеводе Ф. Воейкову был представлен план перестройки Албазинского острога. Она должна была начаться весной 1682 г. Предполагалось, что новый острог будет иметь периметр 160,5 сажень (346,7 м), две проездные, три угловые башни и воеводский двор в северо-западном углу. Проездная восточная башня планировалась со стороны слободы, южная – с полевого края [Албазинское воеводство..., 2019, с. 171].

Сохранилось описание уже построенного Албазинского острога, принятого А. Толбузиным в 1684 г. от приказчика М. Волошникова, где указана длина его стен [Трухин, 2020, с. 206–211]. По подсчетам А. Р. Артемьева, северная стена имела 85 м, южная – 83, западная – 97, восточная – 92 м [1999, с. 110]. По расчетам В. И. Трухина и Е. А. Багрина, длины стен составляли: северная 86–87, южная 76–77, западная 95, восточная 85–86 м [2019, с. 395]. В этих неравномерных длинах сторон и заложена неправильная четырехугольная форма острогов 1680-х гг. Не исключено, что на нее повлияла привязка к контуру крепости Черниговского, которая целиком вошла в новый ансамбль деревянных конструкций, составив своей западной стенкой с двумя башнями единую стену нового острога вдоль Амура.

Однако в описи А. Толбузина размеры стен даны от башни до башни, без учета их размеров. Угловая юго-восточная башня была 6×6 м, юго-западная (на берегу Амура) и северо-восточная – $6,5 \times 6,5$ м. В. И. Трухиным и Е. А. Багриным размер стороны проезжей башни с восточной стороны определен в 8,64 м, а диаметр восьмиугольной («круглой») в южной стене не обозначен [2019, с. 398–400]. Предположительно, он мог быть 8 м.

Южная, восточная и северная стены с верхними и нижними бойницами с внутренней стороны были дополнительно укреплены плетнем высотой 2 м, отстоящим от них примерно на 70 см. Пространство между ними было засыпано землей. К верхним бойницам были сделаны помосты шириной 2 м и семь лестниц к ним. Сверху стена была прикрыта крышей из двойного слоя досок с зубцами (рис. 1, 7) [Трухин, Багрин, 2019, с. 396; Трухин, 2020, с. 210].

Включение в конструкцию новой крепости острога Черниговского позволило сократить расход стволов деревьев для тына западной стены. Внутри нового острога располагалась уже готовая огороженная зона с отдельным входом, с тремя жилыми башнями, амбаром и, возможно, к этому времени уже выкопанным колодцем. Что касается находившейся здесь церкви Воскресения Николая Чудотворца, то ее судьба пока не известна. В то же время необходимо было убрать внешние оборонительные укрепления этого острога (надолбы, часовню в них), закопать значительной ширины и глубины ров. Заостренные лиственничные бревна надолбов могли использовать для забутовки рва, но, чтобы сровнять его с поверхностью нового острога, нужен был грунт, который не находился «под рукой», так как вала рядом со рвом не было.

Что касается места старого острога Черниговского внутри новой крепости 1682 г., то в реконструкциях возникает определенное противоречие: его помещают то в средней части западной стороны, то со смещением к юго-западному или к северо-западному углу (рис. 1, 8; рис. 2, 1). Исходя из предположения о том, что острог Черниговского с южной стороны был построен близко к обрывистому краю речки, имел ров шириной около 5 м, южная стена нового острога должна была проходить минимум в 5 м от стены старого сооружения. Для сооружения рва у южной стороны нового острога также нужно было пространство, т. е. она явно не находилась на краю высокого берега речки, а располагалась на некотором расстоя-

нии севернее края, позволявшего выкопать в этом пространстве ров шириной около 6 и глубиной до 3 м и насыпать вал с внешней стороны.

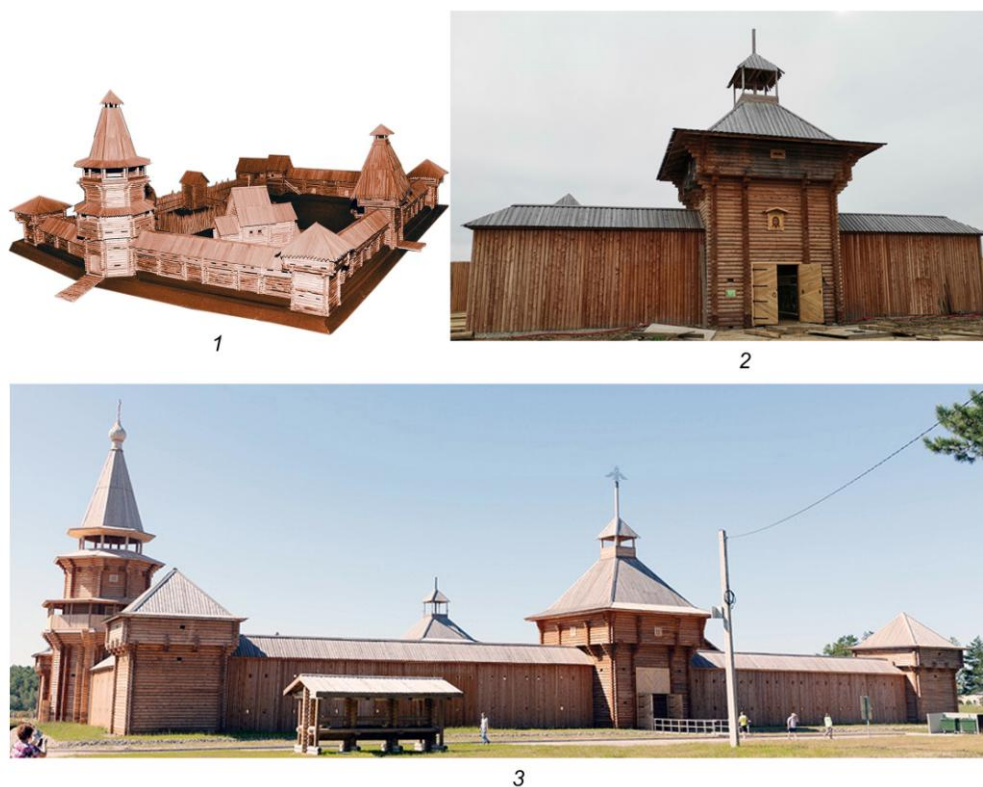

Рис. 2. Макет Албазинского острога из Амурского областного краеведческого музея (1) и виды с востока на реконструкцию Албазинского острога Черниговского (2) и крепости 1682–1685 гг. (3) в благовещенском парке «Патриот»

Fig. 2. Model of the Albazin fort from the Amur Regional Museum of Local Lore (1), and views from the east of the reconstruction of the Albazin fort of Chernigovskiy (2) and the fortress of 1682–1685 (3) in Blagoveshchensk Patriot Park

Таким образом, выясняется одна важная деталь Албазинских острогов: их южные стены не стояли на краю обрывистого берега речки, а располагалась севернее него. При этом южная стена острога Черниговского должна была находиться от него на более значительном расстоянии, чем стена новой крепости.

В июне 1685 г. во время первой маньчжурской осады тыновые стены Албазинского острога, возведенные в первой половине 1682, а с западной стороны частично еще Н. Черниговским в 1672 г., не выдержали артиллерийского обстрела. Защитники после гибели более 100 человек из 450 капитулировали [Александров, 1984, с. 142]. Согласно инструкциям императора Канси (Сюань Е), маньчжурское командование разрешило русским уйти в Нерчинск. «Городские строения Албазина были сожжены, а город срыт до основания», хлеб на полях скошен [Мелихов, 1974, с. 168].

Последний Албазинский острог второй половины 1680-х годов

В июле 1685 г. нерчинский воевода И. Е. Власов отправил в разведку до Албазина отряд Я. Телицына, который установил, что маньчжуры от него отступили, при этом урожай зерновых с полей ими был собран не полностью. По словам маньчжурского дезертира, проживав-

шего на албазинском пепелище, здесь оставалось много «русского запаса» [Александров, 1984, с. 144–145].

И. Е. Власов велел А. Толбузину, приехав в Албазинский уезд, поставить хотя бы малую крепость для охраны уборки урожая с полей. После «...по Амуру вниз на левой стороне близь воды и лесу, острог или город поставить, и чтоб было можно для осадного времени колодезь выкопать; а острог велел строить со всякими городовыми укреплениями, ниже старого Албазинского острожного места. ... В каких местах острог или город поставлен будет, и сколь далеко от старого Албазинского острожного места, и что около того новопоставленного острогу или городу учинено будет всяких крепостей, и тому всему велел я ему Алексею учинить образец *дровяной или чертеж* (выделено нами. – С. Н.), и тот образец или чертеж послать к великим государем к Москве в Сибирской Приказ» [Албазинское воеводство..., 2019, с. 333].

По сути, это место должно было быть южнее речки, протекавшей под возвышением, на котором находился прежний Албазин. По высотным отметкам разница между албазинским возвышением и предполагаемой новой строительной площадкой с точки зрения стратегической высоты проигрывает более выгодному положению старой крепости. Возможно, именно эти соображения заставили А. Л. Толбузина и казаков отказаться от предложения нерчинского воеводы и приступить к восстановлению острога на старом месте. Что касается макета острога для Москвы, то он это сделал в деревянном исполнении сразу после начального возведения земляных стен [Там же, с. 334, 335]. Известны четыре рисунка Албазинского острога, один из которых происходит из свидетельства А. Бейтона, руководившего обороной после гибели А. Толбузина (рис. 1, 9–12). В одном из них показаны вертикальные деревянные стены (бруствер), стоящие на валу, в трех других представлены его планы [Трухин, Багрин, 2019, с. 390]. Последние несколько различаются между собой, возможно, они являются отражением этапов строительства острога. В таком случае рисунки А. Бейтона и Н. Витсена можно считать близкими к конструкции, которую удалось построить до начала осады ее маньчжурами в июле 1686 г.

Можно полагать, что вновь отстроенный в 1685–1686 гг. острог по внутренней длине стен был близок размерам крепости 1682 г. Земляное основание валов шириной 8,64 м и высотой 3,69 м (на первом этапе насыпали вал 3,24 м, а выше не успели из-за замерзшей земли [Албазинское воеводство..., 2019, с. 334]), видимо, начиналось от линии сожженной стены из тына. Об этом свидетельствуют данные геофизической съемки 2011 г. и современная длина в 92 м внутренней линии сохранившегося полностью восточного вала (рис. 1, 14) [Нестеров, 2017, с. 115, 121].

На валах были установлены два ряда бревенчатых стен, обмазанных глиной, внутреннее пространство между которыми было заполнено грунтом. Три деревянные башни усиливали защиту стен с напольных сторон. Они были двойные, с бойницами, промежутки между стенами засыпаны землей, крыши на башнях не успели возвести, как и выполнить предписание нерчинского воеводы И. Власова об усилении башней западной береговой стены [Трухин, Багрин, 2019, с. 410]. В. И. Трухин и Е. А. Багрин предлагают реконструировать последний Албазинский острог согласно чертежу А. Бейтона и результатам раскопок С. В. Глинского и В. В. Сухих, которые на плане в 1974 г. отметили угловые расширения, но таковых не видно в серединах сохранившихся валов, где должны были стоять деревянные башни (рис. 1, 13) [Там же, с. 411–412].

Новая конструкция деревянно-земляных стен крепости в сочетании со рвом с трех сторон смогла выдержать обстрелы маньчжурских пушек, длительную осаду, и ее три вала сохранились до сих пор. Несмотря на специальный пункт в Нерчинском договоре от 28 августа 1689 г. о том, что «город, построенный в настоящее время Русским государством в теперешней местности Якса» должен быть разрушен и срыт до основания, этого не произошло [Албазинское воеводство..., 2019, с. 478, 485].

Заключение: некоторые итоги и полноразмерная реконструкция Албазинского острога

Проведенный анализ письменных источников, результатов археологического и архитектурного исследований Албазинского острога дал возможность отметить некоторые новые моменты в истории Албазинских острогов.

Е. П. Хабаров действительно использовал городок князя Албазы в качестве резиденции своего пребывания на Амуре в середине XVII в. Пока не удалось выяснить дальнейшую судьбу этого городка, но русские казаки его не сжигали, в отличие от первого Лавкаева недалеко от устья Урки. Местонахождение городка Албазы пока с очевидностью не устанавливается, как и острожка казаков, которые они поставили в 1650 г. после неудачного штурма княжеской цитадели.

Первый русский Албазинский острог Черниговского был построен, вероятно, не в 1665–1666 гг., а в 1672 г. на том самом месте, где и сейчас находятся остатки последующих крепостных сооружений. Его небольшая площадь позволяла лишь возвести амбар, церковь, выкопать колодец и содержать в нем гарнизон ~ 200 чел. [Трухин, Багрин, 2019, с. 393]. Остальное население Албазина проживало в домах рядом с ним.

В 1682 г. вокруг острога Черниговского возвели большую деревянную крепость, полностью включив его в ее ансамбль. С момента возведения конструкции Н. Черниговским прошло около 10 лет, и информации о том, что при возведении тыновых стен нового острога старые бревна прежнего сооружения были заменены, нет. В западной стене нового острога оказался участок, ослабленный состоянием постаревшего дерева (см. рис. 2, 1). Для того чтобы понять, в какой части западной стены располагался малый острог Черниговского, прежде всего необходимо обнаружить его ров, явно засыпанный при включении в большой острог (необходима, пока еще возможно, постановка стратиграфической траншеи с севера на юг ближе к береговому краю). От этого зависит, какое место он занимал внутри периметра нового острога. Сейчас это достоверно не определено, что привело к появлению нескольких вариантов реконструкций острога первой половины 1680-х гг. Отсюда «неустойчивым» оказывается месторасположение церкви Воскресения Иисуса Христа, которую то привязывают к восьмиугольной южной башне, то не помещают в периметр острога вовсе.

Выполненная в Амурском государственном университете 3D-модель Албазинского острога весьма насыщена строениями (см. рис. 1, 8), так как авторы исходили, в том числе, и из рисунка «Luosha», где изображено около 65 деревянных строений, два из которых – это стоящие рядом большие шатровые сооружения [Еремин и др., 2021, с. 15, рис. 21; с. 17, рис. 23]. Реализация полноразмерной имитации Албазинского острога была осуществлена в парке «Патриот» севернее Благовещенска. В ее основу были положены конструктивные особенности деревянной крепости 1682–1685 гг. (рис. 2, 2, 3).

Наверное, следующим этапом должно стать восстановление деревянно-земляной крепости второй половины 1680-х гг. в с. Албазино. Сохранившиеся до наших дней валы, данные письменных источников, результаты многолетних раскопок позволят сделать ее полную копию, несмотря на утерю в результате природных процессов западного вала и части ее площади.

Список литературы

- Албазинское воеводство (сборник документов). Хабаровск, 2019. 628 с.
- Александров В. А.** Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Кн. изд-во, 1984. 272 с.
- Артемьев А. Р.** Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII в. Владивосток, 1999. 336 с.

- Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1848. Т. 3. 576 с.
- Еремин И. Е., Коробий Е. Б., Нацвин А. В., Трухин В. И., Лохов А. Ю.** Высокотехнологичный макет Албазинского острога // Информатика и системы управления. 2021. № 3 (69). С. 3–24.
- Зуев А. С.** Описание Забайкалья и Приамурья 1681 года // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 122–132. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-122-132
- Мелихов Г. В.** Маньчжуры на северо-востоке (XVII в.). М.: Наука, 1974. 249 с.
- Нестеров С. П.** Город Албазин на Амуре: численность жителей в последней четверти XVII века // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45, № 2. С. 113–122.
- Трухин В. И.** Албазинский острог: от «росписи» до «росписи» // История России, Венгрии и Китая в исследованиях современных ученых. СПб.: Президентская библиотека, 2020. Вып. 5. С. 200–215.
- Трухин В. И., Багрин Е. А.** Албазинский острог в 1665/1666–1689 гг.: фортификация и защитники – опыт исторической реконструкции // История военного дела: исследования и источники. 2019. Т. 10. С. 385–431. URL: http://www.milhist.info/2019/01/30/tryxin_bagrin (дата обращения 20.02.2024).
- Чулков Н. П.** Ерофей Павлов Хабаров. Добытчик и прибыльщик XVII века // Русский архив. М.: Университетская тип., 1898. Т. 2. С. 177–190.

References

- Albazinskoe voevodstvo (sbornik dokumentov) [Albazin Voivodeship (Collection of Documents)]. Khabarovsk, 2019, 628 p. (in Russ.)
- Aleksandrov V. A.** Rossiya na dal'nevostochnykh rubezhakh (vtoraya polovina XVII v.) [Russia on the Far Eastern Frontiers (Second Half of the 17th Century)]. Khabarovsk, Book Publ., 1984, 272 p. (in Russ.)
- Artemiev A. R.** Goroda i ostrogi Zabaikal'ya i Priamur'ya vo vtoroi polovine XVII – XVIII v. [Cities and Forts of Transbaikalia and the Amur Region in the Second Half of the 17th – 18th Century]. Vladivostok, 1999, 336 p. (in Russ.)
- Chulkov N. P.** Erofei Pavlov Khabarov. Dobytchik i pribyl'shchik XVII veka [Erofeev Pavlov Khabarov. Getter and Profit-maker of the 17th Century]. In: Russkii arkhiv [Russian Archive]. Moscow, Uni. Press., 1898, vol. 2, pp. 177–190. (in Russ.)
- Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye arkheograficheskoi komissiei [Additions to Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg, Printing house of Eduard Prats, 1848, vol. 3, 576 p. (in Russ.)
- Eryomin I. E., Koroby E. B., Natsvin A. V., Trukhin V. I., Lokhov A. Yu.** Vysokotekhnologichnyi maket Albazinskogo ostroga [High-tech Model of Albazinsky Fort]. *Informatika i sistemy upravleniya [Informatics and control systems]*, 2021, no. 3 (69), pp. 3–24. (in Russ.)
- Melikhov G. V.** Man'chzhury na severo-vostoke (XVII v.) [Manchus in the Northeast (XVII Century)]. Moscow, Nauka, 1974, 249 p. (in Russ.)
- Nesterov S. P.** Gorod Albazin na Amure: chislennost' zhitelei v poslednei chetverti XVII veka [Albazin, a Russian Town on the Amur: Population Size in the Late 1600s]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia]*, 2017, vol. 45, no. 2, pp. 113–122. (in Russ.)
- Trukhin V. I.** Albazinskii ostrog: ot "rospisi" do "rospisi" [Albazinsky Fort: from "Painting" to "Painting"]. In: Istoriya Rossii, Vengrii i Kitaya v issledovaniyakh sovremennykh uchenykh [History of Russia, Hungary and China in the research of modern scientists]. St. Petersburg, Presidential Library, 2020, iss. 5, pp. 200–215. (in Russ.)

- Trukhin V. I., Bagrin E. A.** Albazinskii ostrog v 1665/1666–1689 gg.: fortifikatsiya i zashchitniki – opyt istoricheskoi rekonstruktsii [Albazinsky Fort in 1665/1666–1689, Fortification and Defenders, the Experience of Historical Reconstruction]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki* [History of Military Affairs: Research and Sources], 2019, vol. 10, pp. 385–431. URL: http://www.milhist.info/2019/01/30/tryxin_bagrin/ (in Russ.) (accessed 20.04.2024)
- Zuev A. S.** Description of the Transbaikal and the Amur Region in 1681. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 122–132. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-122-132

Информация об авторе

Сергей Павлович Нестеров, доктор исторических наук
Scopus Author ID 2623118800
RSCI Author ID 76569
SPIN 4987-4555

Information about the Author

Sergei P. Nesterov, Doctor of Sciences (History)
Scopus Author ID 2623118800
RSCI Author ID 76569
SPIN 4987-4555

*Статья поступила в редакцию 05.04.2024;
одобрена после рецензирования 30.05.2024; принята к публикации 30.05.2024
The article was submitted on 05.04.2024;
approved after reviewing on 30.05.2024; accepted for publication on 30.05.2024*

Научная статья

УДК 902.6

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-116-124

Глиняная посуда русского населения Западной Сибири XVII–XVIII веков: технология производства и хронология

Кристина Олеговна Базарная

Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения

Института археологии и этнографии

Сибирского отделения Российской академии наук

Омск, Россия

sopova.kr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8563-1319>

Аннотация

Представлен анализ русской керамики из датированных археологических комплексов Нового времени. Проведен технико-технологический анализ керамики Мангазеи, Тобольска, Тары. Целью является разработка хронологии бытования глиняной посуды русского населения Западной Сибири Нового времени. Определение технологии производства керамики базировалось на историко-культурном подходе исследования керамики, предложенном А. А. Бобринским. В результате выявлено три хронологических периода, на протяжении которых технологические и морфологические признаки оставались относительно стабильными. Однако выявлены и различия: преобладание в первой четверти XVII в. лощеной посуды, в третьей четверти XVII в. керамики, выполненной полностью на гончарном круге, увеличение вариативности дополнительной обработки поверхности. Для XVIII в. характерно большее разнообразие орнаментированной и глазурованной керамики, появляется новая форма – крынка. Кроме этого, выявлены морфологические особенности профилировки венчиков горшков на протяжении выделенных периодов. Дальнейший анализ керамики из закрытых, надежно датированных археологических комплексов позволит создать более детальную хронологическую шкалу для русской сибирской керамики.

Ключевые слова

Западная Сибирь, Новое время, керамика, технико-технологический анализ, хронология

Благодарности

Исследование выполнено по теме Госзадания FWZG-2022-0005 «Исследования археологических и этнографических памятников в Сибири эпохи Российского государства».

Автор благодарит О. М. Аношко, Г. П. Визгалова и С. Ф. Татаурова за предоставленную возможность работы с коллекциями.

Для цитирования

Базарная К. О. Глиняная посуда русского населения Западной Сибири XVII–XVIII веков: технология производства и хронология // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 7: Археология и этнография. С. 116–124. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-116-124

© Базарная К. О., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 7: Археология и этнография. С. 116–124

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 116–124

Pottery of the Russian Population of Western Siberia of the 17th – 18th Centuries: Production Technology and Chronology

Kristina O. Bazarnaya

Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology
of the Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Omsk, Russian Federation
sopova.kr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8563-1319>

Abstract

Introduction. The purpose of the study is to develop a chronology of the existence of pottery of the Russian population of Western Siberia in Modern times. The task is to identify and analyze chronologically significant signs of pottery from archaeological complexes of Modern times. The processing of dated archaeological complexes containing ceramic material served as the basis for determining the chronology of pottery. To build a chronological scale of Russian ceramics of Modern times, a technical and technological analysis of ceramics from urban monuments: Mangazeya, Tobolsk. The definition of ceramic production technology was based on the historical and cultural approach of ceramics research proposed by A. A. Bobrinsky. The analysis of ceramic manufacturing technology includes the following sections: the study of the composition of the molding masses, the method of constructing the vessel, methods of surface treatment, firing.

Results. Ceramics from the layers of the Tarsk fortress of the 17th and 18th centuries are analyzed. The most common recipes for clay paste are the following: clay + sand, clay + chamotte, clay + organic. Most of the dishes are made on a circle or by sculptural modeling with modification on a circle and fired in a reducing medium. The ceramics of the Tobolsk Kremlin are made of clay paste consisting of clay, sand of different sizes and concentrations, clay and organic, clay + stone. It is made by sculptural modeling with modification on a circle, fired in a reducing medium. Typical for Mangazey ceramics are admixtures of sand, chamotte, dry clay and organic. The dishes were made sculptural by tape with a hand-made potter's wheel.

Conclusion. Three chronological periods were revealed. The predominance in the first quarter of the 17th century of polished tableware, in the third quarter of the 17th century of ceramics made entirely on a potter's wheel, an increase in the variability of additional surface treatment. The 18th century was characterized by a greater variety of ornamented and glazed ceramics, and a new shape named "krynka" appeared. The morphological features of the profiling of the corollas of pots during the selected periods are revealed. Further analysis of ceramics from reliably dated archaeological complexes will allow us to create detailed chronological scale for Russian Siberian ceramics.

Keywords

Western Siberia, Modern Age, ceramics, technical and technological analysis, chronology

Acknowledgements

The research was carried out on the topic of the State Task FWZG-2022-0005 "Research of archaeological and ethnographic monuments in Siberia of the era of the Russian state".

The author thanks O. M. Anoshko, G. P. Vizgalov and S. F. Tataurov for the opportunity to work with the materials.

For citation

Bazarnaya K. O. Pottery of the Russian Population of Western Siberia of the 17th – 18th Centuries: Production Technology and Chronology. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 116–124. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-116-124

Введение

Хронология археологических объектов относится к разряду наиболее актуальных вопросов. Эта задача решается на основе анализа материалов раскопок, данных письменных источников, использования естественнонаучных методов. Важнейшим источником среди археологических материалов, всегда вызывающим особый интерес у исследователей, является керамика. В формах керамики, технологических деталях ее изготовления и орнаментации отражаются хронологические изменения. Это позволяет рассматривать ее в качестве хронологического индикатора и использовать как для создания хронологии и периодизации археологических культур в целом, так и для определения датировки конкретных памятников

и объектов [Болдин, 2012] Стремление привлекать керамические материалы объясняется их массовым наличием в культурном слое памятников.

Цель – разработка хронологии бытования глиняной посуды русского населения Западной Сибири Нового времени. В основу исследования положена такая особенность керамики, как существенная изменчивость во времени и в силу этого способность служить определителем того или иного временного интервала. Задача – выявление и анализ хронологически значимых признаков глиняной посуды из археологических комплексов Нового времени. Исследование велось в трех основных направлениях:

- 1) технико-технологический и морфологический анализ керамической посуды русского населения Западной Сибири для реконструкции этапов керамического производства;
- 2) выявление хронологических признаков и построение временных колонок для разных типов и форм русской посуды;
- 3) сравнение керамического производства Тарского Прииртышья XVII–XVIII вв. с другими синхронными русскими памятниками Западной Сибири.

Обработка датированных археологических комплексов, содержащих керамический материал, послужила основанием для определения хронологии глиняной посуды. Для построения хронологической шкалы русской керамики Нового времени проведен технико-технологический анализ керамики из городских памятников: Мангазеи, Тобольска, Тары – закрытых комплексов или с четко датированными слоями. Предметом анализа выступает археологическая керамическая посуда кухонного, столового и тарного назначения.

Изучение датирующих особенностей керамического материала базируется на разделении гончарных изделий на определенные совокупности по тому или иному признаку [Болдин, 2012, с. 18]. Определение технологии производства керамики проводилось с использованием специального комплекса методов, базирующегося на историко-культурном подходе к исследованию керамики [Бобринский, 1978]. Основной объем керамических находок представлен во фрагментированном виде. Поэтому кроме целых форм для анализа использовались фрагменты верхних частей сосудов, которые однозначно можно отнести к разным изделиям, фрагменты донцев. Выбор критериев, по которым проводился анализ керамики, обусловлен возможностью фиксации признаков по образцам готовой продукции керамического производства и изменчивостью этих признаков во времени.

Анализ технологии изготовления керамики включает в себя следующие разделы: изучение состава формовочных масс, способ конструирования сосуда (если можно зафиксировать), способы обработки поверхности, особенности придания прочности и влаго-непроницаемости сосудам (обжиг). Исследование технологических особенностей керамики выполнялось при помощи бинокулярной микроскопии (микроскоп МБС-10) поверхностей и изломов сосудов. Методологические аспекты сформулированы в работах А. А. Бобринского [1978; 1999], Ю. Б. Цетлина [2012; 2017] и др.

Морфологические характеристики сосудов позволяют находить закономерности и особенности эволюции формы профиля и могут рассматриваться как маркеры изменений этих признаков во времени. Анализ проводился по венчикам горшков как самого представленного типа посуды на исследованных памятниках.

Результаты исследования

Керамическое производство Тарской крепости в XVII–XVIII вв. Для анализа использованы материалы раскопок Тарской крепости из датированных слоев. Проанализировано 294 венчика от разных сосудов и 14 целых или археологически целых форм из фондов Омского историко-краеведческого музея. Выделены следующие формы: в категории кухонной посуды – горшки, корчаги, крышки, сковороды, латки; столовой – миски, тарелки, сливочки; канцелярской и технической посуды – чернильницы и рукомойки.

Керамика XVII в. Тарской крепости. Этот хронологический период датирован вещевыми наборами и дендродатами закрытых комплексов. Обработана керамика из сторевшей избы первой четверти XVII в. (датирована по дендродатам) и из сруба с подполом – третья четверть XVII в. (датирован по монетам-чешуйкам) – материалы раскопок 2021 г.

Керамика первой четверти XVII в. Основные типы посуды – горшок, корчага. Встречаются миски, латки, горшки со сливом. Формовочные массы различны для разных категорий и типов посуды. Для горшков наиболее часто встречаются следующие рецепты: глина + песок (63 %), глина + шамот, смесь двух глин (по 13,5 %), глина + навоз, глина + навоз + песок (по 5 %). Для сливочников и латок характерный рецепт формовочных масс – глина с добавлением песка. Для мисок – глина с песком или глина с навозом.

По способу конструирования встречаются как лепные и доработанные на круге, так и полностью изготовленные на круге изделия. Для керамики этого хронологического периода выявлено следующее процентное соотношение: 53 % – изготовлено на гончарном круге методом вытягивания из цельного куска глины (РФК-7 по А. А. Бобринскому); 38 % – изготовлены вручную из лент с последующей доработкой на круге (профилирование венчика, заглаживание поверхности – РФК-3 по А. А. Бобринскому); 9 % – сосуды, сделанные полностью методом скульптурной лепки.

Для дополнительной обработки поверхности характерны разнообразные виды заглаживания – тканью, кожей, пальцами, деревянным инструментом. Часто встречаются сосуды с грубым, хаотичным заглаживанием внешней поверхности. Кроме того, посуду ложили – как полностью, так и орнаментальным лощением (рис. 1, 1–3). В единственном экземпляре представлен сосуд, покрытый глазурью коричневого цвета. Орнаментированных изделий – 5 %. Встречаются горшки, оплетенные берестой.

Большинство посуды обожжено в восстановительной среде – цвет излома и черепка темно-серый. Встречается слабообожженная керамика с двух- и трехцветным изломом. Немногочисленна посуда, обожженная в окислительной среде. На $\frac{2}{3}$ проанализированных горшков есть нагар.

Среди проанализированных горшков этой хронологической группы выделяется три варианта:

- 1) плавно изогнутые в наружную сторону венчики с округлым краем – 80 % (рис. 2, 1);
- 2) наклоненные внутрь сосуда венчики без деформации края – 17 % (рис. 2, 2);
- 3) отогнутые наружу прямые венчики с четким переломом профиля с заглаженным краем – 3 % (рис. 2, 3).

Керамика третьей четверти XVII в. Наиболее распространенной формой является горшок, единичны фрагменты сковород и мисок. Преобладают сосуды из глины с примесью песка разного размера и концентрации.

Конструирование посуды такое же, как и для керамики первой четверти XVII в., но в другом процентном соотношении: 78 % выполнено целиком на круге (РФК-7 по А. А. Бобринскому), 13 % – изготовлено вручную и доработано на круге (заглаживание и профилирование венчика) (РФК-3 по А. А. Бобринскому) и 9 % – методом скульптурной лепки без применения гончарного круга.

Поверхность заглаживалась разными способами (деревянным инструментом, тканью), сплошным лощением. Единичны экземпляры, покрытые глазурью коричневого или зеленого цвета (3 %). Орнаментация, представленная на данных сосудах, – вдавленные горизонтальные линии на плечике сосуда, ногтевые вдавления по плечу, косопоставленные линии по венчику (рис. 1, 6–8). Способ обжига аналогичен вышеописанному.

Среди проанализированных горшков этой хронологической группы выделяется четыре варианта:

- 1) вертикальные венчики с округлым или срезанным краем – 43 % (рис. 2, 4);
- 2) вертикальные венчики с завернутым наружу и плотно прижатым к внешней стороне краем – 25 % (рис. 2, 5);

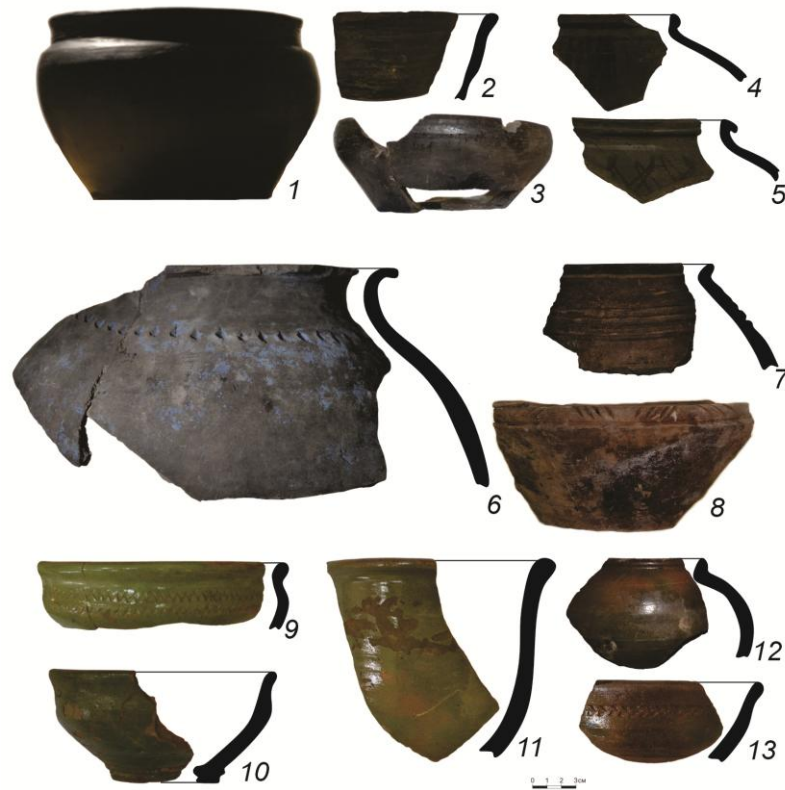

Рис. 1. Технологические особенности изготовления русской керамики XVII–XVIII вв.:
 1–3 – лощеная керамика (Тарская крепость, первая четверть XVII в.); 4, 5 – лощеная керамика (Тобольский кремль); 6–8 – орнаментированная керамика (Тарская крепость, третья четверть XVII в.);
 9–13 – поливная керамика (Тарская крепость, XVIII в.)

Fig. 1. Technological features of the manufacture of Russian ceramics of the 17th – 18th centuries:
 1–3 – polished ceramics (Tarskaya Fortress, the first quarter of the 17th century); 4, 5 – polished ceramics (Tobolsk Kremlin); 6–8 – ornamented ceramics (Tarskaya Fortress, the third quarter of the 17th century);
 9–13 – glazed ceramics (Tarskaya Fortress, 18th century)

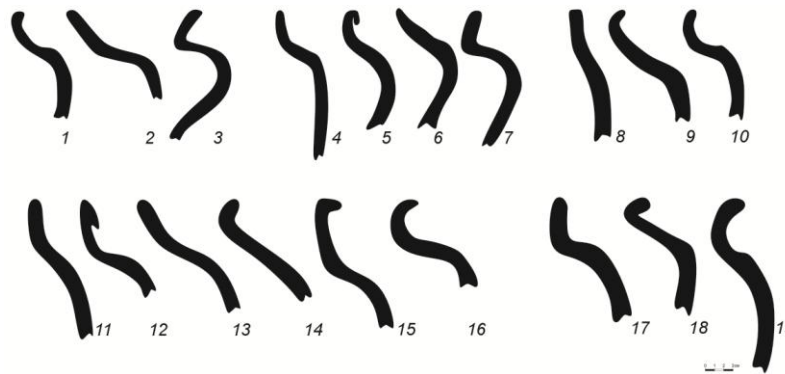

Рис. 2. Варианты морфологии венчиков горшков из датированных объектов Тары, Тобольска и Мангазеи:
 1–3 – Тарская крепость (первая четверть XVII в.); 4–7 – Тарская крепость (третья четверть XVII в.);
 8–10 – Тарская крепость (XVIII в.); 11–16 – Тобольский кремль; 17–19 – Мангазея

Fig. 2. Variants of the morphology of the corollas of pots from dated objects of Tara, Tobolsk and Mangazeya:
 1–3 – Tarskaya Fortress (first quarter of the 17th century); 4–7 – Tarskaya Fortress (third quarter of the 17th century);
 8–10 – Tarskaya Fortress (18th century); 11–16 – Tobolsk Kremlin; 17–19 – Mangazeya

3) наклоненные внутрь сосуда без деформации края – 17 % (рис. 2, 6);

4) отогнутые наружу прямые венчики с четким переломом профиля с заглаженным краем – 15 % (рис. 2, 7).

Керамика XVIII в. Тарской крепости. Хронология определена по датирующим находкам и дендродатам двух срубов (раскопки 2019 г.).

Зафиксирована кухонная посуда – горшки, корчаги, сковороды, крынки; столовая – миски, тарелки; канцелярская и техническая – чернильница, рукомошник. Горшки и корчаги изготавливались из глины с добавлением песка, навоза, шамота. Сковороды – из глины с включением навоза. Крынки – из чистой глины или из смеси двух глин. Миски – из глины с преобладанием примеси песка, навоза, реже смесь двух глин. Тарелка и чернильница – из глины с примесью шамота.

Конструирование сосудов из слоя XVIII в.: 49 % изготовлены целиком на гончарном круге (РФК-7 по А. А. Бобринскому), 28 % – при помощи ленточного налета с дальнейшим использованием круга для заглаживания и профилировки венчика и плечика сосуда либо для вытягивания служебной части емкости сосуда (венчика, плечика) (РФК-4-5 по А. А. Бобринскому), 23 % – полностью лепные сосуды.

В дополнительной обработке поверхности всё те же варианты, что и для керамики XVII в. Отличительной чертой является большее количество керамики с разными вариантами орнамента: ногтевые вдавления по горизонтали вокруг плечика сосуда, волнообразные и горизонтальные прочерченные линии (чаще на горшках), сочетание горизонтальных линий и косопоставленных вертикальных. В XVIII в. значительно больше глазурованной керамики – 13 % (рис. 1, 9–13) (цвета – коричневый, зеленый, горчиный). Встречаются изделия с подглазурной росписью. Вероятно, с развитием гончарного ремесленного производства Тары к XVIII в. поливную посуду начали изготавливать местные мастера. Реже представлены лощенные сосуды. Обжиг в большинстве случаев – восстановительный.

Среди проанализированных горшков этой хронологической группы выделяется три варианта:

1) вертикальные венчики с округлым или срезанным краем – 71 % (рис. 2, 8);

2) наклоненные внутрь сосуда венчики с отогнутым наружу краем – 27 % (рис. 2, 9);

3) плавно изогнутые в наружную сторону венчики с округлым краем – 2 % (рис. 2, 10).

Керамика Тобольского кремля. Коллекции керамики XVII в. получены в ходе раскопок 2000–2007 гг. на территории Тобольского кремля [Балюнов, 2018, с. 121]. Всего обработано 307 фрагментов венчиков, донцев и 5 целых форм из фондов Музейного комплекса имени И. Я. Словцова (Тюмень).

Проанализированы формы кухонной посуды – горшки, крышки для горшков, латки; столовой – миски, технической – цветочные горшки. Большинство сосудов изготовлены из формовочных масс, состоящих из глины и песка разного размера и концентрации, глины и навоза, глины и дресвы. Встречаются сосуды, изготовленные из смеси двух глин. Встречаются включения бурого железняка в составах формовочных масс.

Конструирование сосудов: 75 % изготовлено с использованием гончарного круга для заглаживания, профилирования и частичного конструирования полого тела – фиксируются концентрические следы ротации от использования круга, следы подсыпки дресвы на днищах сосудов (РФК-5 по А. А. Бобринскому). Для 20 % обследованной керамики характерно отсутствие подсыпки и следов среза с круга. В ряде случаев фиксируются закраины – кольцевой вертикальный выступ по окружности днища. Следы лент на внутренней поверхности сосудов, внешняя поверхность более тщательно заглажена на круге, а также венчик профилирован на круге (РФК-3 по А. А. Бобринскому). Полностью вручную, без применения гончарного круга, выполнено 5 % исследованной керамики.

Обработка поверхности – заглаживание (тканью, деревянным инструментом, кожей). Отдельно в общей массе найденных фрагментов по признакам дополнительной обработки поверхности выделяются немногочисленные фрагменты посуды небрежного лощения, они со-

ставляют менее 3 % от общего числа находок. Встречаются сосуды с орнаментальным лощением – 6 % (рис. 1, 4, 5). Тщательно залощенные сосуды – 3 %. Фрагменты керамики, покрытые глазурью коричневого либо зеленого цвета, – 2 % от общего количества проанализированного материала. По мнению И. В. Балюнова представленная единичными экземплярами более качественная лощеная и поливная посуда относится к привозной продукции [Балюнов, 2018, с. 126].

Согласно делению на два отдела – окислительного и восстановительного обжига, тобольская керамика относится к последнему. На изломе основная масса черепков либо темно-серая, либо двух- или трехслойная (центральную часть излома занимает слой темно-серого цвета, прослойки светло-коричневых тонов прилегают к поверхности).

Среди проанализированных горшков Тобольского кремля выделяется шесть вариантов:

- 1) вертикальные венчики с округлым краем – 35 % (рис. 2, 11);
- 2) вертикальные венчики с отогнутым наружу и плотно прижатым к внешней стороне краем – 29 % (рис. 2, 12);
- 3) наклоненные внутрь сосуда венчики с округлым краем – 11 % (рис. 2, 13);
- 4) наклоненные внутрь сосуда венчики с отогнутым наружу краем – 11 % (рис. 2, 14);
- 5) вертикальные венчики с отогнутым наружу краем – 8 % (рис. 2, 15);
- 6) плавно изогнутые в наружную сторону венчики – 6 % (рис. 2, 16).

Керамика Мангазеи датируется XVII в. – временем функционирования города в 1601–1672 гг. [Визгалов, Пархимович, 2008, с. 5]. Проанализировано 388 фрагментов венчиков и донцев кухонной посуды – горшков, сковород, столовой посуды – мисок из фондов Музейно-выставочного комплекса имени И. С. Шемановского (Салехард).

В глиняное тесто в качестве примесей вводили песок, шамот, сухую глину и органику. Песок зафиксирован в 96 % образцов. Выявлено четыре варианта рецептуры формовочных масс: глина + песок – 60 %; глина + песок + шамот – 18 %; глина + органика + песок – 18 %; глина + шамот + сухая глина – 4 %.

Большинство сосудов имеет донный монолитный начин. Дно – цельная лепешка из комка глины, сформованная на поверхности гончарного круга (фиксируются следы подсыпки песка на днищах сосудов). Емкость посуды конструировалась лентами по кругу, заглаживание и частичная профилировка производились при помощи гончарного круга (РФК-3 по А. А. Бобринскому).

Дополнительная обработка поверхности – тщательное заглаживание. Термическая обработка сосудов равномерная, в восстановительной среде. Основная часть посуды местного производства. Привозная посуда представлена фрагментами плотной, тонкостенной серолощенной и поливной керамики, изготовленной из хорошо отмученного глиняного теста, без примесей [Там же, с. 87].

Среди проанализированных горшков Мангазеи выделяется три варианта:

- 1) вертикальные венчики с округлым, срезанным или заостренным краем – 53 % (рис. 2, 17);
- 2) наклоненные внутрь сосуда венчики с отогнутым наружу краем – 33 % (рис. 2, 18);
- 3) плавно изогнутые в наружную сторону венчики – 14 % (рис. 2, 19).

В типологии форм преобладают горшки – приземистые, широкогорлые, с короткими венчиками, едва намеченными шейками, высокими плечиками и раздутыми туловами. Диаметр днищ меньше диаметра венчиков. Аналогичные формы встречены на памятниках XVI–XVII вв. в Новгороде, Москве, Подмосковье, Приуралье и Западной Сибири, как правило, в смешанных комплексах, имеющих широкие даты. Мангазейская коллекция характеризует короткий временной интервал, поэтому может использоваться как эталонная для датировки смешанных и широко датирующихся коллекций [Там же, с. 88].

Заключение

Проведенное исследование датированных керамических коллекций городских комплексов Западной Сибири позволило выделить три хронологических периода: первая четверть

XVII в., третья четверть XVII в., XVIII в., – на протяжении которых технологические признаки оставались относительно стабильными (схожие рецептуры формовочных масс, способы конструирования сосудов и обжига). Но есть и особенности, в частности, в морфологии венчиков горшков и вариантах дополнительной обработки поверхности сосудов (см. таблицу). Для первой четверти XVII в. наблюдается большее количество лощеной посуды (см. рис. 1, 1–5), вероятно, отражающей социальную дифференциацию в обществе. В третьей четверти XVII в. возрастают количество полностью круговой посуды и вариативность дополнительной обработки поверхности (см. рис. 1, 6–8), что свидетельствует о развитии ремесленного производства. Для XVIII в. характерно большее разнообразие орнаментированной и поливной керамики (см. рис. 1, 9–13), отражающее появление новых технологических приемов и, возможно, культурных заимствований. Кроме того, с развитием к концу века товарного молочного производства появляется новая форма посуды – крынка, ранее не встречающаяся.

Отличительные черты русской керамики Западной Сибири XVII–XVIII вв.
Distinctive features of Russian ceramics of Western Siberia of the 17th – 18th centuries

Период		Характерные особенности керамического производства
XVII в.	первая четверть	По сравнению с другими периодами большее число лощеной посуды (рис. 1, 1–5). Наиболее распространенные варианты оформления венчиков горшков: 1) плавно изогнутые в наружную сторону венчики с округлым крем (рис. 2, 1, 10, 16, 19); 2) наклоненные внутрь сосуда венчики с округлым или срезанным краем (рис. 2, 2, 6, 13).
	третья четверть	Увеличение доли круговой посуды. Большое разнообразие дополнительной обработки поверхности (рис. 1, 6–8). Наиболее распространенные варианты оформления венчиков горшков: 1) вертикальные венчики с округлым или заостренным краем (рис. 2, 4, 8, 11, 17); 2) вертикальные венчики с отогнутым наружу и плотно прижатым к внешней стороне краем (рис. 2, 5, 12).
XVIII в.		Увеличение доли поливной посуды (рис. 1, 9–13). Появление новой формы – крынки. Наиболее распространенный вариант оформления венчиков горшков – вертикальные венчики с округлым краем (рис. 2, 4, 11, 17).

Часто исследователи русской керамики Нового времени в Сибири не выделяют конкретные комплексы, которые можно было бы отнести к узко датированному периоду истории, а также используют различные классификации и типологические схемы для описания материалов, что затрудняет создание общей хронологической шкалы для сибирской керамики [Балюнов, 2018, с. 129]. Эта проблема может быть решена путем анализа керамики, происходящей из закрытых, надежно датированных археологических комплексов.

Список литературы

- Балюнов И. В.** Тобольская керамическая посуда конца XVI – XVII века: опыт классификации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 5: Археология и этнография. С. 120–129.
- Бобринский А. А.** Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

- Бобринский А. А.** Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999. С. 5–109.
- Болдин И. В.** Круговая керамика бассейна Верхней Оки во II тыс. н. э. Проблемы периодизации и хронологии. Калуга: Буки Вед, 2012. 172 с.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.** Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.
- Цетлин Ю. Б.** Древняя керамика: теория и методы историко-культурного подхода. М.: Изд-во ИА РАН, 2012. 379 с.
- Цетлин Ю. Б.** Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: Изд-во ИА РАН, 2017. 346 с.

References

- Balyunov I. V.** Tobol'skaya keramicheskaya posuda kontsa XVI – XVII veka: opyt klassifikatsii [Tobolsk ceramic tableware of the late 16th – 17th century: classification experience]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 5, pp. 120–129. (in Russ.)
- Bobrinsky A. A.** Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery technology as an object of historical and cultural study]. In: Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva [Actual problems of studying ancient pottery]. Samara, SamSPU Press, 1999, pp. 5–109. (in Russ.)
- Bobrinsky A. A.** Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study]. Moscow, Nauka, 1978, 272 p. (in Russ.)
- Boldin I. V.** Krugovaya keramika basseina Verkhnei Oki vo II tys. n. e. Problemy periodizatsii i khronologii [Circular ceramics of the Upper Oka basin in the 2nd millennium AD. Problems of periodization and chronology]. Kaluga, Buki Ved Publ., 2012, 172 p. (in Russ.)
- Tsetlin Yu. B.** Drevnyaya keramika: teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ancient ceramics: Theory and methods of historical and cultural approach]. Moscow, IA RAS Publ., 2012, 379 p. (in Russ.)
- Tsetlin Yu. B.** Keramika. Ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ceramics. Concepts and terms of the historical and cultural approach]. Moscow, IA RAS Publ., 2017, 346 p. (in Russ.)
- Vizgalov G. P., Parkhimovich S. G.** Mangazeya: novye arkhologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.) [Mangazeya: new archaeological research (materials 2001–2004)]. Ekaterinburg, Nefteyugansk, Magellan Publ., 2008, 296 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Кристина Олеговна Базарная, инженер-исследователь
Scopus Author ID 57221564842
WoS Researcher ID ABC-3939-2020
SPIN 7789-7580

Information about the Author

Kristina O. Bazarnaya, Research Engineer
Scopus Author ID 57221564842
WoS Researcher ID ABC-3939-2020
SPIN 7789-7580

*Статья поступила в редакцию 12.02.2024;
одобрена после рецензирования 30.05.2024; принята к публикации 30.05.2024
The article was submitted on 12.02.2024;
approved after reviewing on 30.05.2024; accepted for publication on 30.05.2024*

Научная статья

УДК 903.223

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-125-138

Бурятский традиционный лук в собрании Российского этнографического музея (по документам о поступлении до 1930-х годов)

Роман Михайлович Харитонов¹

Елена Анатольевна Андреева²

Валерия Алексеевна Михиенко³

^{1,3} Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

² Российский этнографический музей
Санкт-Петербург, Россия

¹ tengeri_ashina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1699-046X>

² umbra2005@yandex.ru

³ volnavvv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7861-5983>

Аннотация

Рассмотрены шесть единиц хранения из фондов Российского этнографического музея (Санкт-Петербург), собранных на территории проживания бурят или интерпретированных как бурятские луки (сборы Ц. Жамцарано, С. И. Руденко, А. П. Баранникова). Три предмета определены как бурятские сложные луки, выполненные в местной производственной традиции XIX – начала XX в., набор накладок предметов не полный, основа цельнодеревянная, берестяная и сухожильная оклейки сильно повреждены. Проанализированные предметы подтверждают общность представлений бурятских мастеров о параметрах и внешнем виде готового изделия, резко выделяющих бурятскую традицию относительно соседних. Два являются детскими игрушками, отражающими особенности сложных изделий, используемых бурятами. Под одним номером хранятся детали разных луков, их идентификация затруднена.

Ключевые слова

традиционный лук, Российский этнографический музей, буряты, Забайкалье, Предбайкалье, оружие

Для цитирования

Харитонов Р. М., Андреева Е. А., Михиенко В. А. Бурятский традиционный лук в собрании Российского этнографического музея (по документам о поступлении до 1930-х годов) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 7: Археология и этнография. С. 125–138. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-125-138

Buryat Traditional Bow in the Collection of the Russian Museum of Ethnography (According to Documents on Receipt before the 1930s)

Roman M. Kharitonov¹, Elena A. Andreeva², Valeriya A. Mikhienko³

^{1,3} Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

² The Russian Museum of Ethnography
St. Petersburg, Russian Federation

¹ tengeri_ashina@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0003-1699-046X>

² umbra2005@yandex.ru

³ volnavvv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7861-5983>

Abstract

Purpose. The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg) is today one of the largest specialized ethnographic museums in Russia. Many weapons, including traditional bows, are stored in its funds. The source base of the study was 11 traditional bows collected in the territory of the Buryats (Baikal and Transbaikalia) or interpreted as Buryat and entered the museum before the 1930s.

Results. The studied museum exhibits can be divided into two groups: compound bows and children's toys. Compound bows (collections of Ts. Zhamtsarano, Lektsoikom Zhabe, A. P. Barannikov) were damaged as a result of contact with moisture (flood in St. Petersburg in 1924) or dismantled into parts: horn plates and tendons detached, birch bark was removed, their geometry was violated. Three bows have the same wooden base, the same size of functional sections (handle, elastic shoulders, end stiffness zones), but a different set of overlays: two bows were strengthened along the front to the middle of the transition zones, one bow is additionally equipped with long end frontal overlays and side shoulder overlays. Similar morphometric parameters are observed on most objects from the museum collections of the Baikal region, are found in ancient images of bows and are associated with Buryat masters. The details of different bows are stored under the same number and cannot be used to characterize the traditional Buryat bow. Two bows are represented by children's toys (assembled by S. I. Rudenko), one of which is additionally equipped with end stiffness zones and a double bowstring cutout.

Conclusion. The described objects have direct analogies among the Buryat bows and reflect the local original weapon tradition of the 19th – early 20th centuries. Such products differ from the most popular Manchurian bows in Central Asia in the proportions of functional zones and technological techniques. These products confirm the fact that the solid wood base was one of the main distinguishing features of the Buryat tradition.

Keywords

traditional bow, the Russian Museum of Ethnography, Buryats, Transbaikalia, Cisbaikalia, weapons

For citation

Kharitonov R. M., Andreeva E. A., Mikhienko V. A. Buryat Traditional Bow in the Collection of the Russian Museum of Ethnography (According to Documents on Receipt before the 1930s). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 125–138. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-125-138

Введение

Важную роль в изучении и понимании особенностей ручного метательного оружия народов прошлого играют целиком сохранившиеся предметы, полученные в ходе этнографических изысканий. Поздние конструкции, уже не предназначенные для поражения живой силы противника, могут иметь те же конструктивные элементы, что и более ранние боевые и универсальные аналоги. Особенно важным для правильной интерпретации материала являются исторический и культурный контекст, место изготовления и сборов, в частности, если предметы имеют утилитарное назначение и не потеряли своих качеств.

Одним из крупнейших специализированных отечественных музеев, содержащих значительные по масштабам коллекции оружия, является Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург (далее – РЭМ). На сегодняшний день в его фондах хранится 11 традиционных луков, собранных на территории проживания бурят или интерпретированных как бу-

бурятские. Особый интерес представляют предметы, поступившие в музей до 1930-х гг. (шесть единиц хранения) (рис. 1, 2). Во-первых, эти предметы не являются специализированными спортивными (спортивная бурятская конструкция, связанная с мастерами агинских бурят, распространившаяся примерно с середины XIX в.), во-вторых, они были собраны специалистами в ходе профессиональных этнографических изысканий, благодаря чему музейные данные содержат информацию о месте сбора и времени поступления, а также описания предметов на момент регистрации.

Ранее отдельные предметы из РЭМ уже привлекались для изучения материальной культуры бурят [Бадмаев, 1997, с. 76], однако детально охарактеризованы не были.

Важной особенностью является то, что отдельные предметы значительно повреждены, в частности, из-за наводнения 1924 г. Это делает возможным проследить те элементы конструкций, которые чаще всего скрыты в целых предметах или не сохраняются в археологических памятниках, что еще в большей степени актуализирует обращение к данным материалам. Морфологические особенности поврежденных предметов позволяют соотносить их с целыми луками из других музейных и частных коллекций, что значительно дополнит наши знания о технологии и устройстве конкретных конструкций и их вариаций.

Целью настоящего исследования является ввод в научный оборот и выявление конструктивных особенностей бурятских луков, поступивших в фонды РЭМ до 1930-х гг., для последующей их атрибуции и расширения представлений о ручном метательном оружии бурят.

Методы исследования

Для описания и изучения предметов неприменим классический оружейведческий метод, заключающийся в классификации луков по внешним формальным признакам (основным является форма накладок и их положение на кибители). Это связано с сохранностью предметов: все изделия значительно повреждены и не отражают целой конструкции, при этом следы несохранившихся накладок или иных конструктивных элементов четко прослеживаются. Таким образом, для наиболее полной характеристики материалов представлено индивидуальное описание их конструкции на момент осмотра. Подобный принцип изучения целых изделий неоднократно апробирован в работах отечественных специалистов [Милованов, Иерусалимская, 1976; Ермолов, 1987; Артемьев, 1990; Бравина, Дьяконов, 2020].

Характеристика дается в рамках представлений о луке как о сложном изделии, включающем тетиву и корпус (рабочая часть). Корпус лука состоит из рукояти (с отдельной областью хвата) и плеч. Плечи «сложных» луков (оснащенных негнушимися концами) можно разделить на «упругие» плечи (рабочая упругая часть плеч) и концевые зоны жесткости, которые, в свою очередь, разделяются на негнущиеся концы и переходные зоны (специальные области, расположенные между концами и упругими плечами, в которых происходит достижение необходимого угла между функциональными зонами и постепенно возрастает жесткость корпуса). Внешнюю часть корпуса (направленную в сторону выстрела) традиционно называют спинкой, внутреннюю – животом, под кибитью понимается деревянная основа. Фронтальные пластины укрепляли корпус со стороны стрелка, боковые – боковую поверхность, тыльные – спинку. Место контакта тетивы и корпуса в переходных зонах оснащали подпорками.

Для характеристики схожих конструктивных элементов выделено три основных параметра: морфология и размерные характеристики корпуса, устройство деревянной основы, набор накладок. Параметры и их изменение, а также описание морфологии корпуса даются от центра корпуса к окончаниям.

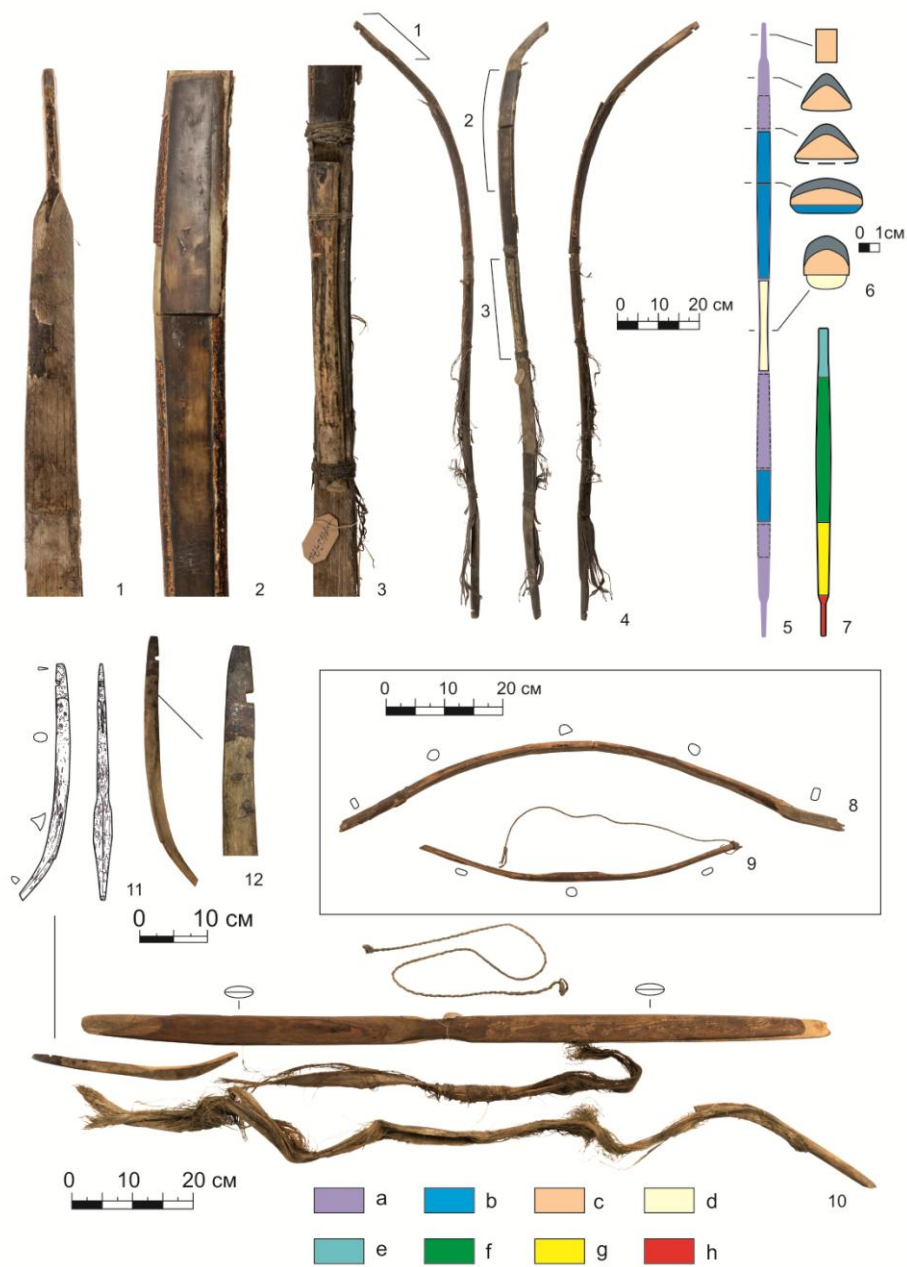

Рис. 1. Луки РЭМ 1165-17 (1-7), РЭМ 1165-18 (10-12), РЭМ 4040-210 и РЭМ 4040-212:

1 – внутренняя поверхность переходной зоны и конца; 2 – внутренняя поверхность упругого плеча (стык фронтальных плечевых накладок); 3 – внутренняя поверхность рукояти; 4 – общий вид; 5 – схема расположения накладок; 6 – сечение корпуса; 7 – пропорции функциональных зон; 8 – РЭМ 4040-212; 9 – РЭМ 4040-210; 10 – предметы, хранящиеся под инвентарным номером; 11 – рисунок концевой детали маньчжуро-монгольского лука; 12 – концевой металлический вкладыш; а – абрис внутренней поверхности корпуса; б – накладки из полого рога; с – деревянная основа; д – накладки из рога оленя; е – рукоять; ф – упругое плечо; г – переходная зона; h – негнущийся конец

Fig. 1. Bows RME 1165-17 (1-7), RME 1165-18 (10-12), RME 4040-210 and RME 4040-212:

1 – inner surface of the transition zone and bow ear; 2 – inner surface of the elastic limb (junction of the front limb plates); 3 – inner surface of the handle; 4 – general view; 5 – location of the plates; 6 – section of the body; 7 – proportions of functional zones; 8 – RME 4040-212; 9 – RME 4040-210; 10 – items stored under the inventory number; 11 – drawing of the bow ear detail of a Manchu-Mongolian bow; 12 – bow ear metal liner; a – contour of the inner surface of the body; b – plates made of hollow horn; c – wooden base; d – plates made of deer antlers; e – handle; f – elastic limb; g – transition zone; h – bow ear

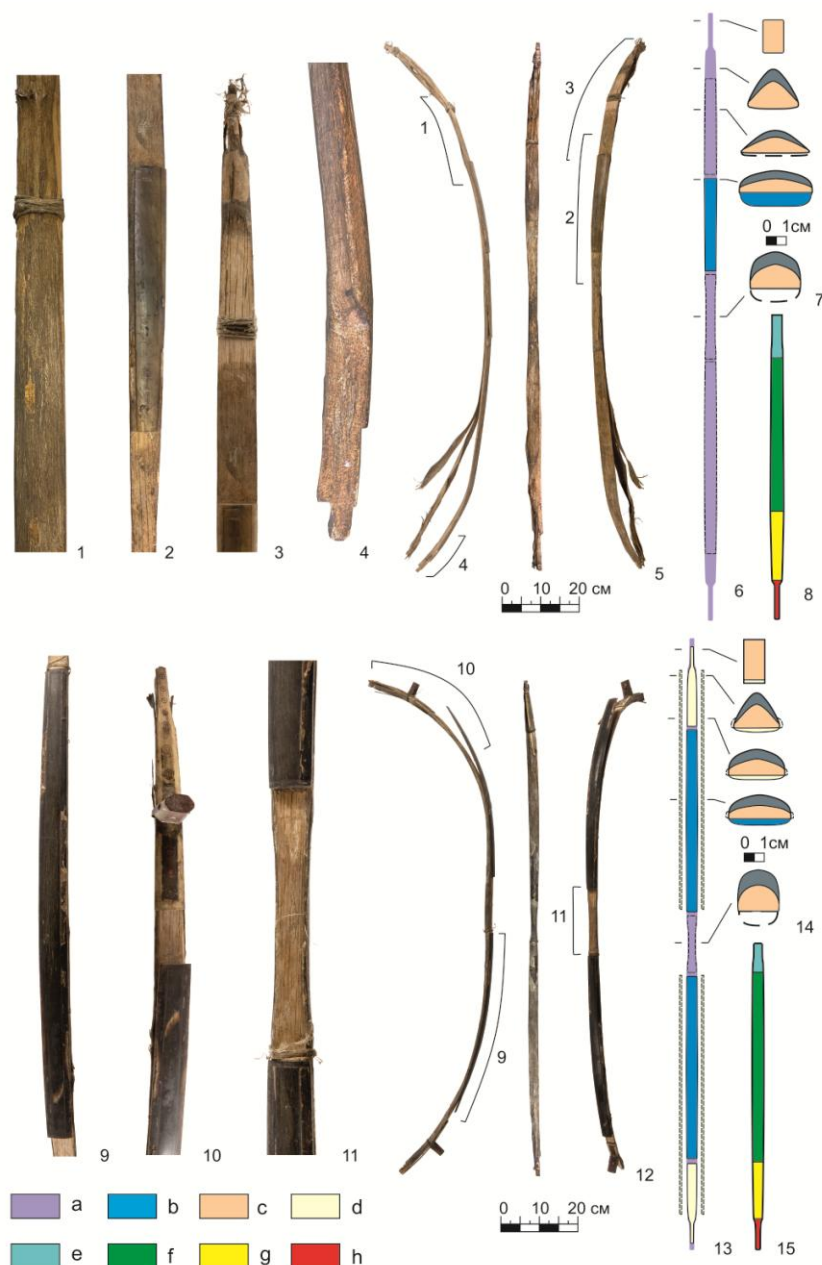

Рис. 2. Луки РЭМ 1457-1 (1–8) и РЭМ 4048-155 (9–15):

1 – внешняя поверхность упругого плеча и переходной зоны; 2 – внутренняя поверхность упругого плеча; 3 – внутренняя поверхность переходной зоны и конца; 4 – боковая поверхность негнувшегося конца; 5 – общий вид; 6 – схема расположения накладок; 7 – сечение корпуса; 8 – пропорции функциональных зон; 9 – внутренняя поверхность упругого плеча; 10 – внутренняя поверхность переходной зоны и конца; 11 – внутренняя поверхность рукояти; 12 – общий вид; 13 – схема расположения накладок; 14 – сечение корпуса; 15 – пропорции функциональных зон; а – абрис внутренней поверхности корпуса; б – накладки из полого рога; с – деревянная основа; d – накладки из рога оленя; е – рукоять; f – упругое плечо; g – переходная зона; h – негнувшийся конец

Fig. 2. Bows RME 1457-1 (1–8) and RME 4048-155 (9–15):

1 – outer surface of the elastic limb and transition zone; 2 – inner surface of the elastic limb; 3 – inner surface of the transition zone and bow ear; 4 – lateral surface of the bow ear; 5 – general view; 6 – layout of the plates; 7 – section of the body; 8 – proportions of functional zones; 9 – inner surface of the elastic limb; 10 – inner surface of the transition zone and bow ear; 11 – inner surface of the handle; 12 – general view; 13 – layout diagram of the plates; 14 – section of the body; 15 – proportions of functional zones; a – contour of the inner surface of the body; b – plates made of hollow horn; c – wooden base; d – plates made of deer antlers; e – handle; f – elastic limb; g – transition zone; h – bow ear

Описание материала

РЭМ 1165-17. Собран Ц. Жамцарано в 1906 г. на территории Аларского ведомства Иркутской губернии¹, зарегистрирован в 1907 г. автором сборов. На момент регистрации имел «ременную тетиву», был изготовлен из бычьего рога и сухожилий, с «двойными зарубками», «оправлен в кость» и оклеен берестой, имел деревянные «подставки», уже на тот момент «старый, бывший в починке». «Длина по спинке» 153 см, «длина» 143 см, «расстояние от тетивы до лука в натянутом состоянии 19 см» (далее – база лука). Был собран у аларских бурят².

На момент осмотра лук значительно поврежден (рис. 1, 1–7): одно плечо практически полностью выпрямлено, второе сохранило изгиб (плавно изогнуто в сторону спинки), который, вероятно, изначально был более резким; угол концов относительно рукояти 0° и 120°; от большей части спинки отклеены сухожильные волокна (на прямом плече практически полностью отклеены, но сохранили длину и зафиксированы обмоткой, на рукояти и упругой части целого плеча до переходных зон оклейка не повреждена и далее отсутствует полностью); на внутренней поверхности отсутствуют некоторые фронтальные накладки, берестяная оклейка снята почти полностью (рис. 1, 4). Всё это не позволяет четко проследить отдельные параметры и геометрию целого изделия.

Длина корпуса около 150 см, плечи симметричны, ось по фронтальной поверхности практически не повреждена. Рукоять в сечении округлая, шириной 2,2–2,7 см, толщиной 2,6 см (с сухожилиями и накладкой), ограничена длиной фронтальной накладки из рога оленя (22 см) (рис. 1, 3). Упругие плечи длиной 36 см расширяются от 2,7 до 3,5 см (максимальная ширина) и утончаются до 1,7 см (минимальная толщина 1,3 см, без накладки) и далее до переходных зон сужаются до 3,1 см, толщина не меняется (в сечении уплощенный эллипс, толщина кибити близка к 0,8 см, сечение уплощенное подпрямоугольное со слабовыпуклой внешней стороной). Упругие плечи усиливались фронтальными составными накладками из полого рога – по две на каждое плечо (23 и 12,5 см, одна из длинных пластин отсутствует), по ширине соответствующими корпусу (рис. 1, 2, 5). Упругие плечи продолжали длинные (18 см), практически прямые переходные зоны с небольшим изгибом корпуса в начале. Из-за повреждений эти места представлены только деревянной основой (без сухожилий и накладок). От упругих плеч корпус сужается от 3,1 до 2,4 см, толщина составляет 1,8 см, сечение меняется на подтреугольное (за счет слабовыраженного скругленного ребра со стороны спинки на кибити). Около 8 см внутренней поверхности от упругих плеч укреплялось фронтальными пластинами переходных зон. Сейчас эти пластины утеряны, но следы нарезки поверхности для лучшего склеивания свидетельствуют о том, что ранее они были (рис. 1, 1). После окончания нарезки поверхность деревянной основы незначительно скругляется, следовательно, далее пластины корпус не укрепляли. Прямые негнущиеся концы длиной 10 см также представлены только деревянной основой (сухожилия отклеены, судя по фрагментам бересты, накладками не укреплялись), ширина к окончаниям на участке длиной 2 см уменьшается от 2,4 до 1 см и далее не меняется, толщина сохраняется (1,8–1,6 см), сечение подпрямоугольное. На расстоянии 18 см от окончаний на внутренней поверхности прослеживаются следы несохранившихся подпорок (на деревянной основе). Арочные вырезы для тетивы располагаются со стороны спинки.

Берестяная оклейка, за исключением небольших фрагментов, сохранилась на менее поврежденном плече. Изначально она покрывала всю спинку по сухожилиям (которые также покрывали спинку целиком), боковую и частично внутреннюю поверхности (по рукояти, тонкими полосками по длинным краям фронтальных пластин), целиком закрывала переходные зоны и концы, за исключением мест фиксации подпорок. Деревянная основа просматривается почти вся и представлена одним цельным элементом, сечение и изгиб которого изме-

¹ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 266. Л. 11 об.

² Документы ОНД РЭМ. Книга коллекционных описей № 101 «Буряты». Л. 66.

нялись в зависимости от функциональной зоны (рис. 1, б, 7). На сохранившихся частях элементы декора отсутствуют, лук хранится без тетивы.

РЭМ 1165-18. Был собран и зарегистрирован Ц. Жамцарано³ вместе с предыдущим предметом (Аларское ведомство, 1906 г.). На момент регистрации не имел тетивы, был сделан из бычьего рога и сухожилий, с «одинарными зарубками», «длина по спинке» 150 см, собран у аларских бурят⁴. На момент осмотра под инвентарным номером хранились детали разных луков: две клеиваемые концевые деревянные детали с сухожильной оклейкой, фрагменты сухожилий с пластинами деревянной основы рукояти, две крупные деревянные пластины (рукоять и упругие плечи), фрагмент кожаной тетивы (рис. 1, 10–12).

Две первые одинаковы, имеют изогнутую переходную область длиной 15 см и прямой конец длиной 22 см (всего 37 см). Угол между окончаниями деталей – 45°. В переходной области сечение подпятиугольное с ребром с внешней стороны, ширина (к концам) на участке длиной 8 см увеличивается от 1 до 3 см, следующие 4 см не меняется и далее уменьшается до 2 см, толщина увеличивается от 1 до 2 см. С внутренней стороны расположены уступы для стыка накладок с деревянной основой. В концах сечение округлое, на окончаниях подтреугольное (с основанием на спинке). Ширина уменьшается к окончаниям от 2 до 1,5 см, толщина – от 2 до 1,3 см. В концы крепились вкладыши (на одном он отсутствует, место крепления сломано) (рис. 1, 11). Вкладыш железный, общая длина 11 см, вставной части – 5 см, закреплен тремя клепками (рис. 1, 12). Арочный вырез один со стороны спинки. К поврежденной детали приклеены сухожилия длиной около 130 см. Сухожилиями оклеивали не всю концевую зону жесткости, а только область переходной зоны. Фрагмент сухожильной оклейки с деталями рукояти имеет длину около 80 см. Деревянные детали сильно повреждены, однако четко просматриваются две (наибольшая длиной 18 см).

Деревянные пластины близки по размеру (вероятно, детали одного предмета), длина около 120 см, в области рукояти имеют узкую область около 12 см, шириной 3 см, в плечах детали расширяются до 4,6 см, на краях имеются скошенные участки (вероятно, для крепления концов), сечение деталей полуэллипсовидное. Фрагмент тетивы длиной 92 см представлен цельным скрученным кожаным шнуром, на одном окончании фрагмента наблюдается узел.

РЭМ 1457-1. Был собран бурятом Лекцоком Жабэ в 1909 г. в Забайкальской области⁵, зарегистрировал Д. А. Клеменц. На момент регистрации: «лук из дерева, отделанный рогом и костью и оклеен берестой; к нему ремнная тетива». Собран у забайкальских бурят⁶.

На момент осмотра предмет поврежден (рис. 2, 1–8): плечи значительно спрямлены (угол концов относительно рукояти около 135°, изначально был меньше), почти со всей спинки отклеены сухожилия, склейка сохранилась только в области рукояти, осталась приклеена одна накладка, остальные утеряны, снята берестяная оклейка. Рукоять прямая, плечи равномерно изогнуты в сторону спинки (рис. 2, 5). Длина корпуса 157 см, плечи симметричны, ось по фронтальной поверхности не повреждена. Рукоять в сечении была округлая, ширина корпуса 2,4–2,8 см, толщина – 1,7 см (без накладки), ранее была укреплена срединной фронтальной накладкой длиной 22 см, которая на момент осмотра была утеряна (рис. 2, 6). Упругие плечи почти прямые, в неповрежденном месте в сечении близки к уплощенному эллипсу, длиной около 40 см, к переходным зонам плавно расширяются от 2,8 до 3,3 см (максимальная ширина), минимальная толщина с накладкой и сухожилиями – 1,7 см, толщина деревянной основы – 1 см. Упругие плечи усиливались фронтальными составными накладками из полого рога (рис. 2, 2, 3, 6). Сейчас сохранилась одна пластина на стыке с рукоятью (длиной 24 см, шириной 2,8–3,2 см), о прочих свидетельствует нарезка на животе. Упругие плечи продолжают длинные (18 см) практически прямые переходные зоны с коротким изгибом корпуса в начале. На обоих плечах отклеены сухожилия (2 слоя по 0,2 см) и накладки, в ре-

³ Архив РЭМ. Ф. 1, Оп. 2. Д. 266. Л. 12.

⁴ Документы ОНД РЭМ. Книга коллекционных описей № 101 «Буряты». Л. 66.

⁵ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 265. Л. 9 об.

⁶ Документы ОНД РЭМ. Книга коллекционных описей № 101 «Буряты». Л. 115.

зультате можно зафиксировать только параметры кибити. От упругих плеч корпус сужается от 3,3 до 2,5 см, толщина увеличивается от 1,1 до 1,9 см, сечение меняется на подтреугольное (возрастает скругленное ребро со стороны спинки). Около 10 см внутренней поверхности от упругих плеч укреплялось фронтальными накладками (видна нарезка), сейчас накладки утеряны. В месте окончания нарезки поверхность кибити скругляется, и далее корпус не был укреплен пластинами (рис. 2, 3). Негнущиеся концы также представлены только деревянной основой (сухожилия отклеены, накладками не укреплялись), ширина к окончаниям вдоль участка длиной 1 см уменьшается от 2,5 до 1 см и далее не меняется, толщина сохраняется (1,9–1,6 см), сечение подпрямоугольное. На расстоянии 17 см от окончаний на животе кибити видны следы подпорок (не сохранились). Арочные вырезы для тетивы располагаются со стороны спинки, один из них обломан, с внутренней стороны у поврежденного выреза расположены два уступа (рис. 2, 4).

Берестяная оклейка отсутствует, мелкие фрагменты просматриваются только на сухожилиях и плечевой накладке вдоль длинных краев. Сухожильная оклейка представлена двумя слоями и покрывала всю поверхность спинки (рис. 2, 1). Деревянная основа (просматривается почти вся) представлена одним цельным элементом, сечение и изгиб которого изменялись в зависимости от функциональной зоны. Вся внутренняя поверхность по накладкам была прямой (рис. 2, 7, 8). Элементы декора не прослеживаются, хранится без тетивы.

РЭМ 4040-210. Собран С. И. Руденко в 1923 г. в Амитхашинском улусе Забайкальской области⁷. Регистрировал собиратель. На момент регистрации: «лук с ременной тетивой (хупши) – детская игрушка. Дл. – 51,0 см»⁸.

На момент осмотра представлен простым цельнодеревянным луком длиной около 55 см с прямой рукоятью и отогнутыми назад плечами. Рукоять округлая в сечении длиной 8 см, толщиной и шириной около 1,6–1,8 см, плечи в сечении эллипсовидные, ширина практически неизменна, толщина около 0,9–1 см (рис. 1, 9). Вместе с луком сохранилась цельная кожаная тетива длиной около 47 см.

РЭМ 4040-212. Собран и зарегистрирован С. И. Руденко вместе с предыдущим предметом (Амитхашинский улус Забайкальской области, 1923 г.)⁹. На момент регистрации: «лук с ременной тетивой (хупши) – детская игрушка. Дл. – 84,0 см»¹⁰.

На момент осмотра, представлен сложным (с негнущимися концами) цельнодеревянным луком длиной около 83 см с прямой рукоятью, отогнутыми назад плечами, слегка направленными вперед концами. Сечение предмета на всем протяжении близко к округлому или D-образному, толщина и ширина варьируются от 1,5 до 2 см, рукоять и упругие плечи четко не выражены, концы обозначены подпрямоугольным сечением и незначительным сужением корпуса (один 12 см, другой около 7 см), имеют на окончаниях по две зарубки для тетивы на торце и со стороны спинки (рис. 1, 8). Хранится без тетивы.

РЭМ 4048-155. Собран А. П. Баранниковым в 1923 г. близ Цугольского дацана (с. Цугол Могойтуйского района Забайкальского края), в том же году поступил в музей (регистрировал автор сборов)¹¹. При регистрации: «Лук священный. Из него стреляют при служении на обо и других богослужениях». «Длина древка» – 62 см, «длина» – 57 см. Предмет был украшен «инкрустацией из кости, из которых орнамент круг с точкой внутри». Вместе с луком была тетива «из скрученных жил»¹².

На момент осмотра предмет поврежден (рис. 2, 9–15): плечи неравномерно спрямлены (угол концов относительно рукояти около 115 и 135°, изначально угол был меньше), частично отклеены накладки, берестяная оклейка снята почти полностью. Рукоять прямая, плечи

⁷ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 72. Л. 17.

⁸ Документы ОНД РЭМ. Книга коллекционных описей № 102 «Буряты». Л. 166.

⁹ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 72. Л. 17 об.

¹⁰ Документы ОНД РЭМ. Книга коллекционных описей № 102 «Буряты». Л. 166–167.

¹¹ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 66. Л. 6.

¹² Документы ОНД РЭМ. Книга коллекционных описей № 102 «Буряты». Л. 210.

плавно изогнуты в сторону спинки (рис. 2, 12). Длина корпуса составляет 160 см, плечи симметричны, ось по фронтальной поверхности незначительно повреждена (рис. 2, 12). На рукояти длиной 15 см отсутствует накладка (с ней сечение было округлым), ширина корпуса 2–2,7 см, толщина 2–1,7 см (без накладки) (рис. 2, 11, 13). Упругие плечи в сечении близки к уплощенному эллипсу, длиной около 50 см, незначительно расширяются от 2,7 до 3 см (максимальная ширина) к центральной части, после чего сужаются до 2,7 см, толщина уменьшается на всем протяжении от 2,1 до 1,6 см у переходных зон. Упругие плечи усиливались фронтальными накладками из полого рога длиной около 48 см, по ширине соответствующими корпусу (рис. 2, 9, 10, 13). Упругие плечи переходят в слабоизогнутые переходные зоны длиной 15 см. От упругих плеч ширина уменьшается от 2,7 до 2,2 см, толщина увеличивается от 1,6 до 2,1 см, сечение меняется за счет увеличения внешней округлой части. На общей геометрии переходные зоны равномерно изогнуты и не выделяются, конструктивно они обозначены широкой частью длинных концевых фронтальных накладок из рога оленя (материал более жесткий, чем полый рог). Эти накладки длиной 21 см имеют широкую область (по переходным зонам) длиной 15,5 см, сужающуюся к концам от 2,5 до 2 см, и узкую (по негнувшимся концам) – длиной 5,5 см, сужающуюся от 2 до 0,8 см (рис. 2, 10, 13). Накладки украшены вырезанными элементами циркульного орнамента. Негнущиеся концы лука длиной 7 и 9 см прямые, ширина к окончаниям уменьшается от 2,2 до 1 см, толщина сохраняется (2,1 см), сечение подпрямоугольное. Большая часть внутренней поверхности концов укреплена описанными накладками из рога оленя. Были ли иные концевые пластины, установить нельзя. У окончаний кибити со стороны живота вырезаны короткие уступы. В 15 см от окончаний на фронтальных пластинах зафиксированы деревянные окрашенные в красный цвет подпорки для тетивы с прямой 8-угольной площадкой (рис. 2, 10). Арочные вырезы для тетивы располагаются со стороны спинки. Вместе с корпусом хранятся остатки тонких пластин из оленьего рога – отдельные фрагменты плечевых боковых накладок.

Берестяная оклейка практически полностью отсутствует, мелкие фрагменты просматриваются на сухожилиях и фронтальных накладках вдоль длинных краев. Сухожильная оклейка покрывала всю поверхность спинки и полностью повторяла форму корпуса. Следует отметить, что арочные вырезы на сухожилиях смещены, вероятнее всего, они сжались после контакта с водой. Значительная часть кибити скрыта пластинами, в видимых областях деревянные соединения не просматриваются. Сечение варьировалось в зависимости от функциональных зон (рис. 2, 14, 15). Декор представлен отмеченными элементами циркульного орнамента на фронтальных пластинах, хранится без тетивы.

Обсуждение

Приведенные описания позволяют разделить предметы на две группы: сложные луки, кибить которых была усилена сухожилиями и разного рода накладками (РЭМ 1165-17, РЭМ 1165-18, РЭМ 1457-1, РЭМ 4048-155) и детские игрушки (РЭМ 4040-210, РЭМ 4040-212).

Все сложные луки повреждены: отсутствует или значительно повреждена берестяная оклейка, отсутствует одна или несколько роговых накладок, изменена изначальная геометрия предметов.

Наиболее близкими по конструкции следует считать РЭМ 1165-17 и РЭМ 1457-1, несколько отличен от них РЭМ 4048-155. Для характеристики конструктивного сходства выделены три основных признака: морфология и размеры корпуса, форма и конструкция деревянной основы, набор накладок.

Поскольку изначальная геометрия всех предметов повреждена, не представляется возможным точно восстановить внешний облик целого изделия без тетивы, однако можно судить о форме, исходя из облика сохранившихся зон. Вероятнее всего, луки имели прямую рукоять, слабоизогнутые упругие плечи, прямые или слабоизогнутые переходные зоны, пря-

мые концы. Все переходы между отдельными зонами на общей геометрии сравнительно плавные, за исключением слабовыраженных угловатостей в начале переходных зон РЭМ 1165-17 и РЭМ 1457-1. Таким образом, вероятнее всего, геометрия была близка к половине уплощенного эллипса.

Размеры луков весьма схожи. Длина корпуса варьирует от 150 до 160 см, максимальная ширина упругого плеча 3–3,5 см, минимальная толщина 1,6–1,7 см, длина переходных зон 15–18 см, длина концов 8–10 см. Главные различия связаны с длиной упругих плеч и рукояти, притом у РЭМ 4048-155 самые длинные упругие плечи (около 50 см) при самой короткой рукояти (15 см). Наиболее широкие упругие плечи (3,5 см) у самого короткого предмета РЭМ 1165-17 (150 см). Это позволяет предположить, что за счет ширины плеч компенсировались показатели при меньшей длине корпуса. Сечение корпуса всех трех предметов также весьма схоже: рукоять была округлая, упругие плечи эллипсовидные, в переходных зонах с внешней стороны корпуса появлялось скругленное ребро (сечение, таким образом, близко к подтреугольному), концы – подпрямоугольные.

Исходя из приведенных данных, одной из характерных особенностей отмеченных бурятских предметов, отличающих их, в частности, от популярных луков маньчжурской конструкции, выступают короткие концы при сравнительно длинных переходных зонах. Важно, что у всех предметов переходные зоны выделялись (сечением или роговой накладкой), а не нивелировались.

Три отмеченных предмета имеют практически идентичную деревянную основу (во всех случаях большая часть кибити четко просматривается). Кибитель цельнодеревянная, не имеющая укреплений иными деревянными деталями, по накладкам (по животу) имела прямую поверхность, покрытую продольной и поперечной нарезкой, необходимой для лучшего склеивания деталей. Область по внутренней поверхности без накладок незначительно скруглена и нарезкой не покрыта. Внешняя поверхность кибити повторяет внешнюю поверхность корпуса: по рукояти – округлая, по упругим плечам – слабовыпуклая, в области переходных зон – со скругленным ребром, на концах – прямая. Небольшим отличием в форме деревянной основы можно назвать уже отмеченную видимую угловатость в начале переходных зон РЭМ 1165-17 и РЭМ 1457-1, однако данный визуальный признак весьма сложно четко охарактеризовать и выделить в качестве самостоятельного критерия для дальнейшего разделения предметов.

У трех отмеченных предметов отсутствует одна или несколько накладок. Вероятнее всего, наиболее близки по набору накладок были РЭМ 1165-17 и РЭМ 1457-1: рукоять укрепляла срединная фронтальная накладка (скорее всего, веслообразная из рога оленя); упругие плечи – плечевые фронтальные из полого рога. Четко прослеживается, что около половины поверхности переходных зон (от упругих плеч) покрыто нарезкой и укреплялось накладками, которые на обоих предметах отсутствуют. Важно отметить вариативность пластин, которые встречаются в месте отсутствующих накладок по переходным зонам на других аналогичных по морфологии предметах из музейных коллекций: из полого рога (как на луках МИКНС ОФ 4256 (ИН Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН; см. другие работы авторов), ИОКМ 1791/1, ИОКМ ВС 4396/38 (ИН Иркутского областного краеведческого музея)), из рога оленевых (МИБ ОФ 1133 (ИН Национального музея Республики Бурятия)) или их комбинации (МИБ ОФ 1156, ИОКМ ВС 4396/32). Это не позволяет четко реконструировать предметы и уверенно классифицировать луки по набору накладок. Концы накладками не укреплялись, боковой конструктивный элемент отсутствует, его следов не обнаружено.

Одной из интересных особенностей является наличие выпиленных уступов на концах РЭМ 1457-1 со стороны живота. На аналогичных предметах, собранных на территории Байкальского региона, такие уступы служили местом для крепления роговых пластинок с крюком, формирующим дополнительное место для крепления тетивы. Такие элементы отмечены на луках из фондов Иркутского областного краеведческого музея ИОКМ 1791/1, ИОКМ

ВС 4396/32 и ИОКМ 5440/1 (причем последний, согласно музейным данным, был собран у эвенков Предбайкалья), а также Национального музея Республики Бурятия МИБ ОФ 1156.

Отличается по набору накладок РЭМ 4048-155. У лука отсутствует срединная накладка, (вероятнее всего, была срединная фронтальная из рога оленя), плечи укреплялись фронтальными пластинами из полого рога, переходные зоны и концы укреплены единой длинной концевой фронтальной накладкой из рога оленя. Вместе с луком хранятся несколько тонких вытянутых пластинок – фрагменты боковых плечевых накладок. Повреждения не позволяют однозначно сказать, были ли в конструкции иные пластины: концы могли укрепляться боковыми и тыльными накладками, как на луках селенгинских бурят, например МИБ ОФ 17848, луках из с. Ташир Селенгинского района Республики Бурятия и др. (см другие работы авторов), однако на момент осмотра таких пластин не отмечено.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что при схожих морфологии и размерах, а также близкой деревянной основе предметы отличаются набором накладок.

Три представленных предмета, как уже было отмечено, находят аналогии среди других традиционных луков из музейных и частных коллекций с территории Байкальского региона, в частности бурятского производства, – по трем описанным признакам. Исключением можно считать набор накладок. К лукам РЭМ 1165-17 и РЭМ 1457-1 (при условии вариативности отсутствующих накладок переходных зон) типологически близки предметы из фондов Иркутского областного краеведческого музея (ИОКМ ВС 4396/32, ИОКМ ВС 4396/38, ИОКМ 5440/1, ИОКМ 1791/1, ИОКМ 9858/1), Национального музея Республики Бурятия (МИБ ОФ 1156), Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН (МИКНС ОФ 4256), а также один предмет из Российского этнографического музея, собранный на о. Ольхон и интерпретированный как эвенкийский (РЭМ 2603-1). Важно отметить, что большая часть предметов, аналогичных РЭМ 1165-17 и РЭМ 1457-1, происходят (если такая информация имеется) с территории Предбайкалья, однако РЭМ 1457-1 был собран в Забайкалье. Отсутствие конкретных данных о месте сбора РЭМ 1457-1 не позволяет четко соотнести предмет с конкретной группой бурят, следовательно, вопрос относительно возможности выделения локальных вариантов остается открытым.

Два конструктивно близких лука, согласно музейным данным, были собраны на территории Прибайкалья и интерпретированы как эвенкийские (РЭМ 2603-1 и ИОКМ 5440/1). Важно отметить, что места сборов (о. Ольхон и современный Качугский район Иркутской области) представляют зону тесных контактов между бурятами и эвенками. При этом данных о том, что луки данной конструкции производились эвенкийскими мастерами, не имеется.

Лук РЭМ 4048-155 наиболее близок по набору накладок к лукам селенгинских бурят (МИБ ОФ 17848, МИБ ОФ 1151, МИБ ОФ 1154 и др.), однако с полной уверенностью говорить об этом нельзя из-за отсутствия возможности восстановить полный набор накладок.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что эти предметы являются изделиями местного, бурятского, производства, поскольку, во-первых, они были собраны у бурят, во-вторых, аналогичны по конструктивным характеристикам и размерным показателям предметам из других музейных коллекций, интерпретированным как бурятские или имеющим информацию о месте изготовления. В-третьих, кроме приведенных двух примеров сборов аналогичных луков у предбайкальских эвенков, на настоящий момент нет данных о распространении и тем более об изготовлении таких изделий у других народов. Кроме того, луки, аналогичные по морфологии, прослеживаются на фотографиях с бурятскими лучниками конца XIX – начала XX в. [Харитонов, Харитонов, 2021]. Такие луки и их аналоги отличаются по особенностям оформления корпуса от широко распространенных изделий импортного центральноазиатского производства и изделий северных народов.

Вероятнее всего, отмеченные предметы не представляют специализированную боевую конструкцию, однако не являются сугубо спортивными. Их можно рассматривать как универсальные, применяемые главным образом для охоты. Наиболее вероятная датировка рас-

смотренных экземпляров XIX – начало XX в., однако нельзя исключать возможность и более ранней датировки, поскольку аналогичные конструкции были зафиксированы и ранее.

Единственными элементами декора, отмеченными при изучении предметов, являются вырезные элементы циркульного орнамента на накладках, укрепляющих переходные зоны и концы РЭМ 4048-155. К вопросам декорирования бурятских луков ранее обращался А. А. Бадмаев [1997, с. 76]. В качестве примеров он представляет, в том числе, и описанные предметы РЭМ 1165-17 и РЭМ 1165-18 в контексте луков «без декора». Действительно, на указанных предметах декора не имеется, однако РЭМ 1165-18 на момент осмотра представлял собой детали от разных луков. На РЭМ 4048-155 присутствуют элементы циркульного орнамента, хотя он был собран на территории Забайкалья (по свидетельству А. А. Бадмаева, такой декор характерен для предбайкальских изделий). Таким образом, приведенные данные позволяют актуализировать проблематику, связанную с декоративными особенностями бурятских традиционных луков.

РЭМ 1165-18 представлен отдельными элементами от разных луков. Две клеиваемые концевые детали близки по морфологии к аналогичным деталям луков маньчжурской традиции (характерное выраженное ребро, длинные концы), подробно изученной и проиллюстрированной П. Деккером¹³. Интересным является использование железного концевого вкладыша (такой прием ранее не был отмечен оружейоведами). Фрагменты сухожильной оклейки с пластинами деревянной основы рукояти не позволяют соотнести их с конкретной конструкцией, так как они используются в большинстве луков «центральноазиатского типа». Две крупные пластины деревянной основы также не позволяют связать их с конкретной конструкцией, однако они не соотносятся с клеиваемыми концами и фрагментом рукояти. Исходя из формы и пропорций этих пластин, можно предположить, что они являются частью деревянных составных луков «североазиатского типа». Таким образом, вопрос о предмете РЭМ 1165-18 остается открытым, так как описания не совпадают с хранящимися под инвентарным номером деталями.

Детские игрушки представлены двумя предметами, собранными С. И. Руденко. Это относительно простые цельнодеревянные модели луков. Наибольший интерес представляет РЭМ 4040-212, поскольку он выполнен как модель сложного лука: обозначены негнущиеся концы. Обращает на себя внимание оформление окончаний с двойными вырезами для тетивы. Это свидетельствует о существовании такого приема на сложных луках агинских бурят до начала 2-й четверти XX в., поскольку едва ли оформление такого рода деталей было присуще детским игрушкам без прямой отсылки к конкретным образцам.

Заключение

Приведенные описания подтверждают отмеченную специфику предметов: различная сохранность не позволяет рассматривать их как массовый материал и классифицировать без предварительной реконструкции полного облика на основе привлечения дополнительных данных. Между тем в реконструируемых элементах может наблюдаться некоторая вариативность, что не позволяет однозначно представить конструкцию. Описанные повреждения, однако, позволяют проследить важнейшие элементы конструкций, недоступные в большинстве случаев (главным образом устройство деревянной основы). Кроме того, наличие информации о месте и времени сборов является важным дополнением для характеристики предмета.

Среди представленных музейных предметов четко выделяются сложные луки бурятского производства и детские игрушки, собранные как в Предбайкалье, так и в Забайкалье. Под одним инвентарным номером хранятся детали разных изделий, которые нельзя привлечь для характеристики бурятского традиционного лука.

¹³ См.: A deconstructed Qing bow: Mandarin mansion antiques. URL: <https://www.mandarinmansion.com/item/deconstructed-qing-bow> (дата обращения 01.05.2023); Manchu archery. 2007–2017. URL: <http://www.manchuarchery.org> (дата обращения 20.02.2020).

Морфологические показатели и размеры луков бурятского производства достаточно близки, деревянная основа аналогичная, цельнодеревянная, без дополнительного укрепления иными деревянными элементами. В наборе накладок наблюдается некоторая вариативность, что позволяет делать вывод о том, что, несмотря на имеющиеся материалы и варианты оформления, бурятские мастера руководствовались одними представлениями о морфологии и устройстве деревянной основы. Исходя из описанных конструктивных особенностей, бурятские сложные луки можно датировать XIX – началом XX в.

Детские игрушки также отражают отдельные конструктивные особенности сложных луков, используемые бурятами, в частности оснащение окончаний двумя вырезами для тетивы.

Список литературы

- Артемьев А. Р. Лук князя Гантимура // Вестник Дальневост. отд-ния АН СССР. 1990. № 5. С. 155–159.
- Бадмаев А. А. Ремесла агинских бурят (к проблеме этнокультурных контактов). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 160 с.
- Бравина Р. И., Дьяконов В. М. Якутский сложносоставной лук из фондов Тойбохойского музея // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 3. С. 99–106.
- Ермолов Л. В. Сложносоставной монгольский лук // Корейские и монгольские коллекции в собраниях МАЭ. Л.: Наука, 1987. С. 149–155.
- Милованов Е. А., Иерусалимская А. А. Лук из Мошчевой Балки // Сообщения Гос. Эрмитажа. Л.: Аврора, 1976. Вып. 41. С. 40–43.
- Харитонов Р. М., Харитонов М. А. Почтовая открытка начала XX века как источник для изучения лучного комплекса бурят // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 7: Археология и этнография. С. 144–156. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-7-144-156

References

- Artemiev A. R. Luk knyazyza Gantimura [Bow of Prince Gantimur]. *Vestnik of the FEB RAS*, 1990, no. 5, pp. 155–159. (in Russ.)
- Badmaev A. A. Remesla aginskikh buryat (k probleme etnokul'turnykh kontaktov) [Crafts of the Aginsky Buryats (to the problem of ethnocultural contacts)]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 1997, 160 p. (in Russ.)
- Bravina R. I., Dyakonov V. M. Yakutskii slozhnosostavnoi luk iz fondov Toibokhoiskogo muzeya [A Yakut Composite Bow from the Toybokhoy Museum]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], 2020, vol. 48, no. 3, pp. 99–106. (in Russ.)
- Ermolov L. V. Slozhnosostavnoi mongolskii luk [Composite Mongolian Bow]. In: Korean and Mongolian Collections in the MAE Collections [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad, Nauka, 1987, pp. 149–155. (in Russ.)
- Kharitonov R. M., Kharitonov M. A. Early 20th Century Postcards as a Source for Studying the Buryats' Archery Complex. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 144–156. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-7-144-156
- Milovanov E. A., Ierusalimskaya A. A. Luk iz Moshchevoi Balki [Bow from Moshchevaya Balka]. In: Soobshcheniya Gos. Ermitazha [Communications of the Hermitage]. Leningrad, Avrora Publ., 1976, iss. 41, pp. 40–43. (in Russ.)

Информация об авторах

Роман Михайлович Харитонов, младший научный сотрудник

Scopus Author ID 57277969200

RSCI Author ID 1062273

SPIN 7846-5492

Елена Анатольевна Андреева, научный сотрудник высшей категории

Валерия Алексеевна Михиенко, младший научный сотрудник

Scopus Author ID 57547087500

RSCI Author ID 999333

SPIN 5133-1145

Information about the Authors

Roman M. Kharitonov, Researcher

Scopus Author ID 57277969200

RSCI Author ID 1062273

SPIN 7846-5492

Elena A. Andreeva, Research Fellow of Highest Category

Valeriya A. Mikhienko, Researcher

Scopus Author ID 57547087500

RSCI Author ID 999333

SPIN 5133-1145

Вклад авторов:

Р. М. Харитонов – разработка концепции исследования, анализ материала, формулирование выводов, подготовка первой версии статьи.

Е. А. Андреева – отбор материалов, подготовка иллюстраций, работа с музейными и архивными данными, работа с текстом.

В. А. Михиенко – анализ материала, подготовка иллюстраций, доработка текста.

Contribution of the Authors:

Roman M. Kharitonov developed the research methodology and approach, analyzed of the material, made conclusions, prepared of the first version of the article.

Elena A. Andreeva selected materials, prepared illustrations, worked with museum and archival data, worked with text.

Valeriya A. Mikhienko analyzed the material, prepared the illustrations and the final draft of the article.

*Статья поступила в редакцию 29.02.2024;
одобрена после рецензирования 30.05.2024; принята к публикации 30.05.2024
The article was submitted on 29.02.2024;
approved after reviewing on 30.05.2024; accepted for publication on 30.05.2024*

Научная статья

УДК 394

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-139-159

Кумандинцы: этническое самосознание и стратегии самоопределения в контексте этнической истории

Ирина Вячеславовна Октябрьская¹
Василий Владимирович Николаев²
Екатерина Викторовна Самушкина³

^{1–3} Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ siem405@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4190-9478>

² nikolaevvv06@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6834-2961>

³ Khakassie@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-5481-3822>

Аннотация

Статья посвящена анализу этнической истории кумандинцев – одного из коренных малочисленных народов России. Ее содержание определяет анализ этноисторических реалий, политических практик и академического дискурса, на пересечении которых формировалось и трансформировалось самосознание этого народа на протяжении XVII–XXI вв. В основных разделах работы рассматриваются история этнонима «кумандинцы» как символа этнической идентичности, стратегии самоопределения кумандинцев на разных этапах их существования и особенности общественного движения. Специальный раздел посвящен государственной поддержке общественного движения кумандинцев и его правовому обеспечению. Работа выполнена с привлечением статистики, нормативных документов и полевых материалов. По итогам исследования делается вывод о том, что современное общественное движение кумандинцев, как и коренных малочисленных народов России в целом, при всех сложностях развивается с учетом отечественного и мирового политико-правового обеспечения. Общественные организации кумандинцев Алтайского края и Республики Алтай планируют свою деятельность в сотрудничестве с федеральными и региональными государственными структурами и академическими центрами. Эффективность этого многоуровневого диалога, который общественники ведут от имени народа, определяет перспективы его существования.

Ключевые слова

кумандинцы, Алтай, этническое самосознание, стратегии самоопределения, общественное национальное движение

Благодарности

Работа выполнена в рамках программы НИР, проект № FWZG-2025-0003 «Этнокультурные и этносоциальные процессы у народов Сибири и Дальнего Востока в XVII–XXI веках: формирование и динамика»

Для цитирования

Октябрьская И. В., Николаев В. В., Самушкина Е. В. Кумандинцы: этническое самосознание и стратегии самоопределения в контексте этнической истории // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 7: Археология и этнография. С. 139–159. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-139-159

© Октябрьская И. В., Николаев В. В., Самушкина Е. В., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 7: Археология и этнография. С. 139–159
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 139–159

Kumandins: Ethnic Identity and Self-Determination Strategies in the Context of Ethnic History

Irina V. Oktyabrskaya¹, **Vasily V. Nikolaev**²
Ekaterina V. Samushkina³

¹⁻³ Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ siem405@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4190-9478>

² nikolaevvv06@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6834-2961>

³ Khakassie@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-5481-3822>

Abstract

The article is devoted to the analysis of the ethnic history of the Kumandin people, one of the indigenous minorities of Russia. Its content determines the analysis of ethno-historical realities, political practices and academic discourse at the intersection of which the self-consciousness of this people was formed and transformed during the 17th – 21st centuries. The main sections of the work consider the history of the ethnonym “Kumandins” as a symbol of ethnic identity, the strategies of self-determination of Kumandins at different stages of their existence and the peculiarities of the social movement. A special section is devoted to the state support of the Kumandin public movement and its legal support. The work was carried out with the involvement of statistics, regulatory documents and field materials. According to the study results, it is concluded that the modern social movement of the Kumandin people, as well as the indigenous peoples of Russia in general, despite all the difficulties, is developing considering domestic and global political and legal support. Public organizations of Kumandin residents of the Altai Territory and the Altai Republic plan their activities in cooperation with federal and regional government agencies and academic centers. The effectiveness of this multi-level dialogue, which social activists conduct on behalf of the people, determines the prospects for its existence.

Keywords

Kumandins, Altai, ethnic identity, strategies of self-determination, social national movement

Acknowledgements

The work is supported by the research project of IAET SB RAS no. FWZG-2025-0003 “Ethnocultural and ethnosocial processes among the peoples of Siberia and the Far East in the 17th – 21st centuries: formation and dynamics”

For citation

Oktyabrskaya I. V., Nikolaev V. V., Samushkina E. V. Kumandins: Ethnic Identity and Self-Determination Strategies in the Context of Ethnic History. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 139–159. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-139-159

Введение

Кумандинцы – один из коренных народов России. Общая численность кумандинцев по данным Всероссийской переписи населения 2002 г. составляла 3 114 чел., в 2010 г. – 2 892 чел.; в 2020 г. – 2 408 чел., в том числе 48,4 % горожан. Кумандинцы до настоящего времени расселены в границах традиционного обитания – в верхнем и среднем течении р. Бии, на территории Красногорского и Солтонского районов Алтайского края, Турочакского района Республики Алтай и Таштагольского района Кемеровской области. Местами их компактного проживания являются: города Бийск и Горно-Алтайск, села Красногорское и Солтон Алтайского края. В современной культуре кумандинцев представлены различные модели природопользования и жизнедеятельности: от урбанизированных до традиционных аграрных. Кумандинский язык, по мнению одних исследователей, является диалектом алтайского языка уйгуро-огузской группы тюркских языков, другими рассматривается как самостоятельный [Баскаков, 1960, с. 184–185, Уртегешев, 2005, с. 105]. В 1990–2000-е гг. кумандинцы получили статус коренного малочисленного народа Севера, Сибири и Дальнего

Востока. Их интересы на региональном, российском и международном уровнях представляет ряд локальных общин и общественных организаций.

История этого народа на протяжении двух последних столетий остается предметом широкого научного и общественного дискурса. С начала XIX в., в период активного освоения Алтая, они находились в фокусе интересов российского государства и науки. О кумандинцах как о самостоятельном народе по результатам многолетних исследований на Алтае в 1884 г. впервые написал один из основоположников российской тюркологии В. В. Радлов в работе “Aus Sibirien” («Из Сибири») [Радлов, 1989, с. 92–93]. По его мнению, кумандинцы входили в общность «татар Северного Алтая» вместе с челканцами, черневыми татарами (тубаларами) и шорцами. В работах миссионера и выдающегося исследователя В. И. Вербицкого 1860–1890-х гг. эти народы под именем «черневые татары» были отнесены к «северным алтайцам», в этнокультурном и лингвистическом отношении противопоставлены «южным алтайцам» [Вербицкий, 1993, с. 21]. Ориентированный на этническую стратификацию, этот концепт осваивался российской наукой и властью на рубеже XIX–XX вв.

В ходе проведения Первой Всероссийской переписи 1897 г. численность населения Верхне-Кумандинской и Нижне-Кумандинской волостей, к которым были приписаны кумандинцы, была определена в 4 509 чел. На уровне научно-практических исследований с кумандинцами работали Н. Б. Шерр [1903] и Н. Богатырев [1908]. О результатах статистического обследования кумандинских поселений писал С. П. Швецов [Горный Алтай..., 1903].

В 1930–1940-е гг. кумандинские материалы публиковала Н. П. Дыренкова [1936; 1949]. В 1926 г. кумандинцы были включены в официальный список Всесоюзной переписи: их численность составила 6 335 чел. В последующие десятилетия они учитывались в составе алтайцев. В политической и академической сферах к середине XX в. возобладал интеграционный подход, рассматривающий северных и южных алтайцев как единую общность. Но при этом с 1950-х гг. издавались работы первого этнографа-кумандинца П. И. Каралькина, посвященные его родному народу [Каралькин, 1953]. В 1968 г. последовательный сторонник интеграции, один из лидеров советской этнографии Л. П. Потапов работал над проблемой этногенеза кумандинцев [Потапов, 1968]. Важной вехой в изучении самобытной культуры этого народа стало издание монографии Ф. А. Сатлаева «Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX в.)» [1974]. В 1990–2000-е гг. цикл дискуссионных статей о кумандинцах был опубликован В. Д. Славниным [1990; 2005].

С 1990-х гг. шла кропотливая работа по составлению словарей, методических пособий и разговорников кумандинского языка. Издавались фольклорные материалы, в том числе записи выдающегося знатока фольклора Е. И. Тукмачевой, которые она вела с 1950-х гг. [Учиться говорить..., 1990; КРС, 1995; Тукмачева, 2011; 2015].

С 1993 г. на официальном уровне о кумандинцах заговорили как о коренном малочисленном народе. В 2000 г. они были включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. В этом статусе вошли во Всероссийскую перепись 2002 г. Процесс возрождения рубежа XX–XXI вв. привлек внимание целого ряда авторов (см.: [Октябрьская и др., 2005; Карасева, 2010; Чемчиева, 2012; 2016; Назаров, 2013; Аткунова, 2017] и др.). В фундаментальной академической серии «Народы и культуры» появился том «Тюркские народы Сибири», где кумандинцам был посвящен самостоятельный раздел [Добжанская и др., 2006].

Изучение кумандинцев продолжилось на базе АлтГУ и ИАЭТ СО РАН [Назаров, 2018; Николаев, 2018; 2020; Николаев, Самушкина, 2021; Николаев, Назаров, 2021; Николаев, Октябрьская, 2021; Октябрьская и др., 2021]. Очерки по истории и культуре кумандинцев вошли в издание МАЭ РАН «Коренные малочисленные народы России: этнокультурные проекции» [Головнёв и др., 2022] и «Интерактивный атлас коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: языки и культуры», подготовленный на базе ИЭА РАН.

Параллельно происходило осмысление традиций кумандинского народа и их современного состояния местной интеллигенцией [Данилов, 2000; Кастарак, 2010; Тукмачев-Собо-

леков, 2001; Попов, 2023]. В последние годы большую работу по собиранию и тиражированию сведений о собственной традиционной культуре проделали лидеры кумандинских общин городов Барнаула, Бийска, Солтонского и Красногорского районов Алтайского края. Итогом освоения историко-культурного наследия стала аутентичная стратегия позиционирования этничности, отвечающая вызовам современности.

Попыткой проследить динамику этничности кумандинцев в контексте их истории стал данный очерк. Его содержание определил анализ этноисторических реалий, политических практик и академического дискурса на пересечении которых формировалось самосознание кумандинцев. Цель данной работы заключается в том, чтобы показать основные тенденции и результаты этого процесса в динамике на протяжении XX в.; оценить стратегии самоопределения и содержание этнокультурных, этносоциальных проектов, обозначившие перспективы кумандинского сообщества в XXI в.

Этническая история кумандинцев: основные тенденции развития в ходе административно-территориальных преобразований XIX–XX вв.

Как полагают исследователи, формирование кумандинского народа происходило на протяжении нескольких столетий в результате сложного взаимодействия тюркских, самодийских и енисейских сообществ в предгорных районах Алтая. Документирование истории народонаселения региона началось на рубеже XV–XVII вв. с втягиванием его населения в границы и административно-фискальную систему Московского царства. К 1628 г. относится первое достоверное упоминание Кумандинской волости. Оно содержится в документе, повествующем о превратностях обложения ясаком местного населения [Славнин, Шерстова, 2008, с. 6]. На протяжении последующих десятилетий Московское / Российское государство пыталось закрепиться в пределах Алтая, но ему противостояла мощь Джунгарского ханства, образовавшегося в 1635–1637 гг. и подчинившего себе большую часть Центральной Азии.

В результате столкновения интересов России и Джунгарии на Алтае сложилась ситуация двойного подданства и двоеданничества. В 1709 г. у слияния Бии и Катунь была построена Бикатунская крепость, через год сожженная джунгарами. В 1718 г. ее восстановили, перенесли выше по течению Бии и превратив в русский форпост в предгорьях Алтая. Со временем Бийская крепость стала уездным городом Бийском.

Стремление сохранять мирные отношения с Джунгарией, усиливая свое присутствие в регионе, определяло стратегии Российского государства по отношению к коренному населению XVII–XVIII вв. К этому периоду исследователи относят появление Верхне-Кумандинской и Нижне-Кумандинской волостей. Согласно архивным поискам Л. П. Потапова, их первые упоминания относятся к 1640–1653 гг. В «Чертежной книге» 1701 г. тобольского картографа и летописца С. У. Ремезова фигурируют Нижняя Куманда и Верхняя Куманда по Бие до впадения в нее Лебеди [Потапов, 1969, с. 108; Славнин, Шерстова, 2008, с. 12–15]. Полагают, что они закрепились в составе Российского государства после падения Джунгарского ханства и добровольного вхождения Алтая в состав России в 1756 г.

По мнению Л. П. Потапова, возникшее в ходе политических трансформаций административное деление кумандинцев на Нижне-Кумандинскую и Верхне-Кумандинскую волости отчасти заменило их деление по родам. Известные в прошлом родовые структуры (в том числе иноэтничного происхождения) – со / солу, тон-кубанды, алтына-куманды, оре-куманды, тастар, чабат, керзал, алтон, ере – постепенно утратили функции регулирования социальных отношений, в том числе экзогамии, которые перешли к инородческим волостям [Радлов, 1989, с. 96–97; Потапов, 1969, с. 57–61].

После 1804 г., когда была образована Томская губерния и выделился Бийский округ, к нему был причислен ряд волостей, в том числе Верхне- и Нижне-Кумандинская. Известно, что в том же 1804 г. Верхне-Кумандинская волость насчитывала 137, а Нижне-Кумандинская – 448 ревизских душ [Славнин, Шерстова, 2008, с. 17]. Согласно Уставу об управлении ино-

родцев 1822 г., эти волости были переименованы в инородные управы, а их обитатели отнесены в основном к разряду кочевых инородцев. Это было сделано с учетом «непостоянства их жительства, степени гражданского образования, простоты нравов, особых обычаев, образа пропитания, трудности взаимных сообщений» [Шерстова, 1999, с. 170].

В 1824 г., после введения Устава, в Нижне-Кумандинской управе насчитывалось 444 кочующих и 42 оседлых инородца. К Верхне-Кумандинской было причислено 133 кочевых инородца, а также оседлые инородцы улуса Кокшинского – выходцы из Телеутской инородной управы 2-й половины Кузнецкого округа. Оседлые инородцы проживали и в других селениях [Славнин, Шерстова, 2008, с. 19–21].

Кумандинцы Нижне- и Верхне-Кумандинских инородных управ находились в плотном иноэтничном окружении. В местах их расселения происходили активные процессы аккумуляции и ассимиляции.

В ходе проведения Первой Всероссийской переписи 1897 г. было установлено, что к Верхне-Кумандинской волости приписано 1 102 кумандинцев, и 3 407 – к Нижне-Кумандинской. В 1905 г. здесь началась землеустроительная реформа, сопровождавшаяся переводом инородцев в оседлый разряд с введением у них волостного правления по типу крестьянского. К 1911 г. кумандинцы жили в 29 населенных пунктах (871 двор): в Верхне-Кумандинской волости насчитывалось 15 населенных пунктов, 245 дворов; к ней было приписано 653 мужские души и 672 женские. В Нижне-Кумандинской волости проживали по 2 500 душ обоего пола [Славнин, Шерстова, 2008, с. 26].

После административной и земельной реформ 1905–1906 гг. часть коренных жителей, ранее составлявших население Кумандинских волостей, вошла в число русских сибиряков. Тем не менее, перепись 1926 г. выявила 6 335 кумандинцев, из которых 922 чел. проживало в Уймонском аймаке Ойротской автономной области (современный Усть-Коксинский район Республики Алтай). На протяжении XX в. они постепенно растворились среди местных жителей (Всесоюзная перепись..., 1928, с. 256; ПМА, 2017, с. Усть-Кокса).

Большая часть кумандинцев в начале XX в. компактно проживала в Верхне- и Нижне-Кумандинской волостях, в 28 аилах: Алешкин, Богучак, Ебике, Егона, Елей, Елтош, Иртышкин, Калташ, Камышак, Каракан, Карасев, Кичек, Кубия, Курлаган, Курлек, Нарлык, Озерки, Пешпер, Пильно, Подчайный, Сарыков, Сайлапка, Сузоп, Ташта, Тебенда, Теберек, Тосток и Ужлеп [Назаров, 2013, с. 109].

В результате землеустроительных работ начала XX в. кумандинцы потеряли часть земель, переданных переселенческому управлению. В 1911 г. только в Верхне-Кумандинской волости были выделены 4 переселенческих участка. Число крестьянских (русских) дворов в инородческих селениях неуклонно росло. В результате в 1914–1915 гг. Томское губернское правление, рассмотрев прошение волостного правления Верхне-Кумандинской волости, приняло решение о переименовании ее в Макарьевскую. Это стало показателем качественных изменений состава (этнического самосознания) населения региона [Славнин, Шерстова, 2008, с. 31].

Аналогичные процессы были характерны и для Нижне-Кумандинской волости. В ходе землеустроительных работ и последовавшей затем административной реформы в 1912 г. в ее окрестностях было образовано более десятка волостей, в том числе Нижне-Кумандинская (меньше прежней), Сузопская, Тайнинская и Урунская волости, между которыми были распределены все кумандинские домохозяйства. Также кумандинцы проживали в соседних Лебедской (Алешкино, Санькин), Озеро-Куреевской (Алешкин, Сапожкин) и Троицкой (Чапша) волостях. Все волости, за исключением Урунской (оказавшейся в пределах Кузнецкого уезда), вошли в состав Бийского уезда Томской губернии.

Последующие административно-территориальные преобразования определили направление этнических процессов на Алтае. В декабре 1918 г. решением Сибирского Временного правительства из южной части Бийского уезда был образован Каракорумский уезд; 13 апреля 1920 г. его переименовали в Горно-Алтайский уезд в составе Алтайской губернии, существо-

вавшей в 1918–1925 гг. В июне 1922 г. была образована Ойротская автономная область, а Горно-Алтайский уезд упразднен.

В состав новой автономии кроме территорий Горного Алтая были включены Лебедская, Верх-Бийская, Успенская и Ыныргинская волости. В результате территория расселения кумандинцев оказалась разделенной: часть кумандинцев осталась в пределах Ойротской автономной области (позже Горно-Алтайской автономной области), а нижние кумандинцы – в составе Бийского уезда Алтайской губернии (позднее Сибирский край), с 1937 г. – в составе Алтайского края. Оказавшись по разные стороны административных границ, на протяжении XX в. они ориентировались на независимые треки этносоциального развития.

Этническое имя и самосознание в контексте истории

В процессе истории XIX–XX вв. идентичность кумандинцев, показателем которой являлось их этническое имя, находилась в процессе трансформации. Эксперты считают, что к Новому времени у различных локальных групп тюрков предгорной зоны Алтая не было единого самоназвания. Они были известны по именам своих родов, одним из многочисленных среди которых был род куманды. Некоторые исследователи считают, он был образован от гидронима Куманда / Лебедь (приток Бии). Соответственно, этноним «куманды» мог означать «лебединский человек». По мнению Л. П. Потапова, термин «куман» соответствовал имени половцев и кипчаков. Его актуализация произошла в период создания ясажных волостей, которые, согласно административным практикам Российского государства, соотносились с названиями местных родов – сеюков. В свою очередь, сеюки алтына-куманды (нижние кумандинцы) и оре-куманды (верхние кумандинцы) сложились, как принято считать, в ходе образования Верхне-Кумандинской и Нижне-Кумандинской инородных управ. Административно-территориальные преобразования на Алтае XVIII–XIX вв. оказали большое влияние на специфику этнических процессов региона. Совмещение родовых и волостных названий было описано Л. П. Потаповым [1969, с. 58].

К концу XIX в. этноним «куманды» приобрел консолидирующее значение, хотя наряду с ним по-прежнему широко использовались родовые имена и квазиэтнонимы. В карточках Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. отразились самоопределения, озвученные переписчикам главами кумандинских домохозяйств. Среди них были имена: «верхний и нижний кумандинец», «кумандинец», «инородец», «татарин». Наиболее распространенными в списке переписи были таксоны «кумандинец» и «татарин». К кумандинцам отнесли себя главы 27,4 % «коренных» домохозяйств Нижне-Кумандинской волости, 33,3 % – Озеро-Куреевской и 45,1 % – Сузопской [Николаев, 2018, с. 35–36, 83–93].

Известно, что имя «татарин» / тадар-кижи / тадарлар появилось среди монгольских племен, кочевавших в VIII–IX вв. в зоне Байкала. Со ссылками на тунгусские и китайский языки, исследователи предполагают, что оно могло означать «стрелок из лука» [Штернберг, 1902, с. 347–350]. Именем «татары» китайцы, вероятно, обозначали кочевников-варваров, которые создавали угрозу границам. После завоеваний Чингисхана народы, им покоренные, приняли общее название «татары». С XIII в. этот этноним стал известен в Европе. Уже в русских землях он приобрел собирательное значение как обозначение тюркских народов, которые постепенно включались в состав формировавшегося Российского государства. На протяжении XVII–XIX вв. имя «татары» было перенесено на большую часть изначально «иноземного», а затем «инородческого» населения Сибири, в том числе на тюрков Алтая.

Этноним «татары» использовался параллельно с термином «инородцы»: долгое время эта категория обозначала статус коренного населения Сибири и других вновь присоединенных территорий. После принятия Устава об управлении инородцев 1822 г. она фактически превратилась в сословное определение. Принадлежность к инородцам предполагала ряд преференций. Народы Алтая относились, по большей части, к кочевым инородцам; имели во владении территории, на которых могли заниматься скотоводством, земледелием и про-

мыслами. На их землях запрещалось самовольно селиться русским; они лишь могли брать их в оброк по договоренности. Во взаимоотношениях между собой кочевые инородцы руководствовались собственными обычаями, они участвовали во всех губернских повинностях и были обязаны содержать за свой счет органы самоуправления. К началу XX в. из внешнего определения категория «инородец» превратилась для них в самоопределение, так как прежде всего подчеркивала их обособленность и ориентированность на патерналистские ценности во взаимоотношениях с государством.

К 1920-м гг. категория «инородцы» была исключена из активного пользования; имя «татары» приобрело этноспецифическую направленность. В ходе подготовки Всесоюзной переписи населения 1926 г. для народов Северного Алтая были введены наименования «кумандинцы», «ку-киши», «лебединцы» (Программы..., 1927, с. 4). Эти этнонимы охватывали как собственно кумандинцев, так и челканцев.

В дальнейшем кумандинцы были официально включены в состав алтайской социалистической народности. При подготовке переписи 1937 г. в составе алтайцев (ойротов) выделялись: «кумандинцы» и «кумандж-кижи» (Словарь..., 1937, с. 5). В дальнейшем в Словаре национальностей СССР, который использовался для подготовки переписей, остались лишь «кумандинцы». Они, как и другие народы Северного Алтая, на прикладном и концептуальном уровнях были отнесены к числу этнографических групп алтайцев, являвшихся титульной группой Горно-Алтайской автономной области, в 1991 г. преобразованной в Горно-Алтайскую АССР, в 1992 г. – в Республику Алтай.

Административно-территориальное обустройство значительной части кумандинцев в пределах Алтайского края обусловило сохранение этнонима на местном уровне [Николаев, 2012, с. 90–91]. В последние десятилетия их история была связана с существованием национальных сельских советов – Калташинского, впоследствии объединенного с Красногорским, и Шатобальского, в 2010 г. объединенного с Солтонским сельсоветом.

В 1993 г. кумандинцы, а в 2000 г. челканцы и тубалары получили статус коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; в период подготовки к первой Всероссийской переписи населения 2002 г. были включены в алфавитный перечень народов страны. Набор этнонимов для переписи был расширен – их предполагали указывать точно со слов опрашиваемых. В связи с возможной актуализацией самосознания малых сообществ на Алтае возникли опасения по поводу уменьшения численности титульного алтайского этноса, что оценивалось сквозь призму риска утраты республиканского статуса. Для предотвращения подобного сценария была проведена кампания в пользу алтайского единства. В результате к алтайцам в Республике Алтай отнесли себя 62 192 чел., к коренным малочисленным народам – 5 662 чел., из них к кумандинцам – 931 чел.

В целом по России в 2002 г. к кумандинцам отнесли себя 3 114 чел., в том числе в Алтайском крае – 1 663 чел.; подавляющее большинство назвали себя «кумандинцами» (3 072 чел.), а также «кубанды» (3 чел.), «куманды» (25 чел.), «орё куманды» (6 чел.), «тадаркижи» (6 чел.), «тюбере куманды» (3 чел.) (Перечень..., 2002). Актуализация исторических этнонимов и родового самоопределения обозначила многомерный характер идентификации при высоком уровне консолидации народа и едином самосознании, выраженном в самоназвании «кумандинцы».

В ходе переписи 2010 г. кумандинцев в Республике Алтай учитывали, как самостоятельный народ; челканцев, тубаларов, теленгитов – и как малочисленные народы, и в составе алтайцев. В региональной прессе обсуждался вопрос о двойственной этнической идентичности. В результате к коренным малочисленным народам отнесли себя 7 714 чел. (11,0 % от всего числа алтайского населения). Но, по мнению экспертов, многие представители этих сообществ продолжали считать себя частью алтайцев [Чемчиева, 2017, с. 143–149].

При этом процесс самоопределения для представителей коренных малочисленных народов с 2000-х гг. был связан с правовой процедурой подтверждения их статуса, гарантирующего социальные и этнические преференции. Это актуализировало этничность, но не остано-

вило процесс сокращения численности, который все-таки был связан с изменением идентичности [Октябрьская и др., 2021].

Общая численность кумандинцев, по переписи 2010 г., составила 2,9 тыс. чел., в том числе в Алтайском крае – 1,4 тыс., в Республике Алтай – 1,1 тыс. чел., в Кемеровской обл. – 0,2 тыс. чел. Социологический опрос, проведенный по итогам переписи среди кумандинцев Бийска (530 чел.) в 2016 г., показал определенность и целостность самосознания сообщества. По мнению респондентов, кумандинский народ объединяли обычаи и традиции (14,7 %), историческое прошлое (14,2 %), язык, родная земля и природа (по 12,7 %), а также культура (10,7 %) (ПМА, 2016, г. Бийск).

Как следовало из опросов, историческая память имела для кумандинцев очень большое значение. Связь с «материнской» этничностью сохраняли даже потомки смешанных браков. Показательна в этом плане работа краеведа И. В. Попова «К истокам рода Софроновых и основанию села Маймы» 2023 г. В ней автор проследил историю семьи Поповых – Софроновых – Чендековых с XVIII в. [Попов, 2023, с. 11]. В интервью, опираясь на семейные хроники, автор так обозначил свое понимание идентичности: «Я – русский, но я точно знаю, что мои предки были выходцы из разных народов, сложно даже сказать, кем они себя считали и как называли, т. к. человеческие знания достаточно субъективны. Например, род Софроновых на протяжении 300–500 лет претерпел следующие изменения в официальных названиях от наших дней и вглубь: русские, алтайцы, инородцы, оседлые инородцы, ясачные, новокрещенные, кумандинцы, кыпчаки. Прабабушка моя носила фамилию Зырянова – скорее всего ее предки из рода зырян. Мой предок по отцу, скорее всего, выходец с Русского Севера, может быть из поморов. Как, впрочем, и еще один род по линии прабабушки – Волосниковы, выходцы из Пинежья. Тот, кто говорит, что он чистый русский или татарин, имея в виду своих предков, не может быть прав в принципе. В десятом поколении у каждого человека уже будет более двух тысяч прямых предков, и кто поручится, кем они себя считали? Я себя считаю русским. Практически все современные Софроновы себя считают русскими. На первой презентации, помню, одна пара слушала внимательно, в конце выдала, нет, это не наши предки, мы русские, в роду алтайцев не было. Но это не так, удалось найти практически всех, за небольшим исключением. Но теперь с моей подачи говорят: да предки были обрусевшие кумандинцы. И уже не отказываются от своих корней» (ПМА, 2022, с. Майма).

Таким образом, в развитии ситуации для значительной части населения (смешанного происхождения) этническое имя превратилось в меморат, подтверждающий укорененность семьи в истории региона. Динамика процесса самоопределения отличала кумандинское сообщество Алтая на протяжении XX в.

Стратегии самоопределения кумандинцев и общественное движение

Исследователи полагают, что процесс самоопределения в среде кумандинцев (как и других коренных малочисленных народов Алтая) активизировался еще в 1980-е гг., когда отчетливо обозначились кризисные тенденции в развитии демографических, языковых, социокультурных процессов.

Известно, что до середины XX в. большая часть кумандинцев проживала в небольших селах, сохраняя преимущественно традиционный уклад жизнедеятельности, хотя мобильность в их среде усиливалась с 1920–1930-х гг. С началом кампании по ликвидации неперспективных сел 1960–1970-х гг. миграционные потоки по направлению в город устойчиво росли. Спровоцированная «урбанизация» имела закономерные последствия: отказ от традиций, унификация повседневной культуры и усиление ассимиляции. К концу XX в. состояние коренного населения Алтайского края (Красногорского и Солтонского районов) характеризовало снижение численности и значительное увеличение доли смешанных браков.

Для кумандинцев, включенных в состав алтайцев, эти процессы протекали на фоне нивелировки языковой специфики и сокращения этнически значимого информационно-коммуникативного пространства. В результате к 1980-м гг. на уровне общественного дискурса в их среде была обозначена проблема этнического самосохранения. Развернулось фольклорное движение, появились местные музеи, предпринимались попытки реконструкции и переноса в публичную сферу традиционных обрядовых и сакральных практик. Был поставлен вопрос о создании национальных сельских советов. Основой для разработки программ возрождения культуры и языка кумандинцев стали общественные инициативы.

В 1992 г. была создана Ассоциация северных этносов Алтая, объединившая кумандинцев, челканцев и тубаларов. Постановлением Совета национальностей Верховного Совета Российской Федерации № 4538-1 от 24.02.1993 кумандинцы были отнесены к малочисленным народам Севера. В Бийске в 1993 г. оформилось «Общество возрождения кумандинского народа», наследницей которой стала Алтайская региональная общественная организация «Объединение кумандинцев Алтая». Действующая по сей день, она сплачивает представителей творческой интеллигенции. Основными направлениями ее деятельности стала защита национально-культурных интересов, изучение и пропаганда истории и культуры; развитие самосознания кумандинцев.

Понятие «коренные малочисленные народы Российской Федерации» было сформулировано в Федеральном законе 1999 г. № 82 (ред. 2009) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». В соответствии с первой статьей данного закона под «коренными малочисленными народами» понимались те сообщества, которые проживали на территориях расселения своих предков, сохраняли традиционный образ жизни и хозяйствования, насчитывали менее 50 тыс. чел. и осознавали себя самостоятельными этническими общностями (Федеральный Закон..., 1999). Постановлением Правительства РФ 2000 г. «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации», в который вошли 40 народов, в том числе кумандинцы, был утвержден их статус.

Согласно Федеральному закону № 82, коренные малочисленные народы (их объединения и представители) имели право на защиту исконной среды обитания, традиционного образа жизни и хозяйствования, право на общественное самоуправление и на замену военной службы альтернативной гражданской, право на сохранение и развитие самобытной культуры (Федеральный закон..., 2009).

В развитие ситуации в 1999 г. в г. Горно-Алтайске была создана региональная общественная организация «Возрождение кумандинского народа», деятельность которой свернули в 2015 г. В настоящее время действует Местная общественная организация коренного малочисленного народа кумандинцев г. Горно-Алтайска «Аай» («Деревня»).

В 2000 г. возникла Ассоциация коренных малочисленных народов Республики Алтай. В 2006 г. появился Союз общин «Бия», объединяющий тубаларов, челканцев, кумандинцев, шорцев Турачакского района республики. В с. Майма с 2009 по 2013 г. действовал культурный центр кумандинцев «Токнас» (Ласка). Основными положениями их программ стало восстановление культурно-языковой и экологической среды обитания коренных малочисленных народов. В 2012 г. была создана Ассоциация коренных малочисленных народов Республики Алтай «Звонящий кедр». В 2013 г. была образована региональная молодежная общественная организация коренных малочисленных народов Республики Алтай «Родник».

К началу 2020-х гг. в Алтайском крае действовало несколько кумандинских общественных организаций, в том числе «Объединение кумандинцев Алтая», Алтайская региональная общественная организация «Исток» и Алтайская региональная общественная организация «Тореенчер» (Родина). Особое место в развитии движения возрождения кумандинцев принадлежало Профессиональному училищу № 4 Бийска. С 2002 г. в училище осуществлялась программа «Образовательный потенциал культуры кумандинцев в целостном педагогическом процессе». При училище был открыт Центр возрождения культуры и ремесел коренных малочисленных народов Алтая; в 2006 г. создан Музей коренных малочисленных народов

Алтая. Он стал центром популяризации традиционной культуры кумандинцев [Назаров, 2018, с. 42; Шорина, 2014, с. 131–135].

На становление и развитие общественных инициатив кумандинцев повлияли Федеральный закон 2000 г. № 104 (ред. 2006) «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», Распоряжение Правительства Российской Федерации 2006 г. «Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (ред. 2011 г.)», Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации»; Распоряжение Правительства 2009 г. № 132 «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

В настоящее время деятельность общественных организаций направлена в первую очередь на сохранение кумандинского сообщества через защиту исконной среды обитания. В качестве первоочередных задач обозначаются сохранение и развитие традиционных технологий природопользования, народных промыслов и ремесел. Инициативы последних лет и в Республике Алтай, и в Алтайском крае связаны с формированием хозяйствующих коллективов, занимающихся заготовкой и переработкой лекарственного сырья, изготовлением сувенирной продукции, мелкооптовой торговлей и т. д. [Назаров, 2018]. В границах расселения кумандинцев зарегистрированы территориально-соседские и семейно-родовые общины «Айрычак», «Самзар», «Алтын-Кель», «Пай-кижи».

С эколого-экономическими вопросами связано обсуждение статуса сакральных ландшафтов и их сохранности при реализации бизнес-проектов в регионе. Ориентируясь на расширительную трактовку культурного наследия в единстве природной и культурной составляющих, общины коренных малочисленных народов Алтай предпринимают значительные усилия по формированию рекреационной инфраструктуры с целью развития историко-культурного туризма и обеспечения занятости местных жителей.

В 2000-е гг. в Турочакском районе открылся музей «Эрми-таш», этнотуристический центр «Алтайский аил». В с. Красногорском Алтайского края был создан Малиновский культурно-досуговый центр. В 2013 г. на его базе возник экспериментальный центр традиционной культуры кумандинцев и этноцентр «Эстей». В сфере их интересов и инициатив находится организация и проведение традиционных праздников и фестивалей кумандинской культуры [Назаров, 2018].

Создание культурных и туристических центров этнической направленности является одним из трендов региональной политики по развитию сельских территорий Алтая. Активную работу в этом направлении ведет организация «Тореенчер». Значимым пунктом туристического маршрута «Большое золотое кольцо Алтая» является рекреационный кластер «Красногорье» с комплексом «Вотчина кумандинцев». В рамках туристического маршрута «Малое золотое кольцо Алтая» развивается этнографический комплекс «Уикэнд-парк» около Бийска.

В последние годы общественные кумандинские организации реализуют проекты «Возвращение к истокам», «Язык – национальное достояние народа» и др. В прошлом в газете Красногорского района Алтайского края «Восход» при поддержке администрации была постоянная рубрика о жизни кумандинцев «Наши корни».

Большое значение представители общественных организаций коренных малочисленных народов Алтая придают сохранению родного языка: проводятся летние языковые лагеря для детей и курсы для взрослых; при грантовой поддержке издаются книги, брошюры, словари.

Эти проекты соотносятся с региональными программами развития культуры и образования коренных малочисленных народов, обеспечивающих их устойчивое поступательное раз-

витие. Они опираются на взаимодействие общественных организаций, государственных структур, музейных и академических центров.

Государственная поддержка общественного движения кумандинцев

Наиболее разработанным в сфере защиты интересов коренных малочисленных народов в настоящее время является законодательство Республики Алтай. Гарантии коренных малочисленных народов обозначены в ее Конституции: «Республика Алтай гарантирует и обеспечивает защиту исконной среды обитания и традиционного самобытного уклада жизни и хозяйствования коренного народа и малочисленных этнических общностей в местах их компактного проживания в соответствии с федеральными и республиканскими законами, принципами и нормами международного права»¹.

С 2002 по 2006 г. при Министерстве экономического развития, торговли и предпринимательства Республики Алтай существовал отдел по делам Севера, занимавшийся реализацией федеральной программы «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2011 г.». На ее основе разрабатывалась целевая программа Республики Алтай до 2015 г.

Для воплощения в жизнь программ поддержки коренного населения, согласно Указу Главы Республики Алтай, Председателя Правительства Республики Алтай № 195 2012 г. был создан Совет по межнациональным отношениям, в задачи которого входило определение целей национальной политики Республики Алтай, а также механизмов их реализации. Несколько позже Распоряжением Правительства № 397 2014 г. был создан Консультативный Совет по делам коренных малочисленных народов Республики Алтай. Также действовал Комитет по национальной политике и связям с общественностью. Он осуществлял разработку правовых инициатив, реализацию принятых законов и информирование населения о них.

В Законе № 72 2007 г. «О регулировании отдельных вопросов в области лесных отношений на территории Республики Алтай» было зафиксировано право на бесплатную заготовку древесины для собственных нужд лицам, относящимся к коренным малочисленным народам. Законом № 48 2009 г. «О перечне территорий компактного проживания коренных малочисленных народов в Республике Алтай» очерчены территории компактного проживания коренных малочисленных народов.

Указом Главы Республики Алтай, Председателя Правительства Республики Алтай № 97 2015 г. «Об определении видов разрешенной охоты и параметров осуществления охоты в охотничьих угодьях на территории Республики Алтай, за исключением особо охраняемых природных территорий федерального значения» допускалась охота в целях осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов. Постановлением Правительства Республики Алтай № 80 2016 г. «Об утверждении Порядка использования водных объектов в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации на территории Республики Алтай» было регламентировано приоритетное и безвозмездное использование водных объектов в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов.

Важным событием стало принятие закона № 16 2017 г. «О регулировании некоторых вопросов в сфере защиты прав коренных малочисленных народов Российской Федерации, проживающих в Республике Алтай», охватывающего проблемы исконной среды обитания, традиционной культуры и языков, хозяйствования и промыслов, а также государственной программы Республики Алтай «Реализация государственной национальной политики»,

¹ Конституция Республики Алтай (Основной Закон). URL: <http://docs.cntd.ru/document/304200009> (дата обращения 28.03.2021).

утвержденной Постановлением Правительства Республики Алтай № 246 2018 г. и предполагающей поддержку коренных малочисленных народов, и др.

В Алтайском крае интересы коренного населения кумандинцев были оговорены в Законе Алтайского края № 87 2007 г. «О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края» и Законе № 11 2013 г. «О бесплатной юридической помощи в Алтайском крае». Важной вехой развития общественного движения кумандинцев стало принятие администрацией Алтайского края «Плана мероприятий по реализации в Алтайском крае в 2013–2015 годах Стратегии государственной национальной политики в Российской Федерации на период до 2025 года», куда были включены разделы, касающиеся коренного населения региона. Были акцентированы: улучшение демографических показателей посредством развития медико-санитарной помощи населению; поддержка коренного населения при получении высшего образования; сохранении и популяризации культурного наследия. Дальнейшим развитием Плана мероприятий стало Постановление Правительства Алтайского края № 110 2017 г., утвердившее программу «Реализация государственной национальной политики в Алтайском крае».

Особенно активно на региональном уровне разрабатывалось законодательство, обеспечивающее защиту интересов коренных малочисленных народов Алтая в сфере культуры. Действовали законы «Об охране объектов культурного наследия в Республике Алтай» 2003 г., «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) в Алтайском крае» 2005 г., «О регулировании отношений в области развития нематериального культурного наследия Республики Алтай» 2008 г., программы «Сохранение и развитие традиционной народной культуры Алтайского края» (2012–2014 гг.), «Развитие культуры Алтайского края» (2015–2020 гг.), положение «Об управлении государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края» 2016 г. и др. Параллельно с развитием законодательства разрабатывались и запускались ведомственные программы: «Развитие и популяризация истории коренных малочисленных народов Республики Алтай на 2015 год», «Развитие сферы культуры в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов Республики Алтай на 2013–2015 годы», «Этнокультурное наследие народов Республики Алтай» на 2016–2018 гг. и др.

В Алтайском крае, как и в Республике Алтай, был создан в 2010 г. Совет по этнокультурному развитию, в 2015 г. преобразованный в Совет по вопросам реализации государственной национальной политики Алтайского края. В его состав вошли представители национально-культурных организаций. Акцент был сделан на реальных мерах их поддержки посредством грантов.

Один из грантов губернатора Алтайского края был направлен на реализацию проекта «Возрождение и развитие кумандинской культуры в Алтайском крае». Он позволил создать электронный ресурс «Алтай – родина кумандинцев» (в настоящее время не функционирует) и издать сборник кумандинского фольклора. В последние годы различные общественные организации кумандинцев реализуют проекты «Возвращение к истокам», «Язык – национальное достояние народа» и др.

В рамках реализации региональных программ «Государственная поддержка общественных инициатив и социально ориентированных некоммерческих организаций в Алтайском крае на 2011–2013 годы» и «Сохранение и развитие традиционной народной культуры Алтайского края» стало возможным развитие инициатив.

Объединение усилий государства и общественных организаций является основанием для реализации программ поддержки коренных малочисленных народов Сибири, в том числе кумандинцев.

Заключение

Общий анализ ситуации показывает, что общественно-политическая и культурная активность кумандинцев в конце XX в. была обусловлена изменением политической ситуации в России и ее регионах и опытом их социальной адаптации. К началу XXI в. значительная часть представителей кумандинского народа стала горожанами. Сокращение численности, риски утраты родного языка и культуры актуализировали этническое самосознание, аккумулировали усилия общественности коренных малочисленных народов Республики Алтай и Алтайского края.

Как реакция на вызовы быстро меняющейся реальности в 1990-е гг. стали появляться первые национальные организации. Законодательное закрепление прав коренных малочисленных народов Республики Алтай и Алтайского края (как и России в целом) подготовило почву для формирования новой социально-политической реальности, нового типа солидарности. Статус коренного малочисленного народа актуализировал самосознание кумандинцев, способы презентации этнокультурной идентичности, которые оказались действенными при поддержке государства и общественного движения.

На протяжении 1990–2010-х гг. на Алтае сложились законодательство и административно-правовые механизмы, обеспечивающие интересы коренных малочисленных народов. В регионе возникла инфраструктура, объединяющая организации различного уровня, среди них: ассоциации коренных малочисленных народов, местные общественные организации, культурные, образовательные и музейные центры, семейно-родовые и территориально-соседские общины кумандинцев, занимающиеся в большей степени хозяйственной деятельностью.

В настоящее время общественные организации кумандинцев играют значительную роль в воспроизводстве этничности, в решении жизненно важных проблем. При этом в целом этносоциальная ситуация остается неблагоприятной. Общая численность кумандинцев продолжает уменьшаться (с 3 114 чел. в 2002 г. до 2 408 чел. в 2020 г.). Меняется соотношение городского и сельского населения: в 2002 г. доля кумандинцев-горожан составляла 54,7 %, в 2010 г. – 48,4 %. Тенденция снижения числа горожан сохранилась и в 2020 г.: из 1 101 чел. кумандинцев Алтайского края 707 проживали в сельской местности, в Республике Алтай из 1 061 – 666 чел. Эксперты связывают этот процесс с ассимиляционными процессами, глубоко проникшими в кумандинское сообщество. В настоящее время кумандинцы находятся на высоком уровне демографической старости, половозрастная структура городских кумандинцев регрессивна.

Но именно пожилые кумандинцы сегодня владеют родным языком и знанием традиций, тогда как значительная часть молодежи использует только русский язык и ориентируется на унифицированные стандарты жизнедеятельности. Проблему родного языка кумандинцы считают наиболее острой. Закон Республики Алтай «О языках народов, проживающих на территории Республики Алтай» был принят в 1993 г. и (с изменениями 2002–2020 гг.) определил охранительные меры в языковой и культурной сферах. Но существенных изменений не произошло. Если по переписи 2010 г. родным языком владели 25,5 % кумандинцев, то сегодня их число уменьшается. Языковые компетенции в среде кумандинцев воспроизводятся главным образом на бытовом уровне и в системе дополнительного образования. Преподается кумандинский язык лишь в средних классах Шатобальской школы в Солтонском районе Алтайского края. По данным переписи 2020 г., кумандинский язык считают родным 637 чел. (из 2 408 чел.) – 26,5 %, используют – 302, владеют – 429 чел. Утрата языка вызывает беспокойство среди активной части народа. Пессимисты отводят кумандинскому языку 20 лет жизни. Одной из причин является практически полное отсутствие моноэтнических семей (ПМА, 2022, г. Бийск). В то же время общественные организации кумандинцев стараются популяризировать кумандинскую культуру и язык в дни проведения фестивалей и празд-

ников. При этом государственный патернализм оценивается как фактор сохранения этнокультурного и этноязыкового многообразия Алтая.

Согласно опросам, проведенным в Алтайском крае в 2016 г., а затем в 2022 г., в силу угрозы ассимиляции, бедности, утраты культуры и языка подавляющее большинство опрошенных кумандинцев считают необходимым предоставление государственных льгот. Особенно важной считается поддержка в области образования, медицинского обслуживания, социальной защиты, предоставления жилья, в использовании природных ресурсов.

В целом значительная часть кумандинского сообщества отмечает проблемы в реализации действующих законов. Проблемным представляется недостаточное финансирование и неоперативное решение административных и организационных вопросов. Переход от планового к грантовому субсидированию оценивается как негативный фактор в развитии общественной деятельности кумандинцев.

Очень широко обсуждаются в сообществе проблемы раннего выхода представителей коренных малочисленных народов на пенсию и доплаты к ней. Это предполагает прохождение длительной проверки со стороны контролирующих органов и необходимость проживания в населенных пунктах из утвержденного списка. Попытки скорректировать список традиционных мест проживания, исключив исчезнувшие поселения и обозначить реальные, пока не увенчались успехом. Известно при этом, что в Республике Алтай поддержка коренных малочисленных народов осуществляется несколько шире, чем в Алтайском крае: согласно законодательству, там удается получать квоты на промысел и т. п.

Но, несмотря на все имеющиеся трудности, лидеры общественных организаций видят перспективы культурной и экономической деятельности. Рассматриваются вопросы поддержки национальных видов спорта, создания электронного словаря и приложения для изучения кумандинского языка на смартфонах, производство сувенирной продукции, организация обработки дикоросов и т. д. При всех противоречиях общественное движение кумандинцев, как и коренных малочисленных народов в целом, сохраняет свое значение и развивается с учетом российского и мирового политико-правового обеспечения. Региональные организации кумандинцев планируют свою деятельность в сотрудничестве с федеральными, республиканскими и краевыми государственными структурами, академическими центрами и фондами. Эффективность этого многоуровневого диалога определяет перспективы существования народа. Добрым предзнаменованием на будущее стал договор об использовании рыбных запасов реки Бии, который территориально-соседская община «Пай-кижи» заключила с Министерством природных ресурсов и экологии Алтайского края в мае 2024 г.

Список литературы

- Аткунова Д. А.** Национальное возрождение коренных малочисленных народов Северного Алтая (конец XIX – начало XXI в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2017. 24 с.
- Баскаков Н. А.** Тюркские языки. М.: ЛКИ, 1960. 248 с.
- Богатырев Н.** Об ореховом и зверовом промысле кумандинских инородцев Бийского уезда // Алтайский сборник. Барнаул, 1908. Т. 9. С. 1–31.
- Вербицкий В. И.** Алтайские инородцы. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993. 268 с.
- Головнёв А. В., Албогачиева М. С.-Г., Белоруссова С. Ю., Беляева-Сачук В. А., Киссер Т. С., Перевалова Е. В.** Коренные малочисленные народы России: этнокультурные проекции. СПб.: МАЭ РАН, 2022. 200 с.
- Горный Алтай и его население. Кочевники Бийского уезда. Кумандинцы. Барнаул, 1903. Т. 3, вып. 4, ч. 1. 253 с.
- Данилов В. М.** Кумандинцы (большие заботы малочисленного народа) // Жизнь национальностей. 2000. № 2. С. 62–63.
- Добжанская О. Э., Назаров И. И., Функ Д. А.** Кумандинцы // Тюркские народы Сибири. М, 2006. С. 324–374.

- Дыренкова Н. П.** Отражение борьбы материнского и отцовского начала в фольклоре телеутов и кумандинцев // СЭ. 1936. № 6. С. 70–84.
- Дыренкова Н. П.** Охотничьи легенды кумандинцев // СМАЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 11. С. 110–132.
- Каралькин П. И.** Кумандинцы // КСИЭ. Л., 1953. Вып. 18. С. 29–38.
- Карасева Н. К.** Формы хозяйственной деятельности кумандинцев: устойчивость и изменчивость традиций: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010. 28 с.
- Кастаракоев М. В.** Белые кони духов. Бийск: БГПУ им. В. М. Шукшина, 2010. 124 с.
- КРС – Кумандинско-русский словарь / Отв. ред. Л. М. Тукмачев. Бийск: Бийский котельщик, 1995. 150 с.
- Назаров И. И.** Кумандинцы: традиционное хозяйство и материальная культура. Барнаул: Алтайский дом печати, 2013. 192 с.
- Назаров И. И.** Основные тенденции современного этнокультурного развития кумандинцев Алтайского края // Вестник Кемеров. гос. ун-та. 2018. № 2. С. 39–49.
- Николаев В. В.** Этнодемографическое развитие коренного населения предгорий Северного Алтая (XIX – начало XXI века). Новосибирск, 2012. 312 с.
- Николаев В. В.** Этнодемографическая и этносоциальная характеристика коренного населения предгорий Северного Алтая: по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. 143 с.
- Николаев В. В.** Национально-культурное возрождение кумандинцев на рубеже XX–XXI веков // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. Т. 26. С. 789–794.
- Николаев В. В., Назаров И. И.** Урбанизация коренного населения Алтая в XX – начале XXI века (на примере кумандинцев города Бийска) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 3: Археология и этнография. С. 149–162. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-3-149-162
- Николаев В. В., Октябрьская И. В.** Урбанизация коренных народов Сибири и Дальнего Востока (XX – начало XXI века) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. № 4. С. 127–139.
- Николаев В. В., Самушкина Е. В.** Этноязыковые процессы у кумандинцев, тубаларов и челканцев в XIX – начале XXI века // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 3. С. 139–157.
- Октябрьская И. В., Самушкина Е. В., Николаев В. В.** Коренные малочисленные народы в современном этнополитическом пространстве Республики Алтай // Уральский исторический вестник. 2021. № 2. С. 108–117.
- Октябрьская И. В., Ульянова М. В., Лавряшина М. Б.** Динамика демографических процессов в различных территориальных группах кумандинцев Алтайского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. 11, ч. 2. С. 135–143.
- Попов И. В.** К истокам рода Софроновых и основанию села Маймы. Барнаул: Алтайский дом печати, 2023. 296 с.
- Потапов Л. П.** Из этнической истории кумандинцев // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. С. 316–323.
- Потапов Л. П.** Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л.: Наука, 1969. 196 с.
- Радлов В. В.** Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
- Сатглаев Ф. А.** Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX в.). Горно-Алтайск: Алт. кн. изд., 1974. 199 с.
- Славнин В. Д.** Погребальный обряд кумандинцев // Обряды народов Западной Сибири / Под ред. В. М. Кулемзина. Томск: Изд-во ТГУ, 1990. С. 132–146.

- Славнин В. Д.** Очерк представлений о браке и свадебной обрядности у чедыберов // Сибирь, Центральная Азия и Дальний Восток: взаимодействие народов и культур. Вторые науч. чтения памяти Е. М. Залкинда: Материалы конф. Барнаул: АзБука, 2005. С. 71–91.
- Славнин В. Д., Шерстова Л. И.** Народы Северного Алтая: некоторые проблемы этногенеза и этнической истории // Культура и традиции коренных народов Северного Алтая. СПб.: ИД СПбГУ, 2008. С. 5–124.
- Тукмачева Е. И.** Кумандинские легенды и сказки. Бийск: Бия, 2011. 52 с.
- Тукмачева Е. И.** Два рыжих жеребенка. Кумандинские легенды. Бийск: Бия, 2015. 52 с.
- Тукмачев-Соболеков Л. М.** У истоков древнего Алтая. Бийск, 2001. 195 с.
- Уртегешев Н. С.** Социолого-лингвистическая ситуация у кумандинцев // Вестник Казах. нац. ун-та им. аль-Фараби. 2005. № 5. С. 105–107.
- Учитесь говорить по-кумандински. Русско-кумандинский разговорник. Горно-Алтайск: Б. и., 1990. 152 с.
- Чемчиева А. П.** Алтайские субэтноты в поисках идентичности. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 254 с.
- Чемчиева А. П.** Движение северных алтайцев за правовой статус коренных малочисленных народов // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. М.: Рос. об-во социологов, 2016. С. 5535–5539.
- Чемчиева А. П.** Субэтнические группы алтайцев: противоречия и символы коллективной идентичности // Новые исследования Тувы. 2017. № 1. С. 134–150.
- Шерр Н. Б.** Из поездки к кумандинцам в 1898 году // Алтайский сборник. Барнаул: Типо-Литография Главного Управления Алтайского округа, 1903. Т. 5. С. 81–114.
- Шерстова Л. И.** Этнополитическая история тюрков Южной Сибири XVII–XIX веков. Томск: ТПУ, 1999. 432 с.
- Шорина Д. Е.** Национальный праздник в музейном пространстве // Проектно-технологические и организационно-методические аспекты деятельности этнокультурных коллективов. Барнаул: Азбука, 2014. С. 130–137.
- Штернберг Л. Я.** Татары // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1902. Т. 67. С. 347–350.

Список источников

- Всесоюзная перепись населения 1926 г. Отдел I: Сибирский край: народность, родной язык, возраст, грамотность. М.: Изд. ЦСУ СССР, 1928. Т. 6. 256 с.
- Конституция Республики Алтай (Основной Закон). URL: <http://docs.cntd.ru/document/304200009> (дата обращения 28.03.2021).
- Перечень встретившихся в переписных листах вариантов самоопределения населения по вопросу «Ваша национальная принадлежность». Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/alfavit/alfavit_nac2002.html (дата обращения 28.03.2021).
- Программы и пособия к разработке Всесоюзной переписи населения 1926 года / Статистическое управление СССР. М.: Изд. ЦСУ Союза СССР, 1927. Вып. 7: Перечень и словарь народностей. 12 с.
- Словарь национальностей для разработки Всесоюзной переписи населения 1937 года / Центр. упр. нар.-хоз. учета Госплана СССР. Бюро Всесоюз. переписи населения. М.: Ред.-изд. упр. ЦУНХУ Госплана СССР: В/О «Союзоргучет», 1937.
- Федеральный закон № 2 от 05.04.2009 «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». URL: <http://docs.cntd.ru/document/901732262> (дата обращения 21.01.2021).

Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ (ред. от 05.04.2009) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». URL: <http://docs.cntd.ru/document/901732262> (дата обращения 22.01.2021).

References

- Atkunova D. A.** Natsional'noye vozrozhdeniye korennykh malochislennykh narodov Severnogo Altaya (konets XIX – nachalo XXI v.) [National revival of the indigenous minorities of the Northern Altai (late 19th – early 21st century)]. Abst. of Cand. Hist. Sci. Diss. Tomsk, 2017, 24 p. (in Russ.)
- Baskakov N. A.** Tyurkskie yazyki [Turkic languages]. Moscow, 1960, 248 p. (in Russ.)
- Bogatyrev N.** Ob orekhovom i zverovom promysle kumandinskikh inorodtsev Biiskogo uезда [About the nut and animal husbandry of the Kumandinsky foreigners of the Biysk district]. In: Altaiskii sbornik [Altai collection]. Barnaul, 1908, vol. 9, pp. 1–31. (in Russ.)
- Chemchieva A. P.** Altayskie subetnosy v poiskakh identichnosti [Altai subethnoses in search of identity]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2012, 254 p. (in Russ.)
- Chemchieva A. P.** Dvizhenie severnykh altaitsev za pravovoi status korennykh malochislennykh narodov [The movement of the Northern Altaians for the legal status of indigenous minorities]. In: Sotsiologiya i obshchestvo: sotsial'noe neravenstvo i sotsial'naya spravedlivost' [Sociology and society: social inequality and social justice]. Moscow, Russian Society of Sociologists Publ., 2016, pp. 5535–5539. (in Russ.)
- Chemchieva A. P.** Subetnicheskie grupy altaitsev: protivorechiya i simvoly kollektivnoi identichnosti [Sub-ethnic groups of the Altai people: contradictions and symbols of a collective identity]. *Novye issledovaniya Tuvy [The new research of Tuva]*, 2017, no. 1, pp. 134–150. (in Russ.)
- Danilov V. M.** Kumandintsy (bol'shie zaboty malochislennogo naroda) [Kumandins (great concerns of a small people)]. *Zhizn' natsional'nostei [Life of nationalities]*, 2000, no. 2, pp. 62–63. (in Russ.)
- Dobzhanskaya O. E., Nazarov I. I. Funk D. A.** Kumandintsy [Kumandins]. In: Tyurkskie narody Sibiri [The Turkic peoples of Siberia]. Moscow, 2006, pp. 324–374. (in Russ.)
- Dyrenkova N. P.** Otrazhenie bor'by materinskogo i otsovskogo nachala v fol'klоре teleutov i kumandintsev [Reflection of the struggle of the maternal and paternal principle in the folklore of the Teleuts and Kumandins]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]*, 1936, no. 6, pp. 70–84. (in Russ.)
- Dyrenkova N. P.** Okhotnich'i legendy kumandintsev [Hunting legends of the Kumandin people]. In: Sbornik muzeya antropologii i etnografii [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1949, vol. 11, pp. 110–132. (in Russ.)
- Golovnyov A. V., Albogachieva M. S-G., Belorussova S. Yu., Belyaeva-Sachuk V. A., Kissler T. S., Perevalova E. V.** Korennyye malochislennyye narody Rossii: etnokul'turnye proektsii [Indigenous peoples of Russia: ethnocultural projections]. St. Petersburg, MAE RAS, 2022, 200 p. (in Russ.)
- Gornyi Altai i ego naselenie. Kochevniki Biiskogo uезда. Kumandintsy [Gorny Altai and its population. Nomads of Biysk district. Kumandins]. Barnaul, 1903, vol. 3, iss. 4, pt. 1, 253 p. (in Russ.)
- Karalkin P. I.** Kumandintsy [Kumandins]. In: Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii [Brief reports of the Institute of Ethnography]. Leningrad, 1953, iss. 18, pp. 29–38. (in Russ.)
- Karasyova N. K.** Formy khozyaistvennoi deyatelnosti kumandintsev: ustoychivost' i izmenchivost' traditsii [Forms of economic activity of the Kumandin people: stability and variability of traditions]. Abst. of Cand. Hist. Sci. Diss. Tomsk, 2010, 28 p. (in Russ.)
- Kastarakov M. V.** Belye koni dukhov [The white horses of the spirits]. Biysk, V. M. Shukshin BSPU Press, 2010, 124 p. (in Russ.)

- Kumandinsko-russkii slovar' [Kumandin-Russian dictionary]. Ed. by L. M. Tukmachev. Biysk, Biiskii kotel'shchik Publ., 1995, 150 p. (in Russ.)
- Nazarov I. I.** Kumandintsy: traditsionnoye khozyaystvo i material'naya kul'tura [The Kumandins: traditional economy and material culture]. Barnaul, Altayskiy dom pechati Publ., 2013, 192 p. (in Russ.)
- Nazarov I. I.** Osnovnye tendentsii sovremennogo etnokul'turnogo razvitiya kumandintsev Altaiskogo kraia [Main Tendencies of Modern Ethnocultural Development of the Kumandins of Altai Krai]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2018, no. 2, pp. 39–49. (in Russ.)
- Nikolaev V. V.** Etnodemograficheskoe razvitie korennoho naseleniya predgorii Severnogo Altaya (XIX – nachalo XXI veka) [Ethnodemographic development of the indigenous population of the foothills of the Northern Altai (19th – early 21st century)]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2012, 312 p. (in Russ.)
- Nikolaev V. V.** Etnodemograficheskaya i etnosotsial'naya kharakteristika korennoho naseleniya predgorii Severnogo Altaya: po dannym Vserossiiskoi sel'skokhozyaistvennoi perepisi 1917 goda [Ethnographic and ethnosocial characteristics of the indigenous population of the Northern Altai foothills: according to the All-Russian agricultural census in 1917]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2018, 143 p. (in Russ.)
- Nikolaev V. V.** Natsional'no-kul'turnoe vozrozhdenie kumandintsev na rubezhe XX–XXI vekov [The national and cultural revival of the Kumandin people at the turn of the 20th – 21st centuries]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and neighboring territories]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2020, vol. 26, pp. 789–794. (in Russ.)
- Nikolaev V. V., Nazarov I. I.** Urbanization of the Indigenous Peoples of Altai in the 20th – Early 21st Century (Based on the Example of the Kumandins of Biysk). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 149–162. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-3-149-162
- Nikolaev V. V., Oktyabrskaya I. V.** Urbanization of indigenous peoples of Siberia and the Far East (20th to early 21st centuries). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 2021, no. 4, pp. 127–139.
- Nikolaev V. V., Samushkina E. V.** Etnoyazykovye protsessy u kumandintsev, tubalarov i chelkantsev v XIX – nachale XXI veka [Ethnic-language processes among the Kumandy, Tubalars and Chelkans in the 19th – early 21st centuries]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* [Tomsk journal of linguistics and anthropology], 2021, no. 3, pp. 139–157. (in Russ.)
- Oktyabrskaya I. V., Samushkina E. V., Nikolaev V. V.** Korennye malochislennye narody v sovremennom etnopoliticheskom prostranstve Respubliki Altai [Indigenous minorities in the contemporary ethnopolitical space of the Altai republic]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural historical journal], 2021, no. 2, pp. 108–117. (in Russ.)
- Oktyabrskaya I. V., Uliyanova M. V., Lavryashina M. B.** Dinamika demograficheskikh protsessov v razlichnykh territorial'nykh gruppakh kumandintsev Altaiskogo kraia [The dynamics of demographic processes in various territorial groups of the Kumandin people of the Altai Territory]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and neighboring territories]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2005, vol. 11, pt. 2, pp. 135–143. (in Russ.)
- Popov I. V.** K istokam roda Sofronovykh i osnovaniyu sela Maimy [To the origins of the Sofronov family and the foundation of the village of Mima]. Barnaul, Altaiskii dom pechati Publ., 2023, 296 p. (in Russ.)
- Potapov L. P.** Iz etnicheskoi istorii kumandintsev [From the ethnic history of the Kumandin people]. In: Istoriya, arkheologiya i etnografiya Srednei Azii [History, archeology and ethnography of Central Asia]. Moscow, Nauka, 1968, pp. 316–323. (in Russ.)

- Potapov L. P.** Etnicheskiy sostav i proiskhozhdenie altaitsev. Istoriko-etnograficheskii ocherk [Ethnic composition and origin of the Altaians. Historical and ethnographic essay]. Leningrad, Nauka, 1969, 196 p. (in Russ.)
- Radlov V. V.** Iz Sibiri: Stranitsy dnevnika [From Siberia: Diary pages]. Moscow, Nauka, 1989, 749 p. (in Russ.)
- Satlaev F. A.** Kumandinty (Istoriko-etnograficheskii ocherk XIX – pervoi chetverti XX v.) [The Kumandins (Historical and ethnographic essay of the 19th – first quarter of the 20th century)]. Gorno-Altaysk, Altai book Publ., 1974, 199 p. (in Russ.)
- Sherr N. B.** Iz poezdki k kumandintsam v 1898 godu [From a trip to the Kumandins in 1898]. In: Altaiskii sbornik [Altai collection]. Barnaul, Tipo-Litografiya Glavnogo Upravleniya Altayskogo okruga, 1903, vol. 5, pp. 81–114. (in Russ.)
- Sherstova L. I.** Etnopoliticheskaya istoriya tyurkov Yuzhnoi Sibiri XVII–XIX vekov [Ethnopolitical history of the Turks of Southern Siberia of the 17th – 19th centuries]. Tomsk, TPU Press, 1999, 432 p. (in Russ.)
- Shorina D. E.** Natsional'nyi prazdnik v muzeinom prostranstve [National holiday in the museum space]. In: Proektno-tekhnologicheskie i organizatsionno-metodicheskie aspekty deyatelnosti etnokul'turnykh kollektivov [Design, technological, organizational and methodological aspects of the activities of ethnocultural collectives]. Barnaul, Azbuka Publ., 2014, pp. 130–137. (in Russ.)
- Shternberg L. Ya.** Tatory [Tatars]. In: Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona [Encyclopedic dictionary of Brockhaus and Efron]. St. Petersburg, 1902, vol. 67, pp. 347–350. (in Russ.)
- Slavnin V. D.** Pogrebal'nyi obryad kumandintsev [The funeral rite of the Kumandin people]. In: Obryady narodov Zapadnoi Sibiri [Rites of the peoples of Western Siberia]. Tomsk, TSU Press, 1990, pp. 132–146. (in Russ.)
- Slavnin V. D.** Ocherk predstavlenii o brake i svadebnoi obryadnosti u chedyberov [An essay on the ideas of marriage and wedding ceremony among the Chedybers]. In: Sibir', Tsentral'naya Aziya i Dal'nii Vostok: vzaimodeistvie narodov i kul'tur. Vtorye nauch. chteniya pamyati E. M. Zalkinda: materialy konf. [Siberia, Central Asia and the Far East: interaction of peoples and cultures. The second scientific readings of the memory of E. M. Zalkind: works of conf.]. Barnaul, AzBuka Publ., 2005, pp. 71–91. (in Russ.)
- Slavnin V. D., Sherstova L. I.** Narody Severnogo Altaya: nekotorye problemy etnogeneza i etnicheskoi istorii [Peoples of the Northern Altai: some problems of ethnogenesis and ethnic history]. In: Kul'tura i traditsii korennykh narodov Severnogo Altaya [Culture and traditions of the indigenous peoples of the Northern Altai]. St. Petersburg, SPbSU Press, 2008, pp. 5–124. (in Russ.)
- Tukmachyova E. I.** Kumandinskie legendy i skazki [Kumandin legends and fairy tales]. Biysk, Biya Publ., 2011, 52 p. (in Russ.)
- Tukmachyova E. I.** Dva ryzhikh zherebenka. Kumandinskie legendy [Two red foals. Kumandin legends]. Biysk, Biya Publ., 2015, 52 p. (in Russ.)
- Tukmachev-Sobolekov L. M.** U istokov drevnego Altaya [At the origins of the ancient Altai]. Biisk, 2001, 195 p. (in Russ.)
- Urtegeshev N. S.** Sotsiologo-lingvisticheskaya situatsiya u kumandintsev [Sociologic and linguistic situation among Kumandins]. *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo universiteta im. al'-Farabi* [Bulletin of the Kazakh National University], 2005, no. 5, pp. 105–107. (in Russ.)
- Uchites' govorit po-kumandinski. Russko-kumandinskii razgovornik [You learn to speak in Kumandin. Russian-Kumandin phrasebook]. Gorno-Altaysk, 1990, 152 p. (in Russ.)
- Verbitsky V. I.** Altaiskie inorodtsy [Altai aliens]. Gorno-Altaysk, Ak-Chechek Publ., 1993, 268 p. (in Russ.)

List of Sources

- Federal'nyi zakon № 82 ot 05.04.2009 g. "O garantiyakh prav korennykh malochislennykh narodov Rossiiskoi Federatsii" [Federal Law no. 82 of 05.04.2009 "On guarantees of the rights of small indigenous peoples of the Russian Federation"]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901732262> (in Russ.) (accessed: 21.01.2021).
- Federal'nyi zakon ot 30.04.1999 g. № 82-FZ (red. ot 05.04.2009) "O garantiyakh prav korennykh malochislennykh narodov Rossiiskoi Federatsii" [Federal Law No. 82-FZ dated 30.04.1999 (as amended on 04/05/2009) "On Guarantees of the Rights of Indigenous Small-numbered Peoples of the Russian Federation"]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901732262> (in Russ.) (accessed: 22.01.2021).
- Konstitutsiya Respubliki Altai (Osnovnoi Zakon) [The Constitution of the Altai Republic (The Basic Law)]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/304200009> (in Russ.) (accessed: 28.03.2021).
- Perechen' vstreivshikhsya v perepisnykh listakh variantov samoopredeleniya naseleniya po voprosu "Vasha natsional'naya prinaldlezhnost'" Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2002 goda [The list of options for self-determination of the population found in the census lists on the question "Your nationality" All-Russian population Census of 2002]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/alfavit/alfavit_nac2002.html (in Russ.) (accessed: 21.08.2022).
- Programmy i posobiya k razrabotke Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1926 goda [Programs and manuals for the development of the All-Union Population Census of 1926]. Moscow, TsSU USSR Publ., 1927, iss. 7: Perechen' i slovar' narodnostei, 12 p. (in Russ.)
- Slovar' natsional'nostei dlya razrabotki Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1937 goda / Tsentr. upr. nar.-khoz. ucheta Gosplana SSSR. Byuro Vses. perepisi naseleniya [Dictionary of nationalities for the development of the All-Union population census of 1937 / Center. upr. nar.-khoz. accounting of the USSR State Planning Committee. The Bureau of the Vses. population censuses]. Moscow, Red.-izd. upr. TsUNKhU Gosplana SSSR: V/O "Soyuzorguchet", 1937. (in Russ.)
- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 g. Otdel I: Sibirskii krai: narodnost', rodnoi yazyk, vozrast, gramotnost' [All-Union population Census of 1926 Department I: Siberian Region: nationality, native language, age, literacy]. Moscow, Izd-nie TsSU SSSR, 1928, vol. 6, 256 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Ирина Вячеславовна Октябрьская, доктор исторических наук

Scopus Author ID 14627426400

WoS Researcher ID R-7307-2016

RSCI Author ID 75173

SPIN 3259-3840

Василий Владимирович Николаев, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 55939564400

WoS Researcher ID Q-3727-2016

RSCI Author ID 395976

SPIN 2192-8084

Екатерина Викторовна Самушкина, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 26423259500

WoS Researcher ID Q-3807-2016

RSCI Author ID 615373

SPIN 2684-8193

Information about the Authors

Irina V. Oktyabrskaya, Doctor of Sciences (History)

Scopus Author ID 14627426400

WoS Researcher ID R-7307-2016

RSCI Author ID 75173

SPIN 3259-3840

Vasily V. Nikolaev, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 55939564400

WoS Researcher ID Q-3727-2016

RSCI Author ID 395976

SPIN 2192-8084

Ekaterina V. Samushkina, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 26423259500

WoS Researcher ID Q-3807-2016

RSCI Author ID 615373

SPIN 2684-8193

Вклад авторов:

И. В. Октябрьская – разработка концепции исследования, подготовка текста.

В. В. Николаев – обобщение результатов архивных, полевых и статистических материалов, подготовка текста.

Е. В. Самушкина – подготовка и анализ документальных материалов, подготовка текста.

Contribution of the Authors:

Irina V. Oktyabrskaya development of the research concept, preparation of the text.

Vasily V. Nikolaev summarizing the results of archival, field and statistical materials, preparing the text.

Ekaterina V. Samushkina preparation and analysis of documentary materials, preparation of the text.

Статья поступила в редакцию 01.05.2024;

одобрена после рецензирования 30.05.2024; принята к публикации 30.05.2024

The article was submitted on 01.05.2024;

approved after reviewing on 30.05.2024; accepted for publication on 30.05.2024

Список сокращений

АлтГУ	–	Алтайский государственный университет, Барнаул
АН СССР	–	Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
БГПИ	–	Барнаульский государственный педагогический институт
ИА РАН	–	Институт археологии Российской академии наук, Москва
ИАЭТ СО РАН	–	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск
ИИСКиП АлтГПУ	–	Институт истории, социальных коммуникаций и права Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул)
ИПС	–	исходное пластичное сырье
КСИЭ	–	Краткие сообщения Института этнографии
МАЭ	–	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Санкт-Петербург
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
МНСК	–	Международная научная студенческая конференция
НГУ	–	Новосибирский государственный университет
ОмГУ	–	Омский государственный университет
РАЭСК	–	Российская археолого-этнографическая конференция студентов и молодых ученых
РАН	–	Российская академия наук
РНФ	–	Российский научный фонд
РЭМ	–	Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
СА	–	Советская археология
СГСПУ	–	Самарский государственный социально-педагогический университет
СМАЭ	–	Сборник Музея антропологии и этнографии
СО РАН	–	Сибирское отделение Российской академии наук
СЭ	–	Советская этнография
ТГУ	–	Томский государственный университет

Информация для авторов

Автор (соавторы), направляя статью в редакцию журнала, на безвозмездной основе передает (передают) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ неисключительное право на использование статьи (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных договоров Российской Федерации являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, на распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (и исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на предоставление всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Авторы представляют статьи на русском или английском языке. Название статьи должно строго соответствовать содержанию. Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной рецензии.

Объем статей не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм равняется 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков); объем сообщений, рецензий и других подобных материалов – до 8 тыс. знаков. В случае превышения указанных объемов такая публикация может быть принята к печати лишь по отдельному решению редколлегии. Публикация источников – по согласованию с редколлегией.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

Подробно ознакомиться с правилами оформления статей, а также проследить за ходом работы с Вашей статьей в редколлегии выпуска можно по адресу: <https://nguhist.elpub.ru/>.

Адрес редакционной коллегии выпуска «Археология и этнография»: к. 1262, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия. Тел. +7 (383) 363 42 62